ПИОНЕР 10

1982

БУДЕТ ХЛЕБ —
БУДЕТ ПЕСНЯ!

Красное знамя — символ Революции. Оно обагрено кровью борцов за народное счастье. Под Красным знаменем красногвардейцы штурмовали Зимний, сражались в годы гражданской войны. Красное знамя звало на подвиг героев первых пятилеток. Советский солдат водрузил знамя Победы над рейхстагом в памятном 1945-м.

В знак особых заслуг перед страной Ленинский комсомол отмечен тремя Памятными знаменами: в год пятилетия ВЛКСМ — Красным знаменем РКП(б), в год 50-летия и 60-летия — Красными знаменами ЦК КПСС. Эти знамена хранятся в зале комсомольской Славы в здании ЦК ВЛКСМ — боевом штабе Ленинского комсомола. Их выносят в самые торжественные дни в жизни ВЛКСМ — на комсомольских съездах и пленумах, во время митингов молодежи на Красной площади. Памятные знамена зовут миллионы молодых сердец на труд и на подвиг во имя Родины.

Памятным знаменем ЦК ВЛКСМ награждена теперь и Всесоюзная пионерская организация имени В. И. Ленина *(снимки справа)*. Знаменами партийных, комсомольских организаций, воинских частей, советов ветеранов войны и труда награждены многие пионерские дружины, районные и городские пионерские организации. Пленум ЦС ВПО имени В. И. Ленина, который принял программу Всесоюзного Марша юных ленинцев, постановил провести Всесоюзный сбор знаменосцев Памятных и Почетных Красных знамен. Первый такой сбор состоялся в Москве в мае 1961 года *(снимок слева)*.

РАВНЕНИЕ НА ЗНАМЯ!

Вниманию советов дружин!

Журнал «Пионер» дает задание: узнайте, за что и когда ваша дружина была награждена Памятным или Почетным Красным знаменем, расскажите о первых знаменосцах, сделайте снимки знамен и вместе с вашим рассказом вышлите в «Пионер». Начинайте подготовку ко Всесоюзному сбору знаменосцев Памятных и Почетных Красных знамен.

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

ОКТЯБРЬ 10

Москва 1982 г.
Издательство «Правда»

Фотографии В. ГУСЕВА и В. КРУПСКОГО.

Рассказ о Саяно-Шушенской ГЭС — Всесоюзной

ПЛОТИНА. Любая гидроэлектростанция, малая или большая, начинается с плотины. Это ее основа, опора, начало всех начал. Глядя на плотину Саяно-Шушенской ГЭС, чувствуешь себя человеком, которому все подвластно,— человеком, который может изменить русло реки, сдвинуть с привычных мест скалы, поселить в тайге беспредельное море.

Ни одна гидроэлектростанция страны не знала таких объемов — Саяно-Шушенская на голову переросла своих «электрических родичей». Одна высота плотины чего стоит — четверть километра! Да длина по гребню больше тысячи метров. Я сам позже поднялся на самую высокую отметку и прошагал по этому самому гребню. Вниз смотришь — дух замирает!

И хотя знаешь, что плотину строят обычные парни и девчата в спецовках, все равно тебя не покидает ощущение чуда, безграничности человеческих возможностей. Чудо и в том, что о плотине тут говорят как о живом, очень близком существе.

— А плотина-то у левого берега еще метра на три поднялась.

— Эх, сильный паводок пошел, держись, милая...

— О плотине нашей кино делают, с «Мосфильма» приехали.

Дорожат ею, гордятся, тревожатся. И недаром в обиход вошло такое выражение — «тело плотины». Теплое, очень человеческое слово — тело.

Господствующая высота плотины не только изменила окрестности, она изменила и перевернула представление о многих обычных вещах. Ученики младших классов знакомство с арифметикой начинают с миллионов и миллиардов. Потому что эти цифры стали повседневностью. Ну, кто же в молодом Саяногорске не знает, что на плотине надо смонтировать почти **двести тысяч тонн** металлоконструкций? А разве плакаты и диаграммы на каждом шагу не напоминают, что в тело плотины надо уложить **десять миллионов тонн** бетона? И в какой

Юрий КРУТОГОРОВ

ВЫСОТА

Рисунки А. ДУГИНА.

ударной комсомольской стройке и ее людях

семье отец не скажет сыну, что ГЭС после пуска станет вырабатывать **24 миллиарда киловатт-часов** электроэнергии?

Таковы здесь у малышей ступени познания мира. Цифры эти с детства входят в сознание, привычные, как первые слова и первые шаги.

И я, поверьте, нисколько не преувеличиваю.

И все же невероятная мощность плотины стала для меня впервые по-человечески осязаемой, когда я стал свидетелем редкого зрелища.

Во время весеннего паводка Саянское водохранилище переполнилось и всем своим напором навалилось на бетонную громаду. Это было опасно для плотины. Открыли особые задвижки в теле плотины, чтобы сбавить напор. И тут грохот потряс окрестности. Вниз обрушился поток, который вместил в себя сразу шесть таких рек, как Нева! Вот какой силищей легко распоряжается плотина, вот какую богатырскую мощь Енисея готовы принять на себя турбины, чтобы переплавить ее в энергию электрическую.

Вместе со мной на водосливе был комсорг стройки Саша Снежко. На что привык к таким зрелищам, а тут не вытерпел, прицокнул языком:

— Во мощь! В одну секунду спускается 15 тысяч кубометров воды...

— В одну секунду?

— Вот именно.

И я подумал о том, что миллионы и миллиарды становятся куда понятнее, когда пропускаются через игольное ушко одной всего лишь крохотной секунды...

КОМСОРГ САША СНЕЖКО. После института он мог остаться в Ленинграде. В те годы как раз в объединении «Электросила» начинали делать первое рабочее колесо для первой саянской гидротурбины. Среди заводчан в ходу была шутка: «Нева впадает в Енисей». И Саша Снежко сделал свой выбор: стал гидростроителем, отправился работать на Енисей, на Всесоюзную ударную...

Саша монтировал первую турбину, сделанную в Ленинграде. Дни были горячие. Рабочее колесо, проделавшее путь от Ленинграда через Северный Ледовитый океан, через Дудинку к верховьям Енисея, попало в руки Саши Снежко и его новых друзей. По ободу колеса было четко выписано: «Ленинградцы — Саянам». И Саше это было особенно приятно, точно получил весточку от родных.

Огромное колесо весом почти в двести тонн встало на свое постоянное место. 27 января 1978 года работа была завершена. Эту дату Саша считает своим вторым днем рождения — днем рождения гидроэнергетика.

Вскоре его избрали комсоргом стройки. Это высокий пост, в организации — около тысячи комсомольцев. Они дали плотине человеческое имя — комсомольская. Улыбаясь, Саша говорил мне:

— Плотина, правда, для нас словно живая. У нее свое дыхание, свое сердце, свой пульс. Я его научился слушать. Не сразу, конечно. А вот как первый агрегат пустили, пошел первый ток — и возникло ощущение: да она живет... Пусть еще многое надо сделать, а ведь уже дает тепло и свет, влилась в Единую энергосистему страны. Может быть, огонек у вас в московской квартире от нашей ГЭС.

Саша высок, худ, у него веселое, подвижное лицо, на голове берет, лихо надвинутый на ухо, как у морского пехотинца.

В кабинете его никогда не застанешь. Разрываются телефоны — из горкома ВЛКСМ, из разных управлений. Он всем нужен. Но нужнее всего он на плотине.

— Где Саша?

— В бригаде имени Юрия Гагарина.

Подсказывают, на какой отметке работает бригада, названная в честь первого космонавта.

— Саша Снежко? Ушел уже. Провел летучее комсомольское собрание, побежал, кажется, на монтаж восьмого агрегата. (О повестке дня можно узнать по трепещущей на ветру бумажке: «Ни часу простоя на бетонных работах».)

Спускаешься на рабочем лифте вниз (примерно так: с двадцатого на первый этаж). Восьмой агрегат. Лязгает металл, гудят сварочные аппараты, гул такой, что сразу глохнешь.

— Саша Снежко? А во-о-он на эстакаде с Ваней Красиковым.

Ваня экипирован и вооружен, как положено газоэлектросварщику. Вид бравый, во всем его облике так и угадывается порыв: «Идем на Вы, Енисей». В руке, точно опущенная шпага, резак, еще раскаленный на кончике от жаркого пламени. Маска со стеклянным окошком вскинута вверх. Видно по всему, парень на пару минут оторвался от сварки, чтобы поведать комсоргу о каких-то неполадках. Ага, крепеж подают с опозданием. Просит комитет комсомола вмешаться. Саша что-то записывает в блокнот.

— Это дело, будь спокоен, поправим...

Ваня Красиков — кто же его тут не знает! Он «варил» все конструкции на турбинах — от первой до восьмой. Вся стройка помнит важную дату в жизни Вани Красикова — когда в 1981 году он стал, как лучший строитель ГЭС, лауреатом премии Ленинского комсомола.

С Сашей Снежко мы поднимаемся с одной отметки на другую, опускаемся в шахту будущей турбины, скользим по отвесным трапам. Но на каком бы

участке ни находились, Саша непременно с гордостью заметит:

— Это все комсомольцы сотворили. Своими руками.

Поправляет сползший на ухо берет, задумывается:

— Я вас сейчас с одной дивчиной познакомлю. Ничем пока еще не знаменитая. Одна из тех, на ком стройка держится...

— Кто это?

— А узнаете сейчас.

НАТАША СТАРИКОВА. Передо мной два документа. Первый: «Выписка из протокола комсомольского собрания бригады Н. Кожина. Ходатайствовать перед администрацией о зачислении в бригаду почетным членом одного из основоположников практической космонавтики академика Сергея Павловича Королева». Вот второй документ: «Приказ № 54-к. Зачислить С. П. Королева плотником-бетонщиком 3-го разряда в комплексную бригаду с 5 февраля 1979-го. Присвоить табельный номер 2037. Заработную плату перечислять на расчетный счет детского дома г. Абаза. Начальник управления основных сооружений А. Чечик».

Эти документы мне показала комсорг бригады имени Королева Наташа Старикова.

Вагончик бригады уместился на небольшой площадке (когда я уезжал, он снизу показался мне скворечником).

Был обеденный перерыв. За столом собралась бригада. Кто пил чай, кто кефир, кто наливал в тарелку из термоса суп. Домашняя привычная обстановка. На стенах вагончика — фотографии Королева. Их прислала мать Главного Конструктора Мария Николаевна Баланина-Королева. Недавно во время отпуска члены бригады были у нее в гостях.

— Наташа, сколько в твоей бригаде комсомольцев?

— Одиннадцать, включая Сергея Павловича.

— Много вы перечислили на счет детского дома?

— С начала строительства — четырнадцать тысяч рублей.

— И все это из вашей зарплаты?

— А что, мы люди богатые. Перекрываем норму в полтора раза. В смену каждому надо укладывать по шесть кубометров бетона, а мы делаем по восемь с половиной. И за себя, и за... почетного члена бригады.

— Трудновато бывает?

— А по-всякому. Сама плотина не растет. Ее тянуть надо. Да мы привычные. У нас техника. Ну и опыт кое-какой накоплен.

Час за часом поднимают они бетонную громаду. Своими руками уложили в тело плотины почти 300 тысяч кубометров бетона. Редкий показатель даже по здешним масштабам. А рекордсменами члены бригады себя не чувствуют. Только и скажут:

— Без простоев работаем.— И больше ничего ни от Наташи, ни от ее друзей не добьешься.

Без простоев — это значит, не страшны им штормовые ветры. Без простоев — это значит, не страшны жгучие морозы, от которых инеем покрывается металл.

Бывает нелегко. Вспоминаются более уютные места на земле, далекое теплое море, мама, родная деревня где-нибудь далеко-далеко...

— А что вы в свободное время делаете?

— Не знаю, можно ли его свободным назвать. Все мои комсомольцы — члены педагогического отряда «Бригантина». Как выпал час-второй, к ребятишкам в школу бежишь. Я — в свой 4 «Г». Один наш парень как-то хорошо сказал: и плотину растить надо, и ребятишек...

Как-то летом вожатые из бригады имени Королева повезли своих пионеров в Шушенское. Отсюда недалеко — восемьдесят километров. Здесь, возле дома, где отбывал ссылку В. И. Ленин, провели сбор, повязали принятым в пионеры ребятам галстуки. Как торжественно звучали слова пионерской клятвы в ленинском мемориальном музее под открытым небом!

Каждая такая поездка в Шушенское для членов бригады и их товарищей по стройке, для этих мальчишек и девчонок из школы — событие незабываемое.

Восемьдесят лет назад, находясь здесь, в глухой ссылке, Ленин думал о «России электрической». Как тогда было нелегко поверить, что на этих бескрайних просторах будет иная жизнь, иная судьба озарит берега Енисея. А Владимир Ильич верил, он видел сквозь десятилетия вперед.

На столе ссыльного Ульянова стояла керосиновая лампа, лежали листы бумаги. Вот шкаф с книгами, которые он читал. Вот письма его друзей по партии. Как это было давно! И в то же время так осязаемо близко! Предвидение вождя, его мудрая прозорливость как-то удивительно ощущаются здесь, в Шушенском.

Потом будут ГОЭЛРО, Днепрогэс, Магнитка, Комсомольск-на-Амуре, Куйбышевская ГЭС имени В. И. Ленина, а тогда на столе вождя стояла простенькая керосиновая лампа, лежали быстро исписываемые листки бумаги — драгоценные свидетели тех, таких далеких, лет.

Ленинский мемориал в Шушенском занимает площадь небольшую, но в широком смысле ленинские места — это и новый город на берегу Енисея Саяногорск, и строящаяся Саяно-Шушенская ГЭС, и новые заводы, вырастающие вокруг, и линии электропередач, тянущиеся отсюда к БАМу, Байконуру, к селам Нечерноземья, к столице нашей Родины...

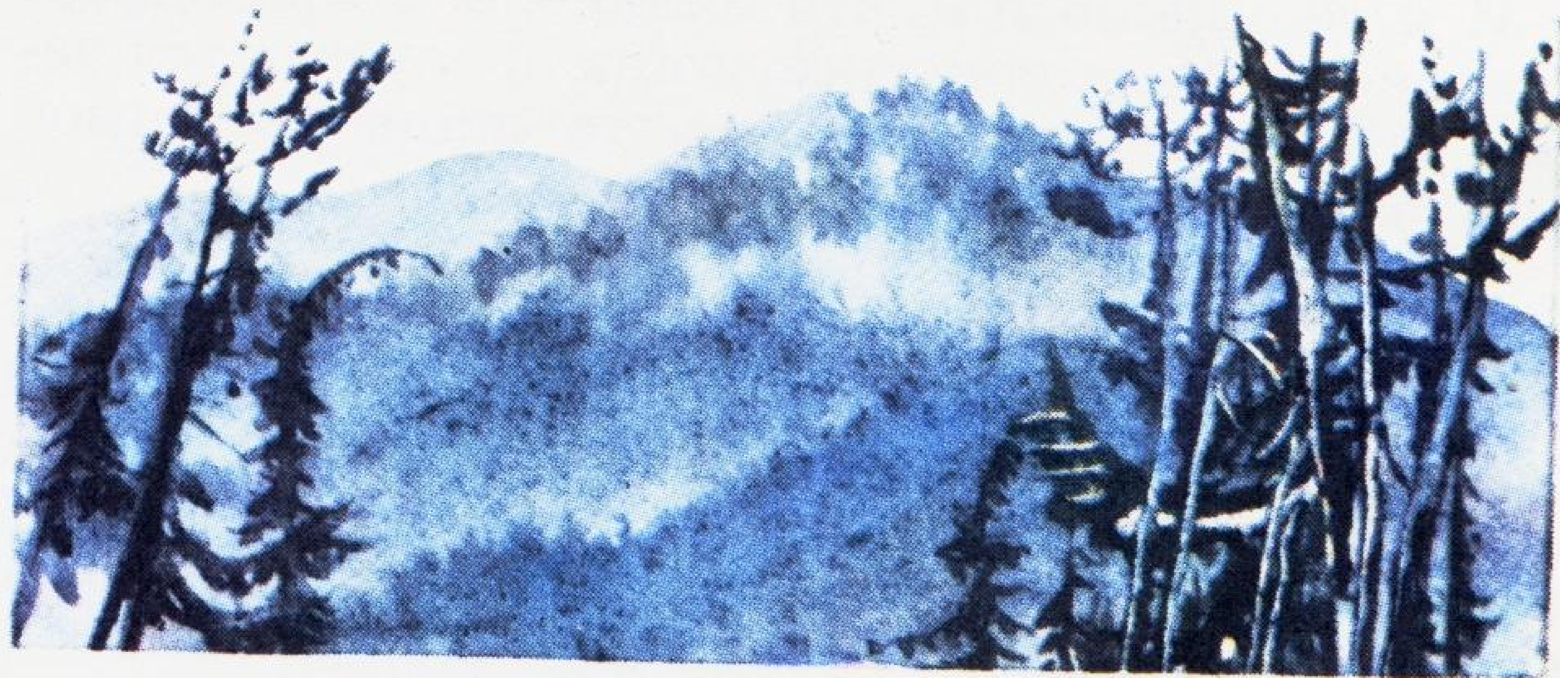
Наташа Старикова часто приводит своих мальчишек и девчонок на стройку. С высоты плотины хорошо видны пики Саян, убегающий вдаль Енисей, расстилающаяся внизу голубоватая тайга.

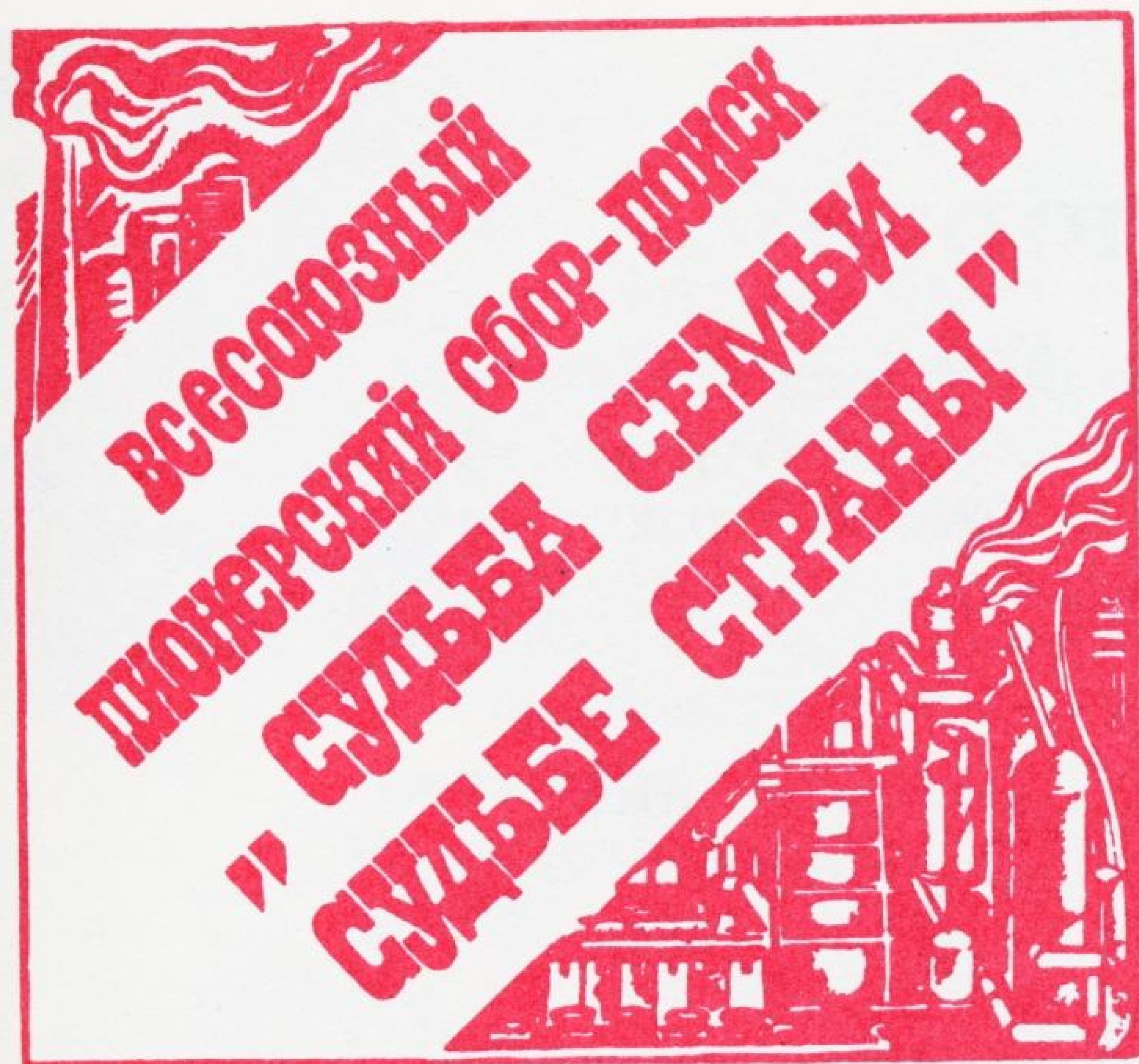
В песне комсомольско-молодежной бригады имени Королева есть такие слова:

Будет ГЭС.
Город построен будет.
В час по блоку, в миг по кирпичу.
Так рабочие решили люди,
Ну, а им такое по плечу.

Четвертый «Г» очень любит эту песню, особенно когда ее Наташа запевает. В такие минуты, сколько бы тебе ни было лет, чувствуешь себя человеком, которому все по силам.

Любое дело. Любое желание. Любая высота.





Неразрывно связаны с историей

Дорогие друзья! Черкасская областная библиотека для детей тоже принимает участие в сборе-поиске «Судьба семьи в судьбе страны». Наши юные читатели следят с большим интересом за каждым номером журнала «Пионер». Жаль, что вы не видели, с каким огоньком ребята готовились к проведению сбора — записывали воспоминания людей, судьбы которых неразрывно связаны с историей нашей Родины, читали книги, приглашали на сбор своих родных и близких.

Все мы очень любим наш молодой город, город химиков и машиностроителей, ткачей и речников. Город строили бабушки и дедушки, тети и дяди ребят, трудом их пап и мам выполняются планы пятилетки.

Мы очень хотим, чтобы рассказы наших ребят — участников сбора-поиска «Судьба семьи в судьбе страны» понравились читателям журнала «Пионер».

С уважением —
Любовь Александровна ТКАЧ,
зав. отделом областной детской библиотеки,
г. Черкассы.

Не изменяя любимой профессии

В этом году моему дедушке Серафиму Афанасьевичу Пасечнику исполнилось 69 лет. Всю жизнь он не изменял своей любимой профессии шофера — водителя грузового автомобиля. С первых дней Великой Отечественной войны на своем автомобиле он перевозил боеприпасы и оружие. Дедушка объехал пол-Европы, освобождал Польшу, Венгрию, Румынию, Чехословакию. Видел и пережил многое.

Рассказывал он мне такой случай. Однажды в Чехословакии ехали они колонной из пяти машин, везли нашим частям боеприпасы. Вдруг началась бомбежка. Передняя машина вспыхнула и взорвалась, и кузов дедушкиной машины тоже загорелся. Но, к счастью, кабину рвануло и отбросило в сторону от кузова. Дед и его командир остались живы, их только контузило. Когда бомбежка кончилась, деда и его командира отвезли в медсанбат. А через два дня он снова сел за руль.

На фронте дед получил медали «За боевые заслуги» и «За освобождение Праги». В Чехословакии праздновал Победу.

После войны дед вернулся в родной поселок Монастырище Черкасской области и снова сел за руль. Был передовиком, учил молодых водителей. Очерки о деде печатали в газетах.

Я очень люблю дедушку, горжусь им и хочу быть такой же трудолюбивой и храброй, как он.

Вита ПАСЕЧНИК,
17-я средняя школа, г. Черкассы.

Руками таких, как мой дед

Мой дедушка родился всего за год до Великой Октябрьской революции в бедной многодетной крестьянской семье. Молодость деда пришлась на то время, когда создавались колхозы, строились заводы и фабрики, люди начинали жить по-новому.

Дедушка рассказывает, что всегда хотел учиться. Сначала поступил в техникум механизации сельского хозяйства, а потом — в сельскохозяйственный институт. Учебу дедушки прервало вероломное нападение фашистов на нашу страну. Чтоб не отдать хлеб врагу, первые два месяца войны дед помогал убирать урожай. А потом до октября 1944 года дрался с фашистами на фронте.

Служил дедушка в истребительной авиации на станции обнаружения и наводки. При его участии было сбито около пятидесяти самолетов противника, за что и наградили его медалью «За боевые заслуги». При бомбежке дед был ранен и контужен, а когда его демобилизовали, то окончил институт и работал председателем колхоза в Житомирской области.

Дедушка говорит, что работать после войны было нелегко: не хватало тракторов, комбайнов, удобрений. Но колхоз его давал урожаи в 2—3 раза больше, чем другие в Полесской зоне, где почва песчаная и болотистая.

В сельском хозяйстве дедушка проработал всего сорок лет.

Теперь, когда дед стал пенсионером, он может спокойно отдыхать, сознавая, что все сделал для своей страны, которая стала могучим государством. И мощь его создана руками миллионов таких, как мой дед.

Лена КОСЕНКО,
17-я средняя школа, г. Черкассы.

Виталий КОРЖИКОВ

Вожатый

Ну и шутник вожатый наш!
Сказал словцо —
Хохочет пляж.
Мигнул —
Весь пляж и «ох!» и «ах!»:
Отряд шагает
На руках!

А заводной! Воскликнул «ап!»,
Нырнул, вспорхнул —
И в пальцах краб!
В другой руке — морской конек,
А сам он — словно огонек!

А если он затеет спор...
Ну, не вожатый, а костер!
Так разожжет в пылу ребят —
Сто костерков вокруг горят!

Но раз, под гомон чехарды
В волнах затеяв пляску,
Нырнув, он вынес из воды
Простреленную каску.

И вдруг притих вожатый наш,
Вокруг собрался целый пляж.
Примолкли разговоры.
Притихли мы и горы.

И кто-то вспомнил горький год,
Когда при артобстреле
На берегу держался взвод,
Бойцы в огне горели;
Как метил вражеский фугас
В бойца с лихою каской;
Как полз солдат в последний раз
Под танк с гранатной связкой...

И закурился разговор
У моря под горою.
И сам собой взошел костер
Вечернею порою.
И звезды вспыхнули вдали,
Когда запел вожатый,
Какой прекрасный мир спасли
Советские солдаты.

И все теснее наш отряд,
И сто костров в глазах горят!

Черноморье

На берегу смолят баркас.
Мальцы с причала ловят рыбу.
Который год, в который раз
Я здесь почувствую:
«Спасибо!»

Степная рань. Безбрежье. Юг.
И высь, и линия прибоя...
И вдруг — окоп!
Осколки вдруг
Обозначают место боя!

Из отдыхающей земли —
Полусожженные обломки!
Так
Этот берег
Берегли:
До крохи! До последней кромки!

Края атак.
Горит восход.
Дымок над бухтой заалевшей...

Спасибо, павший самолет,
Тебе спасибо, танк сгоревший,
Тебе, горевший катерок,
За дали, за поля, за реки.
И — за пылающий урок,
За ваш пылающий урок,
Не угасающий вовеки!

Шутка

Так бывает, так бывает:
Ради шутки, на потеху
Кто-то крикнет: «Погибаю!»
«Помогите!» — вторит эхо.

А иной совсем без риска
Со смешком черкнет записку:
«Помогите человеку!»
И бутылку пустит в реку.

Но другой прочтет, поверит.
Но другой — рывком за двери.
И в бушующую полночь
Тут же бросится на помощь!

Проплывет — сто миль и тыщу
Вдаль, к тревожащему звуку.
Пусть кого-то не отыщет —
Ста в пути протянет руку!

Сам хлебнет волны и соли.
По пути засеет поле,
Дружбы новые построит,
Дали новые откроет.

Человек пойдет по звездам,
По горам, обвалам грозным
И тропой первопроходца
К Марсу самому пробьется.

Но по правилу седому
Раз и он вернется к дому,
Завернет к тому, кто в шутку
Так повел по первопутку.

И услышит слева, справа:
— Это тот? Какая слава!
А иной шепнет с ухмылкой:
— А пустился... за бутылкой!

Он на это не ответит
Ни побаской, ни бывалкой,
Вдруг, задумавшись, посветит
Марсианской зажигалкой...

Но потребуют ответа:
Как же он прошел все это?
Как попался на забаву,
А вошел в такую славу?

Пусть припомнит, пусть уважит,
Как торил дорогу веку.
Усмехнется он и скажет:
— Шел
На помощь
Человеку.

Рисунок В. ДУДКИНА.

Криком делу не поможешь

Скоро я пойду на совет отряда. Я жду этого дня, потому что знаю: ребята мне помогут. Сейчас я вожатая в третьем классе. Сначала все было хорошо. Мы вместе ходили на экскурсии, собирали металлолом, играли, читали книги. Но вдруг я стала замечать, что ребята перестали меня слушаться, дружные прежде третьеклашки почему-то начали ссориться. Я хотела провести сбор, но из этого ничего не вышло. Характер у меня слишком несдержанный, и когда ребята расшумелись, я накричала на них. После этого мои подшефные вообще потеряли интерес ко всяким делам. От отчаяния я даже не знаю, что придумать. Хотела вообще отказаться от работы с третьеклашками, но как же я после этого посмотрю в глаза своему классу? Нет, надо что-то делать.

И на совете отряда вместе подумаем об этом.

Люда КОФЕЙНИКОВА,
село Чукари-Ивановка,
Оренбургская область.

В гостях у дрессировщика

Однажды мы с мамой были в цирке. Мне все там нравилось: и клоуны, и акробаты, и жонглеры. Но когда на арену вышел дрессировщик Валерий Филатов со своими воспитанниками, я просто не мог оторваться — животные такие умные и послушные. Мне очень хотелось поговорить с самим дрессировщиком... Обойдя цирк кругом, я увидел на двери табличку: «Дирекция». Страшновато, конечно, было, и я несколько минут собирался с духом.

Войдя в комнату дрессировщика, я так растерялся, что даже забыл, зачем пришел, а когда вспомнил — испугался: сейчас прогонят. Но Валерий Филатов оказался очень добрым и веселым. Вот что он мне рассказал.

Еще в детстве он очень любил животных, дома у него всегда жил какой-нибудь зверек. А сейчас Валерий Филатов дрессирует даже леопардов. Они не сразу стали слушаться, один из них до сих пор не хочет прыгать на тумбу, но он еще маленький, вырастет немного и тоже научится. Филатов никогда не наказывает своих питомцев — они могут обидеться, и тогда вообще ничего не получится.

Прощаясь, я спросил дрессировщика: «Скажите, пожалуйста, а животные вас любят?» «Не знаю,— засмеялся он.— Это надо узнать у них».

Родион МОРОЗОВ,
г. Москва.

Владислав КРАПИВИН,
лауреат премии Ленинского комсомола

ЖУРАВЛЕНОК И МОЛНИИ

РОМАН ДЛЯ РЕБЯТ И ВЗРОСЛЫХ

Продолжение. Начало в № 9.

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА.

Детективная история

За окнами набухало пасмурным светом октябрьское утро, но в классе еще горели лампы. Журка стоял у доски и рассказывал о негритянских волнениях в Алабаме. Он говорил о пожарах и стрельбе, но слушали не все. Кое-кто дремал, потому что не доспал, торопясь на политинформацию. Кое-кто украдкой, чтобы не увидела Маргарита Васильевна, готовил английский. Ну и ладно, они по крайней мере не мешали. А Толька Бердышев, вздрагивая пухлыми щеками, стрелял пшеном из стеклянной трубки. И, как нарочно, по тем, кто слушал.

— Кончал бы ты, Бердышев,— сказал наконец Журка.

Тот быстро убрал трубку. А Маргарита Васильевна, сидевшая на первой парте, обернулась:

— В чем дело, Бердышев?

— Ни в чем,— сказал Толька и захлопал белыми ресницами.

— Журавин, в чем дело?

Журка смешался. Получилось, что он наябедничал. Но Иринка бесстрашно сказала со своей парты:

— Он крупой плюется, дубина такая. Сам не слушает и другим не дает...

— А чего тут слушать? Это по телику тыщу раз говорили.

— Да ты по телику только мультики да хоккей смотришь,— сказал Сашка Лавенков и запихнул в парту учебник английского.

— Нет, еще передачу «Для вас, малыши»,— вставил Горька.

— Ну-ка, прекратите,— потребовала Маргарита Васильевна.— Журавин, продолжай... Он, кстати, очень интересно рассказывает,— добавила она.

— Только пускай покороче,— попросил Борька Сухоруков по кличке Грабля, человек из компании Капрала.

— Не нравится — топай из класса! — вдруг взвинтился Журка.— Тебе вообще на все наплевать, кроме своей шкуры! Вот вогнали бы в тебя всю обойму, как в того мальчишку, тогда бы по-другому запел!

— В какого мальчишку? — удивленно спросил кто-то. Многие уже забыли, как Журка рассказывал, что волнения начались после гибели негритянского мальчика: его застрелил недалеко от школы полицейский.

— Слушать надо,— подала голос Лида Синявина, соседка Горьки.

— А мы слушали,— нахально сказал Бердышев.

— Ага! Особенно ты! — зло откликнулась Иринка.— Тебе про пули говорят, а ты пшеном пуляешь. Тебя самого бы туда, где стреляют, в Алабаму...

— За что его туда, бедного? — ухмыльнулся Грабля.

— За глупость,— сказал Сашка Лавенков.

Журка молчал. Оттого, что за него так быстро и решительно заступились, он заволновался, даже в глазах защипало. А Бердышев в самом деле дубина!

— Ничего ты не понимаешь,— сказал ему Журка.— Там же н а с а м о м д е л е дома горят, там людей убивают. Вот прямо сейчас, только с другой стороны Земли, вон там, под нами...— Журка ткнул пальцем в пол, и все тоже посмотрели вниз, будто сквозь громадную земную толщу могли увидеть отблески алабамских пожаров.

С Маргариты Васильевны сошло спокойствие. Она поворачивала голову то к Журке, то к ребятам и, видимо, думала: вмешаться или пока не надо?

— Они там стреляют, а я, что ли, виноват? — обиженно проговорил Бердышев.— Я-то что могу сделать?

Кто-то засмеялся, а Журка сказал отчетливо:

— Ты хотя бы не плюйся, балда, когда о чужом горе говорят.

Наступила какая-то виноватая тишина. В этой тишине учительница произнесла:

— «Балда» — это лишнее. А остальное все правильно. Продолжай, Журавин.

— Да я все сказал.

— Молодец... Есть у кого-нибудь вопросы к Юре Журавину?

Лида Синявина подняла руку:

— Только у меня не вопрос. Я добавить хочу... Рассказать.

— Очень хорошо...

— У меня дома такая книжечка есть, называется «Стихи негритянских детей Америки». Там такие стихи... Ну, может быть, не очень

складные, но такие... отчаянные какие-то. Вот одна девочка написала... Можно, я прочитаю?

— Ты выйди к доске.

— Да нет, я здесь...— И она заговорила тихо и раздельно:

— Мир такой просторный для всех,
Большой и зеленый,
А нам некуда идти:
В эту сторону пойдешь —
Горе и боль,
В ту сторону пойдешь —
Черная пустота.
И мы бредем, бредем по самой кромке.
Куда же нам идти?
Нет никакого пути.
И крошится под ногами тропа,
Как лед — тонкий и ломкий...

— Молодец, Лида. Очень искренние стихи. Садись.

— Я еще... вот...

Мы дети,
Но в наших телах — тонких и черных —
Боль долгих веков.
Боль миллионов рабов,
Увезенных с потерянной родины.
Зачем, учитель, вы нам говорите
О нашей свободе,
Если на наших руках и ногах
Красными браслетами
До сих пор
Проступают следы кандалов?
Красные — на черном...

Лида помолчала и села.

Пока она читала, Журка вспомнил Олаудаха и теперь сказал притихшим ребятам:

— У меня книжка есть, очень старинная. Про приключения негритянского мальчика, про рабство. Он был предком вот этих ребят, у которых стихи. В этой книжке так же... такая же боль...

— А может быть, ты принесешь и мы почитаем? — предложила Маргарита Васильевна.— Это было бы очень интересно. Так сказать, перекличка эпох. Можно было бы включить в план пионерской работы.

— Я могу принести. Только ее трудно читать вслух, там язык такой... несовременный. Она в позапрошлом веке напечатана.

— Надо же, какая старина! — удивилась Маргарита Васильевна.— А если ее всю не читать, а ты просто покажешь ее, а самые интересные места перескажешь своими словами? Можно устроить интересный сбор...

— Ладно,— сказал Журка.

На уроке английского Иринка и Журка тихонько шептались. Иринка предложила интересное дело: попросить отца, чтобы он нарисовал картинки про Олаудаха. Перед сбором их можно развесить в классе.

— Лучше я попрошу Валерия Михайловича их переснять и сделать слайды,— сказал Журка.— У него это здорово получается. Слайды можно на экране показать, будет почти кино.

— Тогда надо музыку подобрать подходящую...

— А Игорь Дмитриевич согласится сделать рисунки?

— Неужели нет? Ты сегодня же книжку принеси.

Когда Журка вернулся из школы, папа был дома: приехал на обед. Он две недели назад вернулся из колхоза и работал теперь на строительстве нового квартала совсем недалеко от Парковой улицы. Возил на своем КамАЗе кирпич и облицовочные плиты.

Сейчас папа на кухне разогревал суп, который они с Журкой сварили вчера вечером.

— Обедать будешь, Юрик?

— Нет, я в школе поел... Ты у мамы был?

— Заезжал на минутку. Нормально. В пятницу выпишут.

Журка вздохнул: до пятницы еще четыре дня.

Маму положили в больницу на обследование. Журка знал, что ничего опасного нет, просто проверка, но без мамы дома было скучно. Поэтому он каждый день до вечера сидел у Иринки, даже уроки там готовил. Он и сейчас решил, что возьмет книжку про Олаудаха и сразу побежит к Брандуковым.

Журка подошел к стеллажу, потянулся за книгой... и остановил руку. Что-то на полке было не так. Непривычно. Нет, «Олаудах» стоял на месте, но рядом... рядом не оказалось высокой книги с трещиной на желтом кожаном корешке — «Сочинения об описи морских берегов».

Журка знал на память все книжные корешки, твердо помнил их порядок на полках. Еще вчера «Опись берегов» стояла рядом с «Олаудахом». А сейчас там темнел переплет «Истории кораблекрушений».

Сначала с удивлением, потом с тревогой Журка обшарил глазами все полки. Заглянул в ящик стола и даже под тахту. Потом громко спросил:

— Папа, ты не брал книгу с моих полок?

Было слышно, как отец звякнул о тарелку ложкой, откашлялся и сказал:

— Я к твоим книгам и не подступаюсь. Себе дороже...

Куда она могла деваться? Чертовщина какая-то...

Журка с опаской пересмотрел на полках свои сокровища. Все было на месте. Кроме «Сочинения об описи морских берегов».

Вчера вечером он листал эту книжку, пока не пришел Горька. Потом поставил на место. С Горькой они поболтали, затем он сдул у Журки задачу по математике, которую сам решить не мог, взял с собой «Всадника без головы» (не с этих полок, а из большой комнаты) и побежал домой. Может, прихватил и «Опись берегов»?

Но зачем она Горьке? И почему без спросу?

Подумать про Горьку что-нибудь плохое Журка не мог. Даже стыдно делалось при такой мысли.

Но... фантастики ведь тоже не бывает.

Может, воры забрались, пока никого не было дома? Но тогда почему взяли только непонятную морскую книгу?

Журка побежал к Горьке. Домой заходить не стал (недолюбливал Горькиного папашу), а стукнул в окно. Горька тут же вышел.

— Слушай,— сказал Журка слишком беззаботным тоном,— у тебя какие мои книжки?

Горька удивился:

— Ты не помнишь, что ли? «Волшебник Изумрудного города», «Сын полка». Еще «Всадник без головы», я вчера взял...

Журка опустил глаза и спросил небрежно:

— А морских, старинных, случайно нет?

Горька удивился сильнее:

— Каких морских?

— Ну, тех, с моих полок...— неловко сказал Журка.— Понимаешь, нету «Сочинения об описи берегов»... Вчера еще была, а сейчас нет...

Горька усмехнулся:

— Ну, ты даешь... Я в этих книгах что понимаю?

— Я подумал, что, может, случайно вместе со «Всадником» прихватил,— тихо сказал Журка и почувствовал, что краснеет.— Может, лежали рядом... ну и... вот так получилось...

Они на миг встретились глазами и моментально поняли друг друга.

«Я не хочу на тебя думать,— сказали Журкины глаза.— Но... тогда кто? Значит, поверить в нечистую силу?»

«Я знаю, что ты думаешь на меня,— ответил глазами Горька.— И как теперь быть?»

— Нет, я не брал,— тусклым голосом сказал Горька и ковырнул ботинком лепешку грязи на крыльце.— Ты отца спрашивал?

— Да он мои книги никогда не трогает... Ладно, пойду. Вечером заглянешь?

— Как получится...— неохотно сказал Горька.

— Ну... пока.

— Пока...

Когда Журка вернулся домой, отец уже уехал. На душе было противно, будто в чем-то очень виноват. А в чем? Он ничего Горьке не сказал такого. Только спросил...

Журка еще раз обшарил полки. Потом сунул в портфель «Олаудаха» и в самом скверном настроении пошел к Иринке.

Иринка сразу спросила:

— Что случилось?

Журка рассказал. Сначала о пропаже, потом, краснея и злясь на себя, о разговоре с Горькой.

Иринка досадливо молчала.

— Теперь он, наверно, думает, что я... ну, будто думаю, что это он...— пробормотал Журка.

— Потому что ты и на самом деле так думаешь,— тихо сказала Иринка.

Журка отчаянно замотал головой, будто отгонял мошкару. Потом проговорил с жалобным отчаянием:

— Я наверно не думаю... Но тогда кто?

— Вообще-то он мог, по-моему,— задумчиво сказала Иринка. Спокойно так. В этом спокойствии было что-то обидное. Журка опять рассердился — и на Иринку и на себя:

— Почему ты так решила?

— Это ты решил... Ты, наверно, вспомнил ту историю с бутылкой...

— И не думал даже! — воскликнул Журка, и это была правда.

— Вообще у Горьки характер такой...— все так же задумчиво продолжала Иринка.

— Какой?

— Ну... изворотливый. То лишний компот в столовой прихватит, то чужую макулатуру на субботнике... Да ты не думай, я к нему все равно хорошо отношусь. Мне его почему-то жалко...

«Мне иногда тоже»,— вдруг понял Журка.

А Иринка уверенно проговорила:

— Но у *тебя* он ничего взять не мог.

— Почему? — пробормотал Журка. Не ради спора, а машинально.

— Ты для него лучший друг,— рассудительно произнесла она.— *Тебя* он никогда не обманет.

В этих словах Журка почуял укор и сказал тихо, но отчаянно:

— Лучше бы этой книги никогда не было...

Они отдали Игорю Дмитриевичу «Олаудаха» — чтобы почитал и подумал насчет рисунков — и хмуро сели делать уроки. Уроков задали целую кучу.

Примеры у Журки не решались, английский рассказ не переводился, и он сердито скатывал задания у Иринки. Она вздыхала и не спорила. А Журка машинально водил ручкой в тетради и думал все о том же: о книжке и о Горьке. Главным образом о Горьке. О том, что теперь между ними будет тягостная неясность.

С этими грустными мыслями Журка вернулся домой. Папа смотрел хоккейный матч. Не отрываясь от экрана, сказал:

— Гуляешь все. Я тут совсем задубел в одиночестве. Зеркало вон привез, а помочь разгрузить некому...

Журка мельком глянул на высокое новое зеркало, стоявшее между дверью и платяным шкафом. Потом подошел к отцу, нагнулся, положил подбородок на его плечо. Виновато объяснил:

— Знаешь, сколько назадавали. Мы с Иринкой три часа сидели. Вдвоем-то легче...

— Ну-ну...— вздохнул отец и, нагнувшись, придвинулся к экрану. Там суетливо бегали маленькие фигурки с клюшками.

— Дружок твой приходил, книжки какие-то принес...

Журка вздрогнул, кинулся в свою комнату. Три книги лежали на столе. «Волшебник Изумрудного города», «Сын полка» и «Всадник без головы». «Всадника» Горька ни за что не сумел бы прочитать со вчерашнего вечера. Значит, принес — будто сказал: «Вот все, что у меня было. Забирай, и ничего мне от тебя не надо...»

Ох, и тошно стало Журке. Лучше всего было бы немедленно побежать к Горьке, вызвать на крыльцо и сказать:

«Не хотел я тебя обижать, просто получилось так по-дурацки! Ну, прости, Горька. Я ни секундочки не думал, что это ты!»

Но... если не он, тогда кто?

Когда человеку плохо, он порой забывает, что кому-то может быть еще хуже.

Хуже было Горьке. Он сразу понял, что его непрочной дружбе с Журкой пришел конец. Потому что какой бы он, Горька, ни был, а своя гордость у него есть. Не будет он ни оправдываться перед Журкой, ни объяснять, ни доказывать. И подходить к нему не будет. И разговаривать с ним... Хотя разговаривать можно, если по делу. Но больше никогда-никогда он не придет вечером к Журке.

Нет, он не сердился и даже не обижался на Журку. Не мог. Журка — это все равно Журка. И было только очень тоскливо, что дружить с ним больше нельзя. Журка-то, конечно, ничего больше не скажет, будет делать вид, что все как раньше. Но разве станешь набиваться в друзья, когда тебя считают вором!

С застывшими внутри слезами Горька собрал Журкины книги и понес ему, чтобы тихо, но твердо сказать:

«Вот все, что у меня было. Прощай, будь здоров».

Но Журки дома не оказалось, и Горька с тем же застывшим в горле комком спустился во двор и вышел на улицу. Было пасмурно и слякотно. Горька шел мимо сырых заборов и думал о несправедливости: какой-то человек взял у Журки книгу, а он, Горька, потерял из-за этого самую большую радость — Журкину дружбу.

Кто же это? И зачем ему книга? Скорее всего, ради денег... Значит, он ее постарается продать? А где? Не на толкучке же! Кому там нужно хитрое морское сочинение с цифрами и таблицами! Его может купить лишь какой-нибудь редкий любитель...

Горька знал, что в некоторых книжных магазинах покупают старые книги: если тебе книга не нужна, можешь прийти, сдать ее за деньги, и в том же магазине ее продадут кому-нибудь другому. Об этом даже по радио объявляли.

И Горька, которого многие считали изворотливым и боязливым, поступил очень просто и смело. Он поехал в центральный книжный магазин, прошел по отделам, увидел среди

продавщиц девушку помоложе и подобрее остальных, осторожно окликнул ее («Тетенька, товарищ продавец...») и сказал:

— Можно с вами посоветоваться? Помогите мне, пожалуйста...

Он объяснил, что у его товарища... то есть у одного знакомого мальчика, украли старинную книгу. В какой магазин ее скорее всего понесут?

Продавщица оказалась доброй не только на вид. Она Горьку внимательно выслушала, расспросила, что за книга, позвала еще одну девушку, и они вдвоем решили, что пропажу надо искать в «Антикваре». Это специальный магазин для редких книг. У человека, который их сдает, спрашивают паспорт и все данные записывают в особый журнал. Поэтому нетрудно узнать, кто принес книгу на продажу...

Горька сказал «большое спасибо», вышел и задумался. «Антиквар» был далеко, на улице Герцена, у кинотеатра «Современник». Уже вечерело, и сеяла водяная пыль. К тому же Горька засомневался: едва ли книгу стащили из-за денег. Почему тогда с той же полки не взяли «Мушкетеров» или «Робинзона»? Ясно, что ехать в «Антиквар» незачем. Да и денег на билет не осталось, а связываться с контролерами — дело опасное. Хорошо, если просто вышибут из троллейбуса. А если потащат в детскую комнату? Может, пешком топать? Ну уж дудки!

И все же... Все же Горька натянул на голову капюшон курточки, запихал в карманы озябшие руки и с хмурым упрямством зашагал сквозь морось...

Магазин был небольшой, в полуподвале старинного дома. У входа стояли два больших тополя. Уютно светилось окошко. Продрогший Горька шагнул в этот свет и тепло, протерся между взрослыми покупателями к прилавку и зашарил глазами по застекленной горизонтальной витрине.

Он ни на что не надеялся. Просто хотел убедиться, что книги здесь нет.

Но книга была!

Она лежала в правом углу среди других пожелтевших и потрепанных книг. Раньше Горька видел ее лишь мельком, но сейчас легко узнал помятый титульный лист с крупными неровно отпечатанными буквами:

СОЧИНЕНIЕ
об описи морскихъ береговъ,
Г. Мекензiя.

И не было никаких сомнений, потому что внизу рядом с надписью «1836 года» голубел оттиск знакомой самодельной печатки: «Из книг Ю. Г. Савельева»...

За прилавком стояла пожилая тетя неприступного вида. Не то что девушка в центральном магазине. Горька понял, что соваться сюда ему бесполезно.

Больше Горька не думал о троллейбусных контролерах. Он зайцем доехал до своей остановки и ворвался в дом.

— Папа! У тебя мотоцикл на ходу?

— Ну и что? — довольно весело спросил отец.— На рыбалку, что ли, предлагаешь смотаться? Вроде бы условия не те.

— Папа, у Журки кто-то книгу украл, а сейчас она в магазине «Антиквар» лежит! Надо посмотреть, кто ее сдал! Там у них записано...

— Ничего не понимаю. Ну-ка отдышись.

Горька отдышался и все повторил.

— А я-то при чем? — сказал старшина Валохин.

— Ну, мне же не скажут! Прогонят, и все! Ты же знаешь, как с ребятами обращаются...

— Как заслужили, так и обращаются.

— Да я не про то... Папа, ну, поедем! Тебе-то все скажут!

— Да с какой стати я должен ехать? — с раздражением сказал отец.— Я устал как собака. А у твоего Журки родители есть.

— У него мама в больнице...

— Отец-то дома.

— Он во вторую смену,— соврал Горька. Не хотел он объяснять, что идти к Журке не может. Вот если выяснить, кто виноват, тогда другое дело. А сейчас получится, что прибежал оправдываться. И Горька сбивчиво проговорил:

— Его отец, он же... так просто. А ты милиционер. А там книга, ее украли...

— Милый мой,— зевнув, сказал старшина Валохин.— Я занимаюсь кражами, когда приказывает начальство. Вчера, например, занимался. А сейчас мое дежурство кончилось, могу отдохнуть... А тебе пора об уроках думать! Небось, проболтался, опять ничего не сделал.

— Тебе только одно: уроки, уроки... — устало сказал Горька.

— Что-о? — изумленно протянул отец.

— То, что слышал,— проговорил Горька.— Будто я не человек, а машина какая-то для деланья уроков. Ничего другого от тебя не слышу... Даже на рыбалке про уроки долбишь...

Он увидел отцовский открытый от удивления рот, хмуро усмехнулся и пошел к двери. Ему было все равно. В дверях стояла испуганная мама.

— Стоп,— сказал в спину отец.— Ты что, рехнулся? Стой, говорю!

Горька оглянулся.

— Ты что?! — рявкнул отец.— Давно не получал?!

— А! Не пугай,— пренебрежительно сказал Горька.

Отец поморгал, потом поднялся со стула.

— Ох и осмелел ты, я смотрю. С чего бы это?

— А надоело бояться,— равнодушно объяснил Горька.

Слишком сильным было его горе, слишком большой тоска по Журке, слишком жгучей досада. Страха не осталось.

— Надоело, — повторил он. — В школу идешь — Маргариту боишься, да двоек, да

замечаний, домой приходишь — тебя боишься. И днем боишься и ночью... Почему другие живут и не боятся, а я должен?

— Другие живут, потому что ведут себя как люди...

— А я тоже человек... Это только ты со мной, как... как с теми, кого на улице ловишь! И с мамой тоже! Орешь только на нее...

— Славик, не надо...— тихо сказала мама. Она иногда, в самые ласковые минуты, называла Горьку — Горислава — по-своему: Славик.

Горька подошел к ней, молча обхватил, приник лицом к теплому маминому платью. И услышал, как отец резко потребовал:

— А ну иди сюда!

— Не вздумай...— незнакомым ровным голосом проговорила мама. То ли отцу, то ли Горьке.

Горька всхлипнул и сказал:

— Да пускай. Мне привыкать, что ли...

— Не смей трогать ребенка,— тем же голосом сказала мама.— Если тронешь еще, к вашему подполковнику пойду. Понял?

Утром Журка ожидал, что Иринка спросит: «Ну как, не нашлась книга?» И он готов был насупленно ответить: «Где ее теперь найдешь?» Но Иринка ничего не спросила. Она была молчаливая, будто слегка обиженная. Но, когда он спросил по привычке: «Чего надутая?» — она встряхнулась и сказала:

— Нет, все в порядке.

А с Горькой было не в порядке. В классе он и Журка сказали мимоходом друг другу: «Привет». Но это ничего не значило. Так можно поздороваться даже с врагом. На переменах Горька не подходил, на уроках на Журку ни разу не оглянулся. А подойти самому Журке было стыдно.

Мысли о Горьке, о книге, о том, что теперь делать, сидели в Журке как заноза. До самого конца уроков. А когда уроки кончились, Иринка сказала:

— Теперь пойдем к нам.

— Мне сперва домой надо.

— Сначала к нам. Чтобы успеть в магазин до обеда. Твоя книга лежит в магазине «Антиквар».

— Откуда ты знаешь?!

Иринка знала от Горьки. Он вчера вечером пришел к ней и сообщил: «Скажи своему Журке, что книгу его кто-то загнал магазину...»

И потом сердито и коротко рассказал, как увидел пропажу.

— А почему он ко мне не пришел? — нервно спросил Журка.

— Объяснить? Или сам догадаешься?

Журка понял, что краснеет. И проговорил с досадой:

— А ты тоже... Не могла сразу сказать?

— Чтобы ты все уроки как на иголках сидел? Будто я тебя не знаю...

— А вдруг ее уже кто-то купил?

— Да ну, так сразу! Это же не «Граф Монте-Кристо».

— Надо скорее в магазин!

— Надо сначала к нам, за папой. Я договорилась, что он тоже пойдет. С нами с одними кто станет разговаривать?

Но и с Игорем Дмитриевичем сначала разговаривали не очень любезно. Когда он попросил достать из-под стекла книгу, насупленная пожилая продавщица буркнула:

— Тридцать пять рублей.

— Меня интересует не цена, а книга, — сдержанно сказал Игорь Дмитриевич.

Продавщица нехотя полезла под стекло.

Журка осторожно и ласково, как вернувшегося домой голубя, взял книгу в ладони. Но теперь это была не его книга. Хотя вот и дедушкина печать и знакомо каждое пятнышко на титульном листе, а все равно...

Кто же сделал эту книгу чужой?

Игорь Дмитриевич спросил у продавщицы:

— Можно поинтересоваться, от кого она попала к вам в магазин?

— Таких сведений покупателям не даем.

Игорь Дмитриевич посмотрел на Журку, на Иринку, потом опять на продавщицу. И сказал тихо, но слегка затвердевшим голосом:

— Придется дать. Если не сейчас, то чуть позже. Книга недавно исчезла из библиотеки этого мальчика.

Несколько покупателей с интересом прислушивались. Продавщица тяжело задышала, округлила глаза и, похоже, собралась выпалить в Игоря Дмитриевича заряд самых неприятных слов. Но, видимо, вспомнила, что она работает в книжном магазине, а не на рынке. Глотнула и громко позвала:

— Виолетта Ремовна!

«Вот это имечко», — подумал Журка.

Появилась Виолетта Ремовна — молодая дама с высокой прической бронзового цвета. В лице ее тоже ощущалась твердокаменность. Но все же Виолетта Ремовна была повоспитаннее продавщицы.

— Что произошло, Ида Николаевна? — осведомилась она.

— Вот у гражданина претензия, — обиженно сообщила продавщица и отвернулась к полкам.

Виолетта Ремовна сдержанно сказала Игорю Дмитриевичу:

— Я директор магазина. В чем дело?

— У меня не претензия, а вопрос. Хотелось бы знать: кто сдал вам эту книгу?

— Она ваша?

— Она моя. Моего дедушки, — взвинченно сказал Журка. — Вот печать.

— Тогда, возможно, дедушка и сдал.

— Дедушка у него умер, — сказала Иринка.

Кругом стояли любопытные. Виолетта Ремовна еле заметно поморщилась и предложила:

— Пройдем в кабинет.

Кабинет оказался комнатушкой с бетонным полом и зарешеченным оконцем. На полу зеленел, как листик, втертый подошвами, фантик жевательной резинки «Весенняя». Прическа директорши при свете лампочки блестела, как медный колокол. В углу у столика щелкала счетами девушка в синем халатике. Костяшки стучали очень отчетливо. Журкино сердце тоже застучало. Неужели сейчас разгадается эта проклятая загадка?

Виолетта Ремовна громко сказала:

— Галя, дай, пожалуйста, книгу регистрации.

Девушка торопливо протянула книгу, похожую на классный журнал. Виолетта Ремовна взяла у Журки «Сочинение об описи берегов» и отошла к широкому письменному столу. Зашуршала там листами. Потом подняла голову и недовольно сказала Игорю Дмитриевичу:

— Вообще-то мы не обязаны давать сведения по первому требованию...

— Разве это военная тайна?

— Не тайна, а нарушение порядка... Впрочем, ладно. Вот, пожалуйста. Номер триста тринадцать. Журавин Александр Евгеньевич. Улица Парковая, дом три, квартира одиннадцать... Вам знаком этот человек?

...Журка не видел, но почувствовал, что Иринка и ее отец смотрят на него досадливыми и жалеющими глазами. Им было неловко — за него и за себя. Сам он смотрел вниз. И видел свои забрызганные грязью ботинки, затертый подошвами пол, а на нем зеленый фантик.

«Зачем же это случилось? — ахнула в нем полная отчаяния мысль. Ударила, как тугой взрыв, вышибла остальные мысли и начала повторяться с равномерностью плотных колокольных ударов: — Зачем?.. Зачем?.. Зачем?..»

Он мотнул головой, потому что заболело в ушах. И, запинаясь, сказал:

— Тогда... ладно. Извините... Тогда я пойду...

— Ну что? Больше нет претензий? — громко спросила заведующая и встала — башенной прической под низкий потолок. — Можно выкладывать книгу на продажу?

— Выкладывайте, — отозвался Игорь Дмитриевич. — Хотя подождите... Журка...

Но Журка уже не слышал. Он выскользнул

из кабинета, проскочил через магазин и, помахивая головой, побрел по улице.

«Зачем?.. Зачем?.. Зачем?..»

Почему ударила эта беда? Почему именно в него, в Журку? Так нежданно-негаданно...

Молния. Тихая и страшная...

Он сейчас отдал бы все-все книги, только чтобы не было этого жуткого случая, этой записи в серой конторской книге.

«Журавин Александр Евгеньевич...» Значит, Капрал правду говорил: все воруют, и все врут...

Нет, не все! Иринка и ее отец не такие! Как они смотрели на Журку — с таким стыдом и беспомощным сочувствием...

А как он сам будет смотреть на отца?

И вместе со слезами поднялась у Журки к горлу едкая злость...

Крушение

Дома Журка, не снимая грязных ботинок, прошел в свою комнату и бухнулся на диван. Лежал минут пятнадцать. Потом сжал зубы и заставил себя сесть за уроки. Открыл тетради и учебники. Даже начал писать упражнение по русскому. Но не смог. Лег на стол головой, охватил затылок и стал думать, что скажет отцу.

А может быть, ничего не говорить?

Нет, Журка знал, что не выдержит. Сколько горя накипело в душе за последние два часа. Жить дальше, будто ничего не случилось? Тут надо, чтобы нервы были, как стальные ванты на клиперах... Да и зачем притворяться?..

Только надо сказать спокойно: «Я думал, ты мне всегда правду говоришь, а ты...»

Или сразу? «Эх ты! Значит, родному отцу верить нельзя, да?» Нет, тогда сразу сорвешься на слезы. Они и так у самого горла... А в общем-то не все ли равно? Исправить ничего уже нельзя...

Отец пришел, когда за окнами темнело. Открыл дверь своим ключом. Щелкнул в большой комнате выключателем. Громко спросил:

— Ты дома?

— Дома,— полушепотом отозвался Журка.

— А чего сидишь, как мышь?

— Уроки учу...

— В темноте-то? В очкарики захотел?

Журка молча включил настольную лампу и стал ждать, когда отец войдет. Но тот не вошел. Шумно завозился в прихожей, расшнуровывая ботинки и натягивая тапочки. Потом сказал:

— У мамы опять был. К субботе точно выпишут.

«Это хорошо»,— подумал Журка. Но это никак не спасало от беды, и он промолчал.

Не дождавшись ответа, отец спросил:

— Из еды что имеется?

— То, что днем. На кухне...

Журка услышал, как отец загремел крышками кастрюль. Кажется, рассердился:

— Холодное же все! Разогреть не мог?

Журка поднялся. У него замерло в душе оттого, что близился неизбежный разговор. Холодно стало. Он дернул лопатками, коротко вздохнул и пошел к кухонной двери. Встал у косяка.

Отец зажигал газ.

— Я не успел разогреть,— отчетливо сказал Журка.

— Ты что же, сам-то ничего не ел? — с хмурым удивлением спросил отец. Поставил на горелку сковородку и начал крошить на ней холодную вареную картошку.

— Нет,— отозвался Журка.— Мне было некогда.

Не оборачиваясь, отец спросил с добродушной насмешкой:

— Чем же это ты был занят? Небось, оставили после уроков двойку исправлять?

— Нет,— сказал Журка негромко, но с нажимом.— После уроков я был в том магазине... куда ты сдал книгу.

Равномерный стук ножа о сковородку на секунду прервался, и только. Застучав опять, отец небрежно спросил:

— В каком это магазине? Чего ты плетешь?

Но Журка уловил и сбой в стуке ножа, и неуверенность в отцовском голосе. На миг он пожалел отца. Но эта жалость тоже не могла ничего изменить. Журка помолчал и сказал устало:

— Не надо, папа. Там же фамилия записана в журнале...

Отец оставил в сковородке нож и повернулся. Выпрямился. Посмотрел на Журку — видно, что с усилием,— но через секунду сказал совсем легко, с усмешкой:

— Ну и что теперь?

Журка отвел глаза и горько проговорил:

— А я не знаю... Сам не понимаю, что теперь делать.

И подумал: «Вот и весь разговор. А что толку?»

Но разговор был не весь. Отец вдруг шагнул на Журку:

— Ну-ка, пойдем! Пойдем-пойдем...

Журка, вздрогнув, отступил, и они оказались в большой комнате.

— Смотри! — Отец показал на стоячее зеркало.— Оно было в магазине последнее! Я вытряхнул на него все до копейки! Нечем было заплатить грузчикам! Эти ребята поверили в долг до вечера... Где я должен был взять деньги?.. У тебя этих книг сотня, я выбрал самую ненужную, там одни чертежи да цифры! Ты же в ней все равно ни черта не смыслишь!

— Смыслю,— тихо отозвался Журка и не стал смотреть на зеркало.— Вовсе там не одни цифры. И не в этом дело...

— А в чем? В чем?! — закричал отец, и Журка понял, что этим криком он нарочно распаляет себя, чтобы заглушить свой стыд.

Чтобы получилось, будто не он, а Журка во всем виноват. Чтобы самому поверить в это до конца.

— Ты не знаешь...— проговорил Журка.— Эту книгу, может, сам Нахимов читал. Она в тысячу раз дороже всякого зеркала... Да не деньгами дороже!

— Тебе дороже! А другим?! А матери?! Ей причесаться негде было! А мне?.. О себе только думать привык! Живем как в сарае, а ты как... как пес: лег на эти книги брюхом и рычишь!

Журка опять подумал, что все-все книги отдал бы за то, чтобы сейчас они с папой вдвоем жарили картошку и болтали о чем-нибудь веселом и пустяковом. Он даже чуть не сказал об этом, но было бесполезно. Отец стоял какой-то встрепанный. Чужой. На широких побледневших скулах выступили черные точки. Это были крупинки пороха: в детстве у отца взорвалась самодельная ракета, и порошинки навсегда въелись в кожу...

— Вбил себе в голову всякий бред! — продолжал отец.— Нахимов!.. Из-за одной заплесневелой книжонки поднял крик!

— Это ты кричишь! — сказал Журка.— Сам продал, а теперь кричишь... Я ведь спрашивал, а ты сказал «не брал»!

— Да! Потому что связываться не хотел! Потому что знаю, какой бы ты поднял визг! Тебе что! На все наплевать! Мать в больнице, денег ни гроша, а ты... Вырастили детку! Двенадцати годов нет, а уже такой собственник! Куркуль...

— А ты вор,— сказал Журка.

Он сразу ужаснулся. Никогда-никогда в жизни он ни маме, ни отцу не говорил ничего подобного. Просто в голову не могло прийти такое. И сейчас ему показалось, что эти слова что-то раскололи в его жизни. И в жизни отца...

«Папочка, прости!» — хотел крикнуть он, только не смог выдавить ни словечка.

А через несколько секунд страх ослабел, и вернулась обида. Словно Журка скользнул с одной волны и его подняла другая. Потому что никуда не денешься — был магазин, была та минута, когда он, Журка, убито смотрел на затоптанный пол с зеленым фантиком, а все смотрели на него...

И все же он чувствовал, что сейчас опять случилось непоправимое. Опять ударила неслышная молния.

Не мигая, Журка глядел на отца. А тот замер будто от заклинания. Только черные точки стали еще заметнее на побелевших скулах. И так было, кажется, долго. Вдруг отец сказал с яростным удивлением:

— Ах ты...— И, взмахнув рукой, качнулся к Журке. Журка закрыл глаза. Но ничего не случилось.

Журка опять посмотрел на отца. Тот стоял теперь прямой, со сжатыми губами и мерил сына медленным взглядом. У него были глаза с огромными — не черными, а какими-то красноватыми, похожими на темные вишни — зрачками. Как ни странно, в этих зрачках мелькнула радость. И Журка чуткими, натянутыми почти до разрыва нервами тут же уловил причину этой радости. Отец теперь мог считать себя правым во всем! Подумаешь, какая-то книжка! Стоит ли о ней помнить, когда сын посмел сказать такое!

Отец проглотил слюну, и по горлу у него прошелся тугой кадык. Ровным голосом отец произнес:

— Докатились... Мой папаша меня за это удавил бы на месте... Ну ладно, ты не очень виноват, виновато домашнее воспитаньице. Это еще не поздно поправить.

Он зачем-то сходил в коридор и щелкнул замком. Вернулся, задернул штору. Ослабевший и отчаявшийся Журка следил за ним, не двигаясь. Отец встал посреди комнаты, приподнял на животе свитер и деловито потянул из брючных петель пояс.

Пояс тянулся медленно, он оказался очень длинным. Он был сплетен из разноцветных проводков. Красный проводок на самом конце лопнул и шевелился как живой. «Будто жало»,— механически подумал Журка. И вдруг ахнул про себя: понял, что э т о, кажется, по правде.

Он заметался в душе, но не шевельнулся. Если броситься куда-то, постараться убежать, если даже просто крикнуть «не надо», значит, показать, будто он поверил. Поверил, что э т о в самом деле может случиться с ним, с Журкой. А поверить в такой ужас было невозможно, лучше смерть.

Отец, глядя в сторону, сложил пояс пополам и деревянно сказал:

— Ну, чего стоишь? Сам до этого достукался. Снимай, что полагается, и иди сюда.

У Журки от стыда заложило уши. Он криво улыбнулся дрогнувшим ртом и проговорил:

— Еще чего...

— Если будешь ерепениться — получишь вдвое,— скучным голосом предупредил отец.

— Еще чего...— опять слабым голосом отозвался Журка.

Отец широко шагнул к нему, схватил, поднял, сжал под мышкой. Часто дыша, начал рвать на нем пуговицы школьной формы...

Тогда силы вернулись к Журке. Он рванулся. Он задергал руками и ногами. Закричал:

— Ты что! Не надо! Не смей!.. Ты с ума сошел! Не имеешь права!

Отец молчал. Он стискивал Журку, будто в капкане, а пальцы у него были быстрые и стальные.

— Я маме скажу! — кричал Журка.— Я... в детский дом уйду! Пусти! Я в окно!.. Не смей!..

На миг он увидел себя в зеркале — расхлюстанного, с широким черным ртом, бьющегося так, что ноги превратились в размазанную по воздуху полосу. Было уже все равно, и Журка заорал:

— Пусти! Пусти!

И кричал эти слова, пока в своей комнате не ткнулся лицом в жесткую обшивку тахты. Отец швырнул его, сжал в кулаке его тонкие запястья и этим же кулаком уперся ему в поясницу. Словно поставили на Журку заостренный снизу телеграфный столб.

Чтобы выбраться из-под этого столба, Журка задергал ногами и тут же ощутил невыносимо режущий удар. Он отчаянно вскрикнул. Зажмурился, ожидая следующего удара — и в тот же миг понял, что кричать нельзя. И новую боль встретил молча.

Он закусил губу так, что солоно стало во рту. Нельзя кричать. Нельзя, нельзя, нельзя! Конечно, отец сильнее: он может скрутить, скомкать Журку, может исхлестать. А пусть попробует выжать хоть слабенький стон!

Журка молчал, это была его последняя гордость. Багровые вспышки боли нахлестывали одна за другой, и он сам поражался, как может молча выносить эту боль. Но знал, что будет молчать, пока помнит себя. И когда стало совсем выше сил, подумал: «Хоть бы потерять сознание...»

В этот миг все кончилось. Отец ушел, грохнув дверью.

Журка лежал с минуту, изнемогая от боли, ожидая, когда она хоть немножко откатит, отпустит его. Потом вскочил...

В перекошенной, кое-как застегнутой на редкие пуговицы форме он подошел к двери и грянул по ней ногой — чтобы вырваться, крикнуть отцу, как он его ненавидит, расколотить ненавистное зеркало и разнести все вокруг!

Дверь была заперта. Журка плюнул на нее красной слюной и снова размахнулся ногой... И вдруг подумал: «К чему это?»

Ну, крикнет, ну, разобьет. А потом? Что делать, как жить? Вместе с отцом? Вдвоем? Ж и т ь в м е с т е после того, что было?

Журка неторопливо и плотно засунул в дверную скобу ножку стула. Пусть попробует войти, если вздумает! Потом он, морщась от боли, влез на подоконник и стал отдирать полосы лейкопластыря, которыми мама уже закупорила окно на зиму. Отодрал, бросил на пол и тут заметил в углу притихшего, видимо, перепуганного Федота.

— Котик ты мой,— сказал Журка. Сполз с подоконника и, беззвучно плача, наклонился над Федотом. Это было здесь единственное родное существо. И оставлять его Журка не имел права.

Он вытряхнул на пол из портфеля учебники, скрутил из полос лейкопластыря шпагат и привязал его к ручке портфеля — как ремень походной сумки. В эту «вьючную суму» он посадил Федота. Кот не сопротивлялся.

— Ты потерпи, миленький,— всхлипнув, сказал Журка и надел портфель через плечо. Потом отворил окно, достал из-за шкафа специальную длинную палку с крючком, подтянул ею с тополя веревку. Взял веревку в зубы и выбрался через подоконник на карниз.

Стояли серовато-синие сумерки. Моросило. Сырой воздух охватил Журку, и он сразу понял, как холодно будет без плотной осенней куртки и без шапки. Но наплевать!

Журка плотно взял веревку повыше узлов, а пояс надевать не стал. Лишняя возня — лишняя боль. Он примерился для прыжка. Прыгать с Федотом на боку будет труднее... Ладно, он все равно прыгнет! Не в этом дело...

А в чем? Почему он замер?

Потому что понял вдруг, как это дико. Он уходит из дома, из своего, родного. И не просто уходит, а как беглец. И не знает нисколечко, какая дальше у него будет жизнь. Еле стоит на такой высоте, в зябких сумерках, на узкой кирпичной кромке...

«Мир такой просторный для всех,— вспомнилось ему,— большой и зеленый, а нам некуда идти...»

В эту сторону пойдешь —
Горе и боль,
В ту сторону пойдешь —
Черная пустота.
И мы бредем, бредем по самой кромке...

«Куда же нам идти?..»

«К Ромке!» — неслышно отдалась под ним пустота. Словно кто-то снизу шепотом подсказал эту рифму. Такую простую и ясную мысль...

«А что? — подумал Журка.— Головой вперед, и все».

Вот тогда забегает отец!.. Что он скажет людям, которые соберутся внизу? И что скажет маме?..

Да, но мама-то не виновата. И у нее уже никогда не будет никого другого вместо Журки. Он же не маленький, знает, что из-за этого она сейчас и в больнице... Да и Федота жалко — тоже грохнется. Хотя его можно оставить на подоконнике... Но... если по правде говорить, такие мысли не всерьез.

А если все-таки всерьез?

Страшно, что ли? Нет, после того, что было, не очень страшно. Но зачем? Если бы знать, что после нашей жизни есть еще другой мир и там ждут тебя те, кого ты любил... Но такого мира нет. И Ромки нет... Ромка есть здесь — в памяти у Журки. Пока Журка живой.

Значит, надо быть живым...

Журка толкнулся и перелетел в развилку тополя.

Спускаться по стволу было трудно. Мешала боль. Мешал портфель с Федотом и суконная одежда, срывались жесткие подошвы ботинок. Это не летом... В метре от земли ботинки сорвались так неожиданно, что Журка полетел на землю. Вернее, в слякоть.

Он упал на четвереньки и крепко заляпал брюки, ладони и лицо. Зато Федот ничуть не пострадал. При свете от нижних окон Журка попробовал счистить грязь. Но как ее счистишь? Он взял портфель с Федотом под мышку и, вздрагивая, переглатывая слезы и боль, вышел на улицу.

Фонари горели неярко, прохожих было мало. Никто не остановился, не спросил, куда идет без пальто и шапки заляпанный грязью мальчишка с таким странным багажом. Видно, у каждого встречного хватало своих дел и беспокойств.

У тех, кто ехал в машинах, тоже хватало. «Москвичи» и «Жигули» с шелестом и плеском проносились по мокрому неровному асфальту. Мелкий дождь искрился и дрожал перед ними в длинных лучах. Журке надо было перейти Парковую, чтобы добраться до улицы Мира, и он остановился на углу — пропустить машины. Светофора на этом перекрестке не было, автомобили шли и шли. Что им какой-то дрожащий на переходе пацаненок!

Наконец поток машин прервался. Журка шагнул на дорогу, но тут из-за поворота выскочил сумасшедший «Запорожец», вякнул гудком и пронесся рядом с Журкой, обдав его грязной жижей.

Рядом была куча щебня для ремонта дороги. В ярости Журка схватил гранитный осколок и замахнулся вслед «Запорожцу»...

И чьи-то пальцы плотно ухватили его за кисть.

Милиция? Пусть!

Это была не милиция. Рядом стоял Капрал. В жидком свете фонаря Журка разглядел его красивое спокойное лицо. Капрал тряхнул Журкину руку, и камень упал в лужу.

— Ты неправильно кидаешь,— доброжелательно сказал Капрал.— Надо бросать во встречные. Тогда камень летит, как пуля — получается сложение скоростей. А, ты физику еще не изучал... Кидай вон в ту.

— Зачем? Не она меня обрызгала,— пробормотал Журка.

— А какая разница? Все они одинаковы,— серьезно сказал Капрал.— Хотя я забыл... У тебя же папаша сам шофер! Тогда ты зря...

— А чего мне папаша...— хмуро отозвался Журка и стал смотреть на дорогу.

Капрал оглядел его с головы до ног.

— Домашний конфликт? — спросил он.— Небось, родители сказали: «Или мы, или кот!» И ты гордо покинул отчий кров.

— Если бы...— сказал Журка.— Все гораздо хуже...— Он не собирался ничего рассказывать Капралу и не искал у него сочувствия. Просто вырвалось. Просто Капрал был единственный человек, который его хоть о чем-то спросил.

Капрал задумчиво погладил пальцем голову Федота, который смирно поглядывал из портфеля. Потом он скинул свою куртку с капюшоном и набросил на Журку.

— Не надо,— сказал Журка.

— Надо. Идем.

— Куда?

— «Куда»,— усмехнулся Капрал.— Устрою где-нибудь.

— В гараже вашем, что ли?— сумрачно спросил Журка. Он сейчас ничего не боялся. И подумал, что хорошо бы назло всему свету навсегда связаться с компанией Капрала. Воруют? Ну и что? Если даже отец... Ну, конечно, про отца любой возразит: «Какое же это воровство! У себя дома!» Но все равно — обман. И еще какой! Как предательство...

— А чем тебе плох гараж?— спросил Капрал.— Сухо, тепло. И люди надежные... Да не бойся, ко мне домой пойдем. Умоешься, переночуешь...

Журка вздохнул. И сказал без всякой злости, без насмешки. Просто так:

— Да. А потом я для вас, как Горька, буду бутылки таскать...

— Глупый ты,— тихо отозвался Капрал.— Думаешь, я на твоей беде буду бизнес делать? Не бойся...

— Я не боюсь...— Журка встряхнулся и снял с плеч куртку.— Спасибо. Я пойду. Не с тобой...

Он подумал, что еще чуть-чуть и, пожалуй, отправился бы с Капралом. Но... нет. Не такой уж одинокий Журка на свете.

— Пойду,— повторил он. Машины как раз перестали носиться по мостовой.

— А есть куда?— озабоченно спросил Капрал.

— Есть.

— Ну, смотри... Давай я провожу. Куртку-то накинь, а то совсем промокнешь.

— А ты?

— Ничего, я привычный.

Журка так продрог, что не хватило духу отказаться. Да, кажется, и не стоило. Капрал пожалел его, и было неловко отталкивать эту неожиданную доброту.

Журка опять накинул куртку и сказал виновато:

— Здесь недалеко. Два квартала...

— Вот и ладно,— отозвался Капрал и потом всю дорогу молчал.

Журка тоже молчал. Чем ближе был Иринкин дом, тем нерешительней Журка себя чувствовал. Он знал, что его встретят по-хорошему, поймут и приютят, но придется рассказать про все, что было. Иринка и ее отец сегодня и так видели его унижение, и вот он опять появится будто оплеванный — жалкий, исхлестанный, грязный...

Журка сбил шаг. Может, все-таки сказать Капралу: «Знаешь что, пошли к тебе»?.. Но тогда получится, что Капралу он доверяет больше, чем Иринке. Будто Капрал его друг, а она так просто... Потом она все равно про все узнает и что тогда скажет? «Эх ты, витязь».

Журка остановился. Едва мелькнуло в голове слово «витязь», он понял, куда идти. Даже удивился, что с самого начала не подумал об этом...

— Все, спасибо тебе,— торопливо сказал он Капралу и снял куртку.— Тут рядом, я добегу.

— Ну, будь...— Капрал кивнул и пошел, не оглядываясь.

Журка сказал неправду. До того дома, где жила Лидия Сергеевна, было еще пять кварталов. Но вести с собой Капрала так далеко Журка постеснялся.

Он побежал. Чтобы не задрожать опять. Чтобы никто не пристал с расспросами. Чтобы все скорее кончилось...

Федот нервно возился в портфеле, надоела ему такая жизнь.

— Сейчас, котик... Сейчас, сейчас...— говорил ему на бегу Журка. Бежать было трудно, боль отдавалась в теле колючими толчками, но Журка ни разу не остановился.

Дверь открыл Валерий Михайлович. Из-за его ноги выглядывал Максимка. Валерий Михайлович удивился, посмотрев на Журку, даже сказал:

— О! Вот это явление...— Хотел о чем-то спросить, но взглянул внимательней и вдруг быстро ушел из прихожей. Громко проговорил в комнате:

— Лидуша! Там к тебе. Твой Журавленок...— И что-то добавил неразборчиво.

Федот в это время выцарапался из портфеля и прыгнул на пол. Максимка тут же ухватил его поперек туловища и просиял.

Вышла Лидия Сергеевна — в халате и тапочках.

— Журка! Боже мой, ты откуда? Раздетый, мокрый!.. Максим, оставь кота, он, наверно, с улицы, грязный...

— Да нет, он чистый,— отозвался Журка и почувствовал, что слова идут с трудом.— Это я... вот... перемазанный...

Она тут же забыла про кота.

— Журка, что случилось?

Он, переглатывая, сказал:

— Можно, я... мы... у вас поживем три дня? Пока мама в больнице...

— Как «поживем»?.. То есть можно, конечно. Только...

Она вдруг замолчала, присела перед Журкой на корточки, взяла его за холодные мокрые пальцы. Тихо спросила:

— Журавушка, что с тобой?

Разве тут удержишься... Он быстро наклонился и уткнулся лицом в ее плечо.

ПРОДОЛЖЕНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Владимир СТЕПАНОВ

Дым осенний

Дым осенний —
Он рассеян,
Он прозрачен,
Невесом.
Он проветрен,
Он просеян,
Он почти уже
Как сон.

Дым осенний
На тропинке,
На качелях,
На окне.
Паутинкой-
Невидимкой
Он плывет
Навстречу мне.

Дым летает
Долго-долго,
Но не тает
В облаках.
Только сладко,
Только
Горько
Остывает
На губах.

Пахнут им
Земля
И ветер.
Пахнут утро
И листва.
Пахнет дымом
Все на свете,
И кружится голова.

Я присяду
На ступени
И сложу стихи
О том,
Как сегодня
Дым осенний
Становился
Зимним днем.

В гостях у рябины

Вот-вот морозы
Нагрянут.
Осенние краски
Увянут.
И только рябина одна
По-прежнему будет красна.

И станет гореть на ветру,
Разгораться.
Притихшие птицы к рябине
Слетятся.

Ягоды вкусной
В гостях поклюют,
Согреются возле огня
И споют.

Кленовый лист

Над перекрестком двух дорог
Кленовый кружится листок.

От желтой стаи —
Вот беда —
Отбился он нечаянно.
Куда теперь лететь, куда?..
У листьев нет хозяина.

Все ниже, ниже надо мной
Кленовое кружение.
Домой? Уже нельзя домой:
Земное притяжение.

Листок — не птица,
Нет пути
Ему
в страну заморскую.
Так упади же, упади
Ты в сумку почтальонскую...

В лес торопится лыжня

На лыжи встану,
И лыжня
Торопит в зимний лес меня
К березам и осинам,
Где снег на соснах
Синий.
Где тени
Тише тишины,
Где сказки
Прятаться должны.
И чем до леса ближе —
Скользят быстрее лыжи.
Ведь лес —
Родной их дом:
Они
Родились в нем.
Здесь тени
Тише тишины,
Здесь сказки
Прятаться должны.
Я прислонюсь к осине...
Коснусь ветвей березовых...
Здесь снег на соснах
Синий,
А на ладонях —
Розовый.
Здесь лыжи
Сами катятся,
И почему-то кажется,
Что я — простой прохожий —
В лесу родился тоже.

Рисунок Л. ХАЧАТРЯНА.

В Москве живет удивительный человек. Каждый день он получает письма из Арзамаса и Льгова, Горького и Канева, Ростова и Хабаровска... В каждом письме рассказ о тимуровских делах, вопросы о жизни и подвиге Аркадия Гайдара. Имя этого человека — Борис Николаевич Камов. Писатель создал много увлекательных книг о Гайдаре. Среди них — «Партизанской тропой Гайдара», «Обыкновенная биография. Аркадий Гайдар» в серии ЖЗЛ, «Сумка Гайдара». Они стали любимыми для тех, кто интересуется личностью Гайдара, его писательским и жизненным подвигом. И за это читатели благодарны Б. Н. Камову, которому недавно исполнилось 50 лет. «Пионер» сердечно поздравляет своего постоянного автора, члена Всесоюзного штаба Тимура, с днем рождения.

Б. Н. Камов беседует со штабом Тимура подмосковного пионерлагеря имени А. П. Гайдара.

Б. КАМОВ

Встреча с Тухачевским

В кабинет постучали.

— Войдите,— разрешил Тухачевский[1].

Вошел военный: командирский френч, револьвер на поясе, шашка и полевая сумка на боку.

— Товарищ командующий, разрешите представиться,— молодым глуховатым голосом произнес посетитель,— бывший командир двадцать третьего стрелкового полка Голиков. Прибыл для дальнейшего прохождения службы.

Тухачевскому показалось, что он ослышался. Михаил Николаевич уже привык, что его самого считали непозволительно молодым: он стал командовать армией в двадцать четыре года. Другие в этом возрасте еще только оканчивали университет. Но перед Тухачевским стоял совершенный подросток: высокий, широкоплечий, с круглым розовощеким лицом и дерзкими, настороженными глазами. И если бы не командирский ладно сидящий френч и не боевое оружие, то можно было бы подумать, что это гимназист-старшеклассник.

Четким движением посетитель вынул из сумки и положил на стол свой мандат. «Голиков Аркадий Петрович,— прочитал Тухачевский,— бывший командир двадцать третьего стрелкового полка». Мандат был на плотной бумаге с размашистыми подписями и размытой, нечеткой печатью.

«Что-то здесь не так,— с сомнением подумал Тухачевский.— Слишком молод командовать полком». А вслух произнес:

— Садитесь, товарищ Голиков. Сколько бойцов было в вашем двадцать третьем полку?

— Четыре тысячи.

— Сколько же вам лет?

— Семнадцать.

— Как давно вы служите: полгода? Больше?

Посетитель уловил иронию.

— Я служу с девятьсот восемнадцатого.

— Три года? — не удержался Тухачевский.

— Два с половиной. Записался в Красную Армию с четырнадцати лет.

— Где же вы начали службу?

— В Арзамасе. Я был назначен адъютантом командира коммунистического батальона.

— Извините. В коммунистический батальон берут далеко не всех. Как вас могли туда зачислить? Да еще адъютантом командира?

— Я вступил в революцию в тринадцать лет, товарищ командующий. Сначала был связным при Арзамасском клубе большевиков. Потом прошел курс военного обучения. И в четырнадцать лет был принят в партию с правом совещательного голоса.

— Очень интересно. Когда же вы успели стать командиром полка?

— Сначала я окончил Киевские командные курсы. В пятнадцать лет стал командиром роты. Был контужен и ранен. Воевал на Кавказском фронте. Потом окончил Высшую стрелковую школу. И получил назначение командира полка.

— Богатая у вас биография.

— Обыкновенная, товарищ командующий.

Тухачевский с интересом смотрел на собеседника. Семнадцать лет. Отличная выправка. И трудно поверить, что этот юноша всего за два с половиной года прошел путь от... мальчишки-школьника до командира полка Красной Армии.

— Здесь, на Тамбовщине,— сказал Тухачевский,— левый эсер Антонов поднял восстание. Его

---

[1] Одним из самых молодых полководцев гражданской войны был Михаил Николаевич Тухачевский. Бывший царский поручик, награжденный шестью боевыми орденами, он перешел на сторону революции. Владимир Ильич Ленин обратил внимание на яркую одаренность Михаила Николаевича Тухачевского, сразу назначил его командующим армией.

О встрече М. Н. Тухачевского с еще более молодым командиром и рассказывает отрывок из книги Бориса Николаевича Камова «Красный командарм». Книга выходит в издательстве «Малыш».

бандиты губят много народу. А бороться трудно — бездорожье и сплошные леса.

— Я изучал материалы в Москве,— произнес Голиков.— И вот какая мне пришла мысль. Многих крестьян Антонов забирает к себе в лес силой. А потом пугает: «Теперь ты на всю жизнь — бандит». А если этим уведенным силой дать возможность вернуться?

Тухачевский засмеялся:

— Я тоже думаю ввести «прощеные дни». Любой участник мятежа, если он выйдет в этот день из леса и сдаст винтовку, тут же будет отпущен домой.

— Конечно, было б здорово,— согласился Голиков.— А позволят?

— Я уже говорил с Москвой. Позволили. Давайте попробуем на этом участке, который мы вам поручим?

В августе того же тысяча девятьсот двадцать первого года Тухачевский приехал в Моршанск под Тамбовом. По этому случаю был устроен военный парад. Принимал его Михаил Николаевич. А командовал парадом командир пятьдесят восьмого отдельного полка по борьбе с бандитизмом Аркадий Петрович Голиков.

Смотр прошел хорошо. Выучкой и внешним видом бойцов командующий остался доволен. И после парада пригласил Голикова к себе в вагон.

— Ну, что, как ваши «прощеные дни»? — спросил, улыбаясь, Тухачевский.

— На моем участке вышло из леса шесть тысяч человек, товарищ командующий. Когда их встретили и сказали, что они могут идти домой, многие сначала не верили. А поверив, заплакали. И половина тут же решила записаться в Красную Армию.

— Да, «прощеные дни» много жизней спасли,— согласился Тухачевский.

...Прошло немало лет. Однажды Михаил Николаевич зашел в комнату своей дочери Светланы. Она с увлечением читала. Тухачевский заинтересовался и взял на минуту книгу. Это была «Школа» Аркадия Гайдара. Здесь был помещен и портрет писателя: мальчишка в папахе с отважным, немного дерзким лицом, в командирской форме при оружии. А кроме портрета, была напечатана и автобиография: «Четырнадцати лет я ушел в Красную Армию... пятнадцати командовал ротой, а в семнадцать — 58-м отдельным полком по борьбе с бандитизмом».

— Нравится книжка? — спросил Михаил Николаевич.

— Очень,— ответила Светлана.— Это про мальчишку, который попал на войну. И что с ним там случилось.

— Похоже, это мой сослуживец. Только раньше, если не ошибаюсь, он носил другую фамилию. Писатели часто меняют фамилии. Дашь мне потом почитать. Хорошо?

М. МАТВЕЕВА

Когда уходит детство

Фотографии В. КРУПСКОГО.

Не то, не то, не то... Все не то, и лето было не такое, как обычно. Хотя отдыхала Лариса в том же, что и всегда, селе. Те же сады, виноградники, гранатовые рощи были видны в распахнутое окно. Так же, как раньше, гудел многолюдный гостеприимный дом дяди. Так же приглашали подружки посидеть на лавочке, пошептаться, посмеяться неизвестно чему. И те же «Три мушкетера» — любимая книга, читанная и перечитанная, лежала на подоконнике. Друзья размахивали шляпами с обложки, призывая отправиться вместе с ними в удивительные путешествия. Но даже с ними, верными и отважными, преданнее которых нет на свете, не хотелось сейчас говорить. А что же хотелось? Непонятно. Хотелось грустить, плакать без причины, хотелось домой, в город, и в то же время не хотелось. В городе не избежать встречи с одноклассниками, а видеться с ними Лариса пока не могла. Еще не забыта была обида, еще не решила Лариса, действительно ли неправы ребята.

В седьмом классе в конце учебного года Ларису опять выбрали председателем совета отряда. Хотя

весь год ребята ее не слушались и работать в отряде не хотели. И вот осенью, думала Лариса, все начнется сначала. Равнодушные лица, реплики: «Тебе что, больше всех надо?» Что тогда ей делать? Как расшевелить отряд? Об этом она думала, сидя у окна дядиного дома. А потом решила написать в журнал. Взяла ручку, бумагу и аккуратно вывела:

«Здравствуй, «Пионер»!

Я председатель совета отряда, и мне трудно, но вряд ли наши ребята это понимают. За год я не смогла собрать звеньевые тетрадки у звеньевых. Когда я у них прошу, мне повторяют в сотый раз: «А что нам писать?» Что писать, о чем писать, о ком писать, я им говорила, а они повторяют все тот же вопрос. Нашему отряду всегда все равно. На сбор их не собрать. Каждый месяц не выпускают газету. У нас классный руководитель еще молодая, после института. Она преподает историю. Я знаю, ей еще труднее. В этом году, чтоб наш класс был дружным, она организовала поездки за город на экскурсию, в цирк, в театры, а в конце учебного года мы ходили в поход. Но наши ребята не стали дружным, сплоченным отрядом.

На следующий год наш отряд опять выбрал меня председателем. Я уже комсомолка, и мне кажется, что в следующем учебном году мне придется отвечать за класс еще и как комсомолке. А как это сделать, я не знаю. Помогите мне и нашему будущему восьмому «Ж» классу».

На это письмо Ларисе можно было ответить и лично, тоже письмом. Но последнее время все чаще читатели «Пионера» задавали нам такие вопросы: как должен работать пионерский отряд семи-восьмиклассников, так же, как и в пятом, шестом? Почему в пятом классе все были активными пионерами, а в седьмом те же ребята ничего не хотят в отряде делать? Вот мы и решили поближе познакомиться с отрядом Ларисы, поговорить с ребятами о том, как они жили в прошлом году и как собираются жить в этом, когда станут самым старшим пионерским отрядом в дружине. И мнение ребят, а также наши размышления вынести на страницы журнала.

И вот в начале учебного года я лечу самолетом в Баку, а потом автобусом еду вдоль берега моря в город, где живет Лариса. Я еду на сбор отряда восьмого класса «Ж».

Двадцать шесть человек сидят в классе. Темноволосые и русоголовые, серьезные и ироничные, живые и степенные, все такие разные и в то же время чем-то похожие. Чем? Желанием казаться взрослыми, независимыми.

Однажды один психолог рассказал мне, что всем людям одного и того же возраста свойственны одни и те же основные стремления. Конечно, кому в большей степени, кому в меньшей. Совсем маленькие, грудные дети больше всего любят сидеть на руках у взрослых. Дошколята — играть, во что угодно, с кем угодно, с утра до ночи играть. В младших классах ребята обычно очень серьезно относятся к учебе, они аккуратные, старательные. Учеба для них — главное дело. Опять повторяю, бывают, конечно, и исключения. Но если вы вспомните свое детство, оглянетесь на ребят помладше, вы согласитесь, что в общем эта теория правильна. В жизни взрослого человека главное его дело — творчество. Как бы оно ни выражалось: в желании что-то сконструировать, построить, нарисовать или воспитать детей, приготовить обед повкуснее, расставить мебель в квартире так, чтоб и домочадцы и гости удивились: как стало уютно и в то же время просторно!

А вот какое же главное дело у подростка или старшеклассника? Тут не все психологи приходят к единому мнению, но большинство считает, что

это — стремление как можно быстрее стать взрослым и желание много общаться именно со своими ровесниками.

Вот такими мне и показались ребята из отряда Ларисы. Они были готовы постоянно самоутверждаться, доказывать, что они уже большие.

Когда человек становится взрослым? Когда выкуривает первую сигарету, прячась за углом школы? Когда в первый раз красит ресницы и надевает мамины туфли на высоких каблуках? Когда иронизирует над одноклассниками, которые готовят отрядный вечер, потому что он-де вырос уже из таких развлечений? В том-то и дело, что нет. Человек становится взрослым тогда, когда приходят к нему самостоятельность и ответственность за свои слова и поступки. И проблема тут не в возрасте. Некоторые до седых волос остаются детьми, за которых все решают родители, сослуживцы.

Вы, конечно, много раз читали, как школьники, ваши ровесники, работали во время войны в тылу. Как стояли наравне со взрослыми по целым дням у станков... Когда они вечером приходили домой, родители, я думаю, не говорили им после ужина: «Ну-ка быстренько в постель, завтра тебе рано вставать». Родители к ним обращались так, как обратились бы ко взрослому человеку, не приказывали, а советовали. **Права** взрослых приходили к этим ребятам вместе с **обязанностями** взрослых людей. А те четырнадцатилетние, что сидели в классе передо мной, боролись только за права взрослых, забывая, что у взрослых есть еще и тяжелейшие обязанности, одна из которых — **самостоятельно принимать решения.**

Эти четырнадцатилетние однажды так усмехнулись на предложения молодой учительницы провести конкурс и сходить всем отрядом на экскурсию, что учительница расплакалась. И потом, в конце года, отказалась от классного руководства в седьмом «Ж», хотя сил на ребят было положено столько, что они даже снились ей по ночам.

Вы, наверное, подумали, что это какой-то удиви-

тельный отряд, просто злодеи какие-то. Нет, это в общем неплохие ребята. Только позицию в жизни они выбрали неправильную.

Критиковать чужие идеи, отвергать чужие предложения гораздо легче, чем предлагать самому. Им кажется, что они уже взрослые, что они уже выросли из того возраста, когда учителя и вожатые подсказывают, когда надо провести пионерский сбор, о чем на этом сборе говорить. Они уже не хотят работать по подсказке, отказываются от предложений взрослых, но сами еще не в состоянии предлагать идеи и проводить их в жизнь.

— Кто-нибудь из вас занимается в музыкальной школе?

Поднимается с десяток рук.

— Вы никогда не предлагали ребятам провести в отряде музыкальный вечер? Поговорить о творчестве какого-нибудь композитора или инструментального ансамбля, о музыке классической и эстрадной?

Нет, не предлагали.

— Кто-нибудь переписывается с ровесниками из других стран?

Опять поднимается несколько рук. И Лариса, председатель, тоже подняла. Она переписывается с двумя девочками.

— А никто из вас не предлагал переписываться всем отрядом, дружить с какой-нибудь страной, создать в классе небольшой отрядный музей, узнать об этой стране — о географии, истории, обычаях, детских организациях больше, чем вы знаете сейчас?

Никто не предлагал. И Лариса не предлагала.

— Многие в отряде занимаются спортом?

О, почти все подняли руки!

— А вы никогда не вызывали «ешек», к успехам которых вы так неравнодушны, на спортивные состязания? Только сами. Те встречи, что назначал учитель физкультуры, не в счет.

Не вызывали.

В этом отряде нет человека, у которого не было бы увлечений. Только две девочки на мой вопрос: «Кто ничем не увлекается»,— сначала подняли руки, но потом, смущенно хихикнув, опустили. Разве Карим, который неплохо фотографирует, не мог захватить в однодневный поход свой фотоаппарат, чтобы потом выпустить в отряде веселую фотогазету? Мог бы.

— Ладно, в следующий раз возьму,— обещает Карим.

Разве Оксана, строгая девочка в очках, которая занимается музыкой и спортом, умеет печатать на машинке и вязать, не могла подать своему отряду хоть одну идею?

Разве Андрей, спокойный, рассудительный, любящий читать и философствовать, не смог бы стать инициатором отрядного разговора о дружбе, о доброте и чуткости, о смысле жизни?

А Лариса? Вернемся к ее письму. Конечно, хорошо, что она задумывается о жизни своего отряда. Но, с другой стороны, удивляет та отстраненность, с которой она пишет об одноклассниках. Смотрите: «На сбор их не собрать. Каждый месяц не выпускают газету». «Их» не собрать, «они» не выпускают газету, они ничего не делают, они плохие. А сама Лариса, как выяснили мы на сборе, не предложила своему отряду ни одного дела.

Я уже написала все, что думаю о самостоятельности и чувстве ответственности, когда появилось вдруг сомнение: может, мы слишком много требуем от семиклассников и восьмиклассников, может, для них еще не настало время самостоятельных поступков? Чтобы проверить себя, я решила встретиться со старшими пионерами, у которых дела в отряде идут неплохо. Пришла в Дом пионеров Советского района города Москвы, пригласила принять участие в разговоре председателей советов отрядов и дружин, старшеклассников. Всем задала один и тот же вопрос: «Что вы самостоятельно, без помощи взрослых, сделали в своем отряде или дружине?»

Ребята помолчали немного, подумали, а потом начали вспоминать.

Ира Блохина из 7 «А» класса школы № 728 рассказала случай с редколлегией. У них в отряде из года в год одних и тех же ребят выбирали в редколлегию. В четвертом, пятом классах газеты были хорошие, а в седьмом стали выходить редко и никого не задевали за живое. Тут семиклассники узнали, что редколлегия собирается у кого-нибудь дома, долго пьет чай, разговаривает... Пока она готовится приняться за работу, уж и ночь на дворе, всем пора расходиться. В результате газету доделывают родители. Стыд-то какой! Собрали семиклассники сбор. Редколлегию распустили. Решили, что теперь газеты будут делать те, кому это интересно. И все изменилось. И отличные газеты стали выходить, и дела интересные в отряде появились. Первый самостоятельный поступок расшевелил всю пионерскую жизнь отряда.

Оля Василенко учится в 7 «А» классе школы № 880. Ее отряд сам, без подсказки взрослых, придумал и провел среди октябрят конкурс плакатов. Тема — как надо бережно относиться к хлебу, не расходовать зря воду, любить и охранять природу.

Петя Вайнштейн (7 «Б» класс, школа № 537) рассказал, как их отряд к XIX съезду комсомола оформил альбом пионерских дел. Этот альбом они хотели подарить съезду. Идею поддержал совет дружины и предложил всем отрядам подготовить такие альбомы. Отряд Пети очень хотел победить:

впервые они придумали что-то сами и поэтому впервые с таким удовольствием работали. Заносили в альбом и сборы макулатуры, и смотры строя и песни, и шефство над ветеранами... Так старались, так старались! А победил 7 «А». Обидно было ужасно, но ничего не поделаешь.

Павел Григорьев — девятиклассник из школы № 879. В восьмом классе он был последний год в совете дружины. Совет, по мнению Павла, у них замечательный подобрался. Половина «старичков», а половина новеньких, из пятых-шестых классов. Ребята начали с того, что вымыли всю пионерскую комнату, мебель переставили по своему вкусу. Пионервожатая только руками разводила... Потом решили подружить членов совета и показать новичкам, как надо работать. Пригласили их на «Звездный бал». «Существа с разных планет» в скафандрах и масках пели песни, исполняли ритуальные танцы, рассказывали легенды о тех мирах, откуда они прибыли... Пятиклассники были в восторге! И сразу бросились проводить такие балы в своих отрядах.

Илья Наумов тоже девятиклассник, школа № 515. У них в школе в этом году не было старшей пионервожатой. Так что совет дружины вынужден был работать самостоятельно. Правда, комитет комсомола послал в совет своего представителя — Илью. Илья не знает, кто первый предложил так помогать совету дружины, но считает это решение правильным. Восьмой-девятый классы еще не забыли, чем живет пионерская организация, а опыта и самостоятельности у них уже побольше, чем у шестиклассников. Совету дружины было трудно без вожатой. Никаких новых дел они за этот год не придумали. Но изо всех сил старались сохранить налаженную пионерскую жизнь. Илья считает так: не обязательно каждому велосипед изобретать. В пионерской организации существует много и маршрутов, и операций. Важно только проводить их каждый раз по-новому, нестандартно, фантазируя. Можно на политинформации выйти к доске и прочитать вслух заметку из газеты. А можно эту же заметку обыграть. У политинформатора под рукой — карты, слайды, проспекты, можно даже спектакль-композицию по одной заметке поставить.

Я спросила Илью и Павла: если жизнь их сложится так, что сразу после десятого придется работать пионервожатыми, смогут они? Они сразу ответили: «А мы уже! Уже после девятого будем работать. Поедем в пионерский лагерь помощниками вожатого. Научим ребят горнить, барабанить, маршировать, выпускать газеты и проводить политинформации...»

Вот такая жизненная позиция — «кто, если не я» — говорит о том, что мальчики стали взрослыми. Они понимают, что если каждый в отряде или дружине скажет:

«Я на сборе выступать не буду».

«И я не буду».

«И я не буду...»

«Я с октябрятами работать не умею».

«И я не умею».

«И я не умею...»

«Как праздник устроить, я не знаю».

«И я не знаю».

«И я не знаю...» — кто же тогда будет проводить сборы, играть с октябрятами, сочинять конкурсы, собирать макулатуру и сажать деревья? Кто, если не ты? Если не он, не она? Кто? Павел и Илья поняли, что никто их работу не сделает, никто за них жизнь не проживет, все сделать они должны **сами.**

Если могут Ира, Оля, Петя, Павел и Илья — ребята из разных школ, где по-разному складывается жизнь пионерской дружины,— принимать самостоятельные решения, делать самостоятельные шаги, значит, по силам это старшим пионерам? По силам. Почему же отряд Ларисы ничего не может совершить сам? Не знают ребята своих возможностей? Не слишком требовательны к себе? Хотят прожить, как полегче, ничего не решая? Они же неглупые ребята, почему они не обидятся: «Что мы, хуже других?» Почему не встрепенутся, как одноклассники Иры Блохиной? Потому что сделать первый шаг страшно. Первый шаг в самостоятельную взрослую жизнь. Но сделать его надо. Пора стать хозяевами хотя бы маленького кусочка своей жизни — хозяевами в своем пионерском отряде, в дружине.

ОТ РЕДАКЦИИ

В пионерской организации 200 тысяч отрядов седьмых-восьмых классов, в которых состоит 6 миллионов ребят 13—14 лет. О работе с пионерами старшего возраста много говорилось на XIX съезде ВЛКСМ. Секретариат ЦК ВЛКСМ принял специальное постановление о работе с пионерами старшего возраста. С этого года будет проходить посвящение в «ОТРЯДЫ СТАРШИХ ПИОНЕРОВ», внесены изменения в форму старших пионеров. К отрядному флагу будет прикрепляться лента «ОТРЯД СТАРШИХ ПИОНЕРОВ». Принято Положение о пионере-инструкторе. Журнал «Пионер» приглашает всех своих читателей принять участие в разговоре о работе «ОТРЯДОВ СТАРШИХ ПИОНЕРОВ». Расскажите, что интересное есть в вашей работе, с какими трудностями вы встречаетесь. Что изменилось в вашей пионерской жизни, когда вы стали называться СТАРШИМИ ПИОНЕРАМИ? На письме сделайте пометку «СТАРШИЕ ПИОНЕРЫ».

Николай ТАРАСОВ

СЛОН ДЛЯ АЛИКИ

Рисунок М. ПЕТРОВА.

Летит большой самолет. В самолете в кресле спит девочка А́лики. Она укрыта шубой.

Самолет летит из того края, где никогда не бывает зимы, а в саваннах живут слоны. Где воду пьют из скорлупы кокосовых орехов, спят на циновках — тикарах, а по ночам жгут факелы из пальмовых листьев, скрученных в трубку и заполненных смолой.

В праздники женщины и дети надевают яркие юбки — саронги и танцуют под стук деревянных барабанов и свист бамбуковых флейт.

Девочка А́лики не могла танцевать. Не могла бегать, играть с ребятами, плавать в море, даже быстро ходить.

У нее было больное сердце. Чтобы сердце вылечить, требовалось его остановить и сделать операцию. Но там, где Алики родилась и жила, никто этого делать не умел.

Уже много часов летит над облаками кресло, в котором спит А́лики, укрытая шубой. Кресло летит туда, где сейчас снег и мороз. Оно летит в Россию, в Москву. В Москве врачи остановят сердце А́лики на двадцать минут и проведут операцию. Тогда сердце станет здоровым.

Здоровой будет и А́лики. Сможет бегать, играть с ребятами, плавать в море, а главное, танцевать гохар.

Наденет яркую юбку — саронгу и под стук деревянных барабанов и свист бамбуковых флейт станцует танец гохар. Яркую юбку — саронгу ей давно соткала и раскрасила бабушка.

Гудят турбины самолета. Желтые от солнца крылья рассекают синий воздух. Белые облака закрыли землю. Тень самолета скользит по их спинам.

Где-то внизу на земле стоят большие города — куалы и маленькие селения — кампонги. Зеленеют деревья и травы.

Рядом с Алики в кресле сидит ее мама. Читает в словаре русские слова, вспоминает их. Она недавно была в Москве, танцевала на фестивале. Никто лучше нее не танцует гохар.

Алики похожа на мать. Тонкая и гибкая, как жилка листа пальмы. Только танцевать не может.

Ей дали снег. Он ожег ладони, и Алики его выпустила. Мороз перехватил дыхание. Алики спряталась в шубу. Оставила только глаза, чтобы видеть, ноги, чтобы идти.

Мать прижала Алики к себе, и они медленно пошли к зданию аэровокзала.

Облака опустились на землю, хрустели под ногами. Это и есть снег, решила Алики.

Летчик на прощание помахал рукой и крикнул Алике:

— Энтонг!

«Энтонг» по-малайски значит «всякой удачи». Алики улыбнулась летчику, хотя она была испугана морозом и снегом.

Шофер такси усадил в машину Алики и ее мать.

— Холодно? — спросил он.

Мать поняла и ответила:

— Холодно.

— Привыкнете,— сказал шофер.

— Да,— ответила мать.— Привыкнем.

Шофер включил печку. Машина ехала в куалу Москву.

Алики смотрела в окно. Белые хрустящие облака лежали на дороге и в лесу на деревьях, на которых не было листьев. Шумел вентилятор печки, посылал в кабину теплый воздух. Алики согрелась.

Когда вдали показались высокие дома, шофер сказал: «Москва». В Москве тоже лежали хрустящие снежные облака. На крышах домов, на трубах, на фонарях, на автобусах, на светофорах и даже на проводах.

Шофер остановил машину возле гостиницы. Донес чемодан.

Прощаясь, сказал:

— Желаю удачи в Москве.

Большая лампа ярким светом заливает операционную, стол, на котором под стерильной простыней лежит Алики.

Сестры готовят инструменты, тампоны, лекарства, маски и перчатки для хирурга и его помощников.

Стоят приборы. И среди них самый главный и самый сложный, недавно созданный людьми,— искусственное сердце. Он будет работать, когда сердце Алики остановят. Остановят на двадцать минут и сделают операцию.

В операционную входит хирург в стерильном халате.

Хирург улыбается Алики. Ласково кивает. Хирург и Алики уже знакомы. Потом кивает сестре. Тогда сестра завязывает ему маску, натягивает перчатки. Сквозь них видны узелки завязок на рукавах халата.

— Дайте наркоз,— говорит хирург.

Сестры катят колесные столики с хирургическими инструментами и лекарствами: надо, чтобы все было под руками.

Помощники включают приборы, которые будут следить за Алики, за ее сердцем, за ее дыханием, пока она спит. Будут помогать ей переносить операцию.

В коридоре приемного покоя стоит женщина. Не отрываясь, смотрит на двери. Двери закрыты, ничего не видно.

Женщина знает, что сердце дочери будет молчать двадцать минут. И волнуется. Слушает удары своего сердца.

В приемный покой выходит хирург.

— Ну, что? — с тревогой шепчет женщина по-английски.

Хирург отвечает ей тоже по-английски:

— Уже полчаса, как работает ее сердце.

— Здоровое?
— Совершенно. Скоро она будет бегать, играть с детьми и танцевать, как танцуете вы.

Алики нужно окрепнуть. Она должна гулять в больничном саду. Ей подарили русскую шапку-ушанку и валенки-катанки.

Но Алики не гуляет. Сидит в палате и смотрит в окно. Не хочет. Боится снега и мороза. Плохо ест, плохо спит. Вялая и печальная.

На окнах нарисованы листья. Нет, это не саванна, где живут слоны. Белые джунгли нарисовал мороз. Он обманывает Алики. Он очень холодный, этот мороз. И снег тоже холодный.

Алики сидит в палате.

Ее навещает мама. Говорит, что Алики нужно окрепнуть.

Алики говорит, что она постарается окрепнуть.

Только пусть не заставляют гулять по хрустящим облакам и дышать морозом.

Как сделать, чтобы Алики гуляла? Дышала морозным воздухом? Чтобы перестала бояться зимы? Повеселела?

Думал над этим хирург. Думали его помощники. Думали все в больнице.

Кто-то вспомнил рассказ Куприна «Слон». Да, решил тогда хирург, нам тоже требуется слон. Живой, настоящий. Такой, о котором мечтала больная девочка Надя в рассказе Куприна. И который однажды пришел к ней в гости.

Но где взять слона? Настоящего, живого. Зимой!

Хирург позвонил по телефону в зоопарк.

— Слон имеется,— ответили ему.— Может ли он зимой ходить по улицам? Конечно, может. Прогулки ему необходимы. Мороз? А у слона есть валенки. Да, настоящие валенки. И пальто есть. И шапка-ушанка. Но он сейчас болен. У него воспаление мякоти бивня. Куда еще позвонить? В цирк.

Хирург позвонил в цирк.

— Слон? Имеется слон, но он уехал на гастроли. Куда еще позвонить? В зоопарк позвоните. Уже звонили? Тогда в Уголок Дурова.

Алики смотрит в окно.

— Внимательно смотри,— говорит по-английски хирург.

— Я смотрю внимательно,— отвечает Алики.

Вдруг окно закрыла огромная тень.

— Роуг! — воскликнула по-малайски Алики.

Она подбежала к окну.

За окном стоял слон. Настоящий, живой.

Смотрел в больницу сквозь белые джунгли, нарисованные морозом.

— Роуг! Роуг! — Алики прыгала и смеялась. Тонкая и гибкая, как жилка листа пальмы.

Вокруг ограды толпился народ. По больничному саду гуляли девочка и слон.

Слон был в пальто, в шапке-ушанке и в валенках. Девочка — в шубе, тоже в шапке-ушанке и тоже в валенках. Девочка была смуглой, нерусской. Она шла рядом со слоном, смеялась, разговаривала.

Слон в ответ кивал головой.

Слово о Байконуре

Летчик-космонавт СССР,
Герой Советского Союза
Юрий ГЛАЗКОВ

Байконур... Это название в нашей стране известно всем, даже детям, так же хорошо, как БАМ, Атоммаш, КамАЗ.

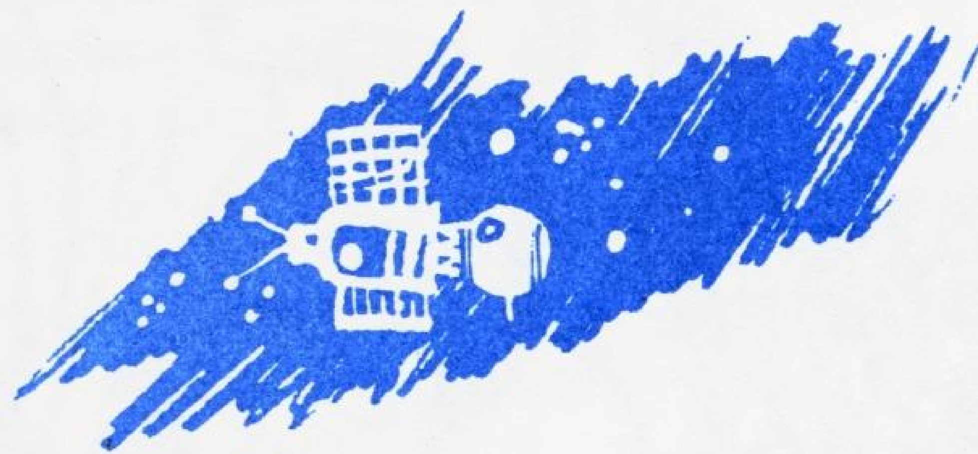
Но космодром отличается от этих гигантов нашей индустрии не только своими масштабами, огромной территорией, мощностью своих служб. Космодром велик своей историей. Двадцать пять лет назад отсюда был запущен первый в мире искусственный спутник Земли. А 12 апреля 1961 года с Байконура поднялся первый космонавт планеты Юрий Гагарин...

Космодром велик и настоящим. Отсюда осуществляются наши старты в космическое пространство. Мечтаем и о будущем, о полетах с Байконура к другим мирам и галактикам.

Нам, космонавтам, Байконур дорог как порог родного дома, как тот краешек Земли, откуда мы уходим в космос. Уходим, чтобы сделать нашу голубую планету еще богаче, еще прекраснее, во имя человечества, во имя мира на Земле, и куда возвращаемся, выполнив задание Родины.

Вы знаете, дорогие друзья, что не просто сделать шаг в космос, не просто преодолеть земное притяжение. Для этого и построены многоступенчатые ракеты-носители, космические корабли разных назначений. Для этого и создан Байконур.

А теперь — слово журналисту Юрию Докучаеву. Он познакомит вас с нашим космодромом.



4 октября 1957 года в СССР был запущен первый искусственный спутник Земли

Космическая ракета-носитель с космическим кораблем на стартовом устройстве. Слева и справа видны фермы обслуживания в исходном положении. Пока отброшена кабель-заправочная мачта. Чуть ниже, поддерживая ракету на весу, сомкнулись фермы. Здесь их нежно зовут «тюльпанами». В теле стартового устройства, под бетонной поверхностью, хранилища топлива.

ПУТЕШЕСТВИЕ НАД КОСМОДРОМОМ

В надвигающихся сумерках, при свете вспыхнувших прожекторов наш самолет приземлился на аэродроме Байконур. Ночь словно боялась опоздать. Темнело на глазах.

— Нет, нет. Сегодня экскурсии не будет. Очень поздно. А завтра разбудим вас рано, до наступления жары. Слетаем вокруг космодрома на вертолете,— сказал встречавший нас инженер.— Сверху вы увидите все главные достопримечательности космодрома и нашего Звездограда.

В гостинице «Космонавт» меня поселили в одном номере с моим другом Николаем, который прилетел сюда впервые. Он был очень взволнован предстоящим. Волновался и я. Увидеть космодром — весь комплекс сложных сооружений с птичьего полета,— такое бывает не часто, может быть, раз в жизни.

— Скажи, пожалуйста,— спросил Николай,— почему именно это место было выбрано для первого космодрома? И почему именно так он называется?

Я рассказал Николаю то, что уже знал.

Поиски места для космодрома велись очень тщательно. Остановились на этом районе казахстанских степей не случайно. Неподалеку проходит железнодорожная магистраль — без нее было бы трудно не только строить космодром и новый город, но и доставлять сюда на специальных платформах и в вагонах сложнейшее оборудование, большие блоки космических ракет. Неподалеку есть и речка, а в степи это, пожалуй, находка. И еще одно — тут благоприятные погодные условия для запуска ракет — континентальный климат!

Пусть летом здесь бывает нестерпимая жара, а зимой холод, но постоянство такой температуры важнее, чем капризная погода, когда небо заволакивают тучи и идут проливные дожди. Попробуйте еще найти такое место, где более трехсот дней в году было бы лучезарное небо без единого облачка.

А само название — красивое, но непонятное — тоже просто объясняется. Оно не придумано ни фантастами, ни ракетчиками: это местное название одного из здешних поселков. Такое же, как Самотлор, Нурек и многие другие...

Рано утром мы снова были на аэродроме. Николай не отходил от меня, обо всем расспрашивал. Я продолжал рассказывать ему о том, что читал, что слышал от строителей Байконура, от инженеров и космонавтов, что видел сам.

...12 февраля 1955 года сюда по железной дороге прибыл первый десант строителей. Байконур встретил их на редкость негостеприимно — пылевой бурей. Монтажники, крановщики, экскаваторщики до этого строили Московский университет и подобного еще не видели. Песок скрипел на зубах, в трех — пяти метрах ничего не было видно. Но буря вскоре прекратилась.

По железной дороге поступала строительная техника. С первого дня начал действовать точный график работ по сооружению космодрома.

Домик, в котором провел ночь перед стартом первый космонавт планеты Земля.
Домик Гагарина и сейчас — реликвия Байконура.

Пионерам Звездограда посчастливилось — они слышат грохот ракетных двигателей и видят уходящие в космос ракеты. А в своем Дворце пионеров часто встречают космических героев. На снимке — дважды Герой Советского Союза летчик-космонавт А. Николаев с пионерами.

Строители работали дни и ночи, в зной и стужу. Поначалу жили в палатках. Работали под руководством Главного конструктора ракетно-космических систем Сергея Павловича Королева и его помощников. И победили! Когда прибыли специалисты — ракетчики, конструкторы, стартовики, монтажники космической техники, начался монтаж стартового устройства, оборудования корпусов испытаний и сборки. Вскоре стали поступать блоки ракет-носителей.

Тут нас пригласили в вертолет.

Через несколько мгновений земля стала уходить из-под колес вертолета. Мелькнули ангары, бензозаправщики.

Вертолет поднимался вверх и в сторону. Мы прильнули к иллюминаторам. Николай не отрывался от стекла.

— Рассказывай,— снова попросил он.

Но о чем было рассказывать? Мы летели над ровной коричнево-серой степью, изредка пересеченной невысокими холмами. Ни одного знакомого места.

— Сверху кажется,— начал я,— что нет конца и края этой степи. Старожилы рассказывают, что раньше с самолета можно было увидеть стада сайгаков. Теперь они ушли подальше в степь, напуганные машинами, самолетами и грохотом стартующих ракет... Стоп. Мы, кажется, разворачиваемся...

Секунда, другая — и под винтами нашей машины стал появляться город. Большой, красивый, много-

Торжественные минуты. Космическая ракета на специальной платформе движется медленно к стартовому устройству. По установленной еще С. П. Королевым традиции ее сопровождают руководители испытаний, конструкторы.

этажный, с ровными, прямыми улицами, обсаженными тополями.

— Смотри! — сказал я. — Узнаешь? Вот наша гостиница, а вон там, в стороне, — Вычислительный центр.

Вертолет, словно крадучись, стороной, но все ближе и ближе продвигался к цели. Под нами пролегла широкая бетонка. Следишь за ней, за ее ответвлениями и обязательно найдешь в конце каждого или здание лаборатории, или испытательный корпус, или станцию заправки космических аппаратов. То появится радиолокационная станция с антеннами на крыше, то приземистые строения компрессорных установок... Но, конечно, все время невольно ищешь глазами и находишь стартовые устройства.

Я не успеваю отвечать на вопросы Николая: «А это что?», «А это, под куполом?», «А там, дальше?».

Сверху я не все узнаю, не на всех объектах я успел побывать. Но знаю, что весь этот необычный гигантский комплекс, раскинувшийся под нами, по одному сигналу, в любую минуту начинает действовать четко, уверенно и быстро, как один отлаженный механизм.

И вот справа впереди мы увидели самое главное.

На стартовом устройстве стояла устремленная ввысь серебристая, сверкающая в лучах восходящего солнца космическая ракета.

Замолк Николай, подавшись вперед. Я тоже не в силах был оторвать глаз. Сверху это зрелище необычайное. Высотой в несколько этажей, весом более трехсот тонн ракета казалась изящной, как стройный тополек. Но в ней одновременно чувствовалась и сила, и грандиозная мощь. Недаром она исчисляется более чем в 20 миллионов лошадиных сил.

Наш вертолет продолжал лететь, а Николай вновь прокричал над самым ухом: «Что это за большие здания, все в стекле?» Примерно в двух километрах от ошеломившей всех ракеты стояли высокие здания. Солнечные лучи отражались в громадных стеклянных рамах как в зеркале. Слепило глаза.

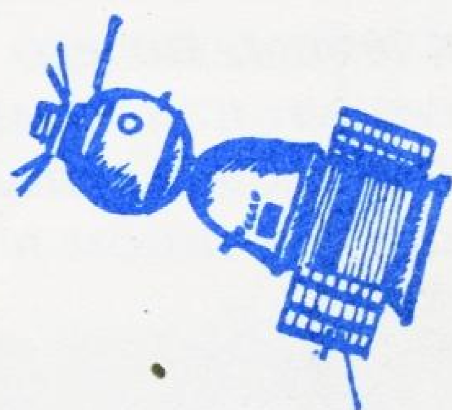
Это МИК и МИК КО — монтажно-испытательный корпус и корпус монтажа и испытаний космических объектов, другими словами, космических кораблей.

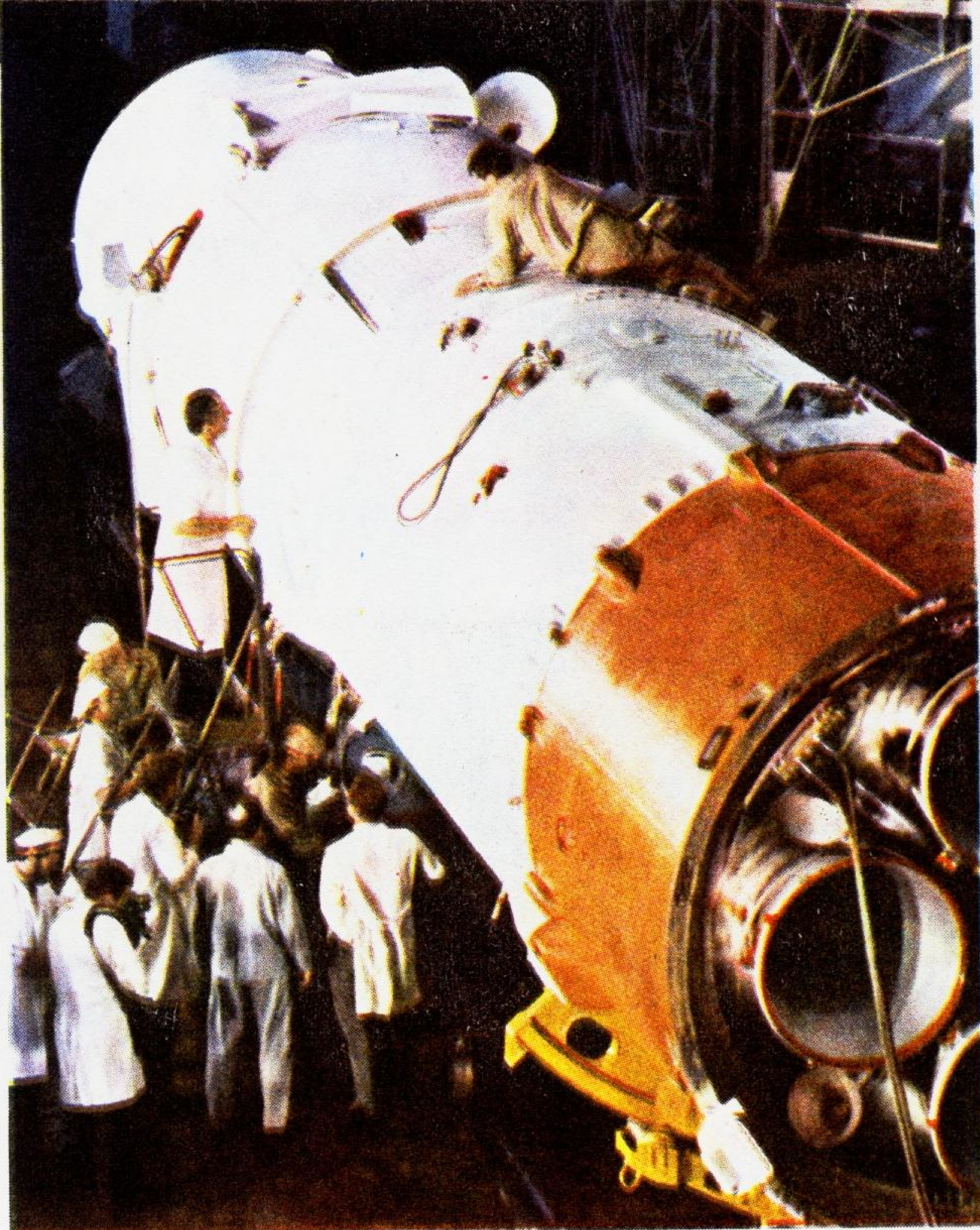
Весь космодром над нами был перерезан сетью шоссейных дорог и железнодорожных путей, линиями высоковольтных передач. Но мы уже не рассматривали ни здания, ни станции прямой связи с космосом с огромными круглыми чашами антенн.

Мы оглядывались назад — туда, где стояла космическая ракета. Я откинулся на спинку сиденья, закрыл уставшие от напряжения глаза и на секунду представил, что я на земле и слышу команду «Старт!». Серебристая, огромная, без поддерживающих ее ферм обслуживания, наша космическая ракета, выплеснув огненную струю из двигателей, сначала словно нехотя, а потом все быстрее, с грохотом низвергая огонь и пламя, уходит в небо. Мгновение, и она несется уже кометой и исчезает из виду.

Только Байконур все видит и слышит, будто держит руку на пульсе космической путешественницы. Счастливого пути!

Ю. ДОКУЧАЕВ





Корпус, где собираются и испытываются все ступени ракеты, огромен. Сто с лишним метров его длина, высота с пятиэтажный дом. В нем можно смонтировать несколько ракет! Здесь вы видите испытания одной из ступеней ракеты-носителя.

Грохот ракетных двигателей потряс раздольную казахскую степь, откинулись в стороны лепестки «тюльпанов», освобождая дорогу идущим в космос. «До встречи на родной земле!»

Фотографии А. МОКЛЕЦОВА.

Школьные столовые как близнецы. Почти в каждой увидишь на стене плакат: «Хлеба к обеду в меру бери, хлеб — драгоценность, им не сори!» Правило замечательное, но всегда ли выполняют его ребята? Выяснить это мы попросили юнкоров отряда «Солярис» из подмосковного города Обнинска.

Как бывает иногда...

«После завтрака многие ребята набирают с собой на урок по нескольку кусков хлеба. Но съедают не больше одного, а остальными кидаются. Потом этот хлеб лежит грязный, раскрошенный во всех углах школьного коридора».

Николай ФРЕЙМУНДТ,
4-й класс, школа № 4.

«Во время обеда к хлебу относятся действительно, как к драгоценности. Потому что успели за несколько уроков проголодаться. Берут столько, сколько могут съесть, не швыряют куда попало. На завтраке — все иначе: откусят от куска и бросят, даже масло прямо на стол сбрасывают. Правда, больше это относится к старшеклассникам. Почему дома никто так не поступает?»

Франтишек ГОРВАТ,
8-й класс, школа № 3.

«В дверях столовой стоят несколько ребят в чистых фартуках, дежурные. Они следят, чтобы никто не выходил из столовой с хлебом. Но часто бывает так: идет кто-нибудь с куском хлеба в руках, его останавливают, а он не обращает внимания и убегает. Все, наверное, потому, что дежурят ребята из младших классов. Где им справиться со старшеклассниками?! Так и нет у нас порядка».

Саша КРАМАРОВ, Сережа МАКАРИХИН,
5-й класс, школа № 6.

Нам дорог хлеб

«Когда мой отец был пионером, шла война, и был голод, боролись за каждый колосок хлеба, а делать это помогали пионеры, школьники. Они подбирали колоски, чтобы ни одно зернышко не пропало. Сейчас нет трудностей с хлебом, но его все равно надо беречь. Однажды я видел, как один мальчик бросил недоеденный кусок хлеба на пол, а потом даже стал играть с ним, как с мячиком в футбол. И

тогда я рассказал ему эту историю. Мне кажется, он понял, как дорог должен быть каждый кусок хлеба».

Максим КОЗЛОВ,
4-й класс, школа № 4.

«Мы решили провести в отрядах «Уроки хлеба», и мне поручили сделать на этом уроке доклад. Сначала я рассказал об истории хлеба, о том, как тяжело его выращивать, как боролись за хлеб после революции, как борются за урожаи сейчас. Когда я говорил о блокадном Ленинграде, показал всем, какой крошечный кусочек хлеба — всего сто двадцать пять граммов — выдавали ленинградцам на целый день. Я показывал хлеб сегодняшний. А ленинградский хлеб даже назвать хлебом трудно: в нем было больше смолы, гудрона, чем муки.

А потом другие ребята рассказывали о соседях, которые перенесли блокаду, о том, как эти люди дорожат хлебом, как бережно к нему относятся. Наш «Урок хлеба» получился серьезным, и теперь в нашей школьной столовой чистота, а хлеб ребята весь съедают».

Павел ЦЫПКОВ,
6-й класс, школа № 9.

«В нашей школе бережно относятся к хлебу. Еще в первом классе нам говорили, как дорого хлеб достается. В третьем и четвертом классах мы сами стали работать в совхозе «Кривское», помогали на уборке урожая. А еще наша классная руководительница Нелли Евгеньевна организовала экскурсию на хлебозавод, и мы своими глазами увидели, как выпекаются булочки, хлеб, пряники... Теперь каждый старается взять столько хлеба, сколько съест, даже малюсенького кусочка не выбросит никто. Если такое случится, все ребята осудят».

Павел СЕЛИВЕРСТОВ,
5-й класс, школа № 10.

«Однажды на уроке истории у нас зашел разговор об экономии. Оказывается, экономить можно в любом деле. Например, электроэнергию. Все знают, что в апреле все часы перевели на летнее время. Тогда же мы стали следить, чтобы в школе не горел зря свет. Результат — школа вдвое меньше обычного заплатила за электричество. Или в классе. Решили по-другому относиться к нашей классной комнате, беречь мебель, поддерживать чистоту. Три года в историческом кабинете не делали ремонт, а на сэкономленные деньги купили новый кинопроектор.

А разве к хлебу нельзя относиться так же? У нас в школе все берегут хлеб. Никто не посмеет бросить его на пол, а в столовой всегда чисто, хоть и дежурных нет. Зачем дежурные, если ребята все понимают».

Андрей ЗАХАРЧЕНКО,
8-й класс, школа № 1.

Когда ребята из «Соляриса» проводили рейд по школьным столовым, они обратили внимание, что отношение к хлебу лучше в тех школах, где об этом думают, говорят на отрядных сборах, а не там, где вся надежда на бдительность дежурных. И знаете, почему? Потому что каждый ПОДУМАЛ, а главное, ПОНЯЛ, из чего складывается бережное отношение к хлебу.

О человеке судят по его поступкам, а значит, и по отношению к хлебу — тоже.

Беречь хлеб — это помнить, какой ценой достался он людям в тяжелые годы войны, это значит ценить труд других, это уметь думать «на завтра», по-хозяйски относиться к тому, что тебя окружает.

Пока материалы рейда редакция готовила к печати, в школах Обнинска многое изменилось к лучшему.

А как относятся к хлебу в твоей школе?

Про пирожок, картошку и «отбивную» дорожку

Рассказывает Кира Васильевна АГАФОНОВА,
заместитель начальника Главного управления школ Министерства просвещения СССР

Каждый первоклассник скажет вам, что рисовать на парте или рвать учебник нельзя, потому что парта и учебник — это наша общая, народная собственность и ее надо беречь. А хлеб? Разве это не такая же социалистическая собственность, как парта и учебники? Он тоже создан трудовыми руками и тоже служит людям.

Если пирожок, который ты купил в школьном буфете, вкусный и румяный, значит, постарались не только на хлебозаводе, но и в поле. Вырастили первосортное зерно. Вовремя удобрили землю, вовремя увезли урожай с поля. Есть в аппетитном пирожке вклад и председателя колхоза, и доярки, и экономиста, и бухгалтера: над каждым пирожком трудится около 120 человек! И все остальное, что вы видите в школьном буфете, создано трудом многих советских людей, вложены в это и немалые государственные средства.

Есть здесь и наш вклад — работников просвещения.

Именно мы, работники Министерства просвещения, вместе с другими организациями — Центросоюзом, Министерством здравоохранения, Институтом физиологии детей и подростков Академии педагогических наук СССР, сделали так, чтобы пирожок попал в ваш буфет румяным и свежим и попал вовремя — на большой перемене.

Подайте завтрак после первого урока — он останется нетронутым. Никто не проголодался за сорок пять минут, ведь что-то каждый перехватил дома, пусть даже наспех. А после второго урока этот пирожок с тарелкой горячего бульона придется в самый раз.

В Средней Азии, скажем, с ее жарким климатом горячее лучше заменить кистью винограда и вкусной лепешкой. По питательности такая еда не уступит бульону, зато не придется везти говядину за тридевять земель и ломать голову над тем, как ее сохранить при сорокаградусной жаре. А виноград — вот он, под боком, только собрать!

Но поставьте виноград в меню группы продленного дня в какой-нибудь школе на Волге, и ребята получат ягоды вялыми, растерявшими по дороге половину витаминов. Лучше бы яблоко из соседнего колхозного сада, а еще лучше — со школьного приусадебного участка. Лучше потому, что знаешь цену этому яблоку, потрудился в саду и на участке.

Скажем, в Олонецком детдоме Карельской АССР никому и в голову не придет кидаться хлебом или стрелять им из рогатки. Бережливы олонецкие ребята. Правда, они стали такими не сразу.

Все началось со школьного дворика. «Почему обязательно сажать тополя и акацию?» — подумали ребята и обсадили дворик смородиной, малиной и крыжовником. На переменах рвали ягоды, пока не набили оскомину. Может, остальной урожай достался бы воробьям, если бы не идея законсервировать ягоды. Наварили компотов, варенья и по всем правилам закупорили банки. А тут осень. Да такая грибная! Насолили грибов. Теперь это уже традиция в Олонецком детдоме — делать запасы на зиму.

Еще Олонецкий детдом прославился своей «отбивной» дорожкой. Это обычная тропинка от детдома до свинарника. По ней ребята носят отходы после завтраков, обедов и ужинов. А на праздник каждый получает свежую свиную отбивную с пюре. И кажется это блюдо вкуснее всего на свете, потому что все для него выращено руками ребят.

Значит, и вы, ребята, можете помочь тем, кто организовывает ваши завтраки и обеды в школе. Эти завтраки и обеды — большое государственное дело! Все школьники должны вовремя получать горячую пищу с необходимыми витаминами. Не будет это обеспечено — хуже пойдет учение.

В картошке, например, витамин С — чтобы всегда быть веселым и быстро решать задачки. А витамина РР нет нигде, кроме хлеба. И тот, кто не получит вовремя свою порцию хлеба, будет сидеть на уроке хмурым и злиться на задачку. Ведь его доля витаминов сохнет у соседа в парте или валяется в углу, не должно быть такого в нашей школе! И в первую очередь тут надо не указывать на других, а самому подавать пример бережливого отношения к хлебу — нашему народному богатству.

Я часто слышу, как ребята поют свою любимую песню «Здравствуй, милая картошка!». И часто думаю, что и пирожок и картошка будут еще вкуснее и милее, если понимать, как нелегко они достаются, и помогать взрослым в этом нашем общем деле.

Рисунки Ю. КАРПОВОЙ.

И МЫ ЗА МИР В ОТВЕТЕ!

Во всем мире ширится сейчас движение за мир и разоружение, в поддержку мирных инициатив нашей страны, выдвинутых на Специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению и в речи товарища Леонида Ильича Брежнева на XIX съезде ВЛКСМ. Все громче звучит в этом движении и голос детей планеты. Недавно по приглашению Комитета молодежных организаций СССР в нашу страну приехала группа активистов молодежного движения «За мир и разоружение» из ФРГ, Дании и Швеции. Сегодня эти ребята — гости пионерского клуба «Товарищ». Они рассказывают о том, как в их странах дети борются за свои права, за мир и разоружение.

Петер КРОН, город Бремен (ФРГ):

— У нас в стране на школьное образование правительство отпускает с каждым годом все меньше средств. Классы переполнены. Учителей не хватает. Дорожают школьные учебники, проезд в трамваях и автобусах.

Мы объясняем ребятам, что беды эти идут от гонки вооружений. Наше правительство не скупится швырять миллиарды на разработку оружия, урезает и без того скудные средства на социальные нужды.

А вот как мы боремся за свои права. В городе Бремене, на одной из многолюдных улиц, по которой ребята направляются в школу, не было обозначено перехода — «зебры». На все просьбы сделать указатели полиция отвечала отказом. Тогда поздно вечером группа пионеров нанесла на тротуары и мостовые эти дорожные обозначения. Наутро полиция стерла их. Пионеры снова нанесли... Только после письма к бургомистру Бремена и демонстрации школьников полиция отступила. Переходы остались «жить».

В рабочих кварталах западногерманских городов растет число пионерских отрядов. Все больше детей трудящихся участвуют в борьбе за мир, против гонки вооружений.

Кент МАГНУССОН (Швеция):

— Вместе со взрослыми шведские ребята борются за создание безъядерной зоны на севере Европы. Но не только европейские проблемы волнуют нас. Мальчики и девочки выходят на демонстрации протеста против фашистского режима Пиночета в Чили, собирают деньги в помощь сальвадорским беженцам. Мы участвовали в митингах солидарности с народами Вьетнама, Кампучии, Лаоса, Кубы. Перед зданием американского посольства в Стокгольме провели демонстрацию протеста против милитаристской политики президента США Рейгана.

Анна САНДУКВИСТ (Швеция):

— Все большую популярность завоевывают у нас музыкальные самодеятельные группы. Всякий, кто хочет и умеет играть на каком-либо инструменте, кто любит петь и танцевать, разучивает песни о мире. Ребята часто выступают на школьных вечерах и собраниях.

Летом нынешнего года скандинавские юноши и девушки приняли участие в Походе в защиту мира, против превращения территории Норвегии в склады натовского вооружения. В колоннах демонстрантов было много школьников. Поход закончился в местечке Трианделаг, на территории одного из проектируемых натовских складов. В знак протеста против опасных военных планов НАТО участники Похода за одну ночь воздвигли здесь из бетона монумент мира. На его вершине — большой глобус с изображением Скандинавского полуострова. Венчает монумент голубь мира.

Оле ЕНСЕН (Дания):

— Это было в небольшом городке Вайли, в двухстах километрах от датской столицы Копенгагена. Внезапно в помещение одной из школ на перемене ворвалось подразделение солдат, одетых в форму войск НАТО. Они грубо расталкивали школьников, прижимали их к стене. Солдаты угрожали расправой и учителям. Вскоре выяснилось, что облачились в натовскую военную форму ребята-старшеклассники. А сделали они это для того, чтобы наглядно показать, что будет, если солдаты агрессивного блока НАТО оккупируют Данию. При этом старшеклассники раздавали ребятам антивоенные листовки и брошюры...

Недавно такую операцию под названием «Осторожно — НАТО!» школьники провели в помещении большого универсального магазина в городе Гетеборге. Правда, в дело вмешалась полиция, угрожая участникам рейда крупным денежным штрафом «за нарушение общественного спокойствия». Но ребята обратились за помощью в суд, и он поддержал их.

Подготовил С. РУХОВИЧ.

От редакции. **Дорогие ребята! XIX съезд ВЛКСМ объявил о проведении Всесоюзной акции «МАРШ МИРА СОВЕТСКОЙ МОЛОДЕЖИ». Пионеры Страны Советов проводят пионерский Марш мира. Школьники Саратовской области, например, направили письмо протеста военным министрам стран НАТО, кидовцы Москвы, Ульяновска, Свердловска, Кирова послали рисунки и политические плакаты в ответ на Обращение СИМЕА «Дети хотят мира!», многие ребята перечисляют заработанные ими средства в Фонд мира, проводят митинги солидарности. А что делаете вы в своих пионерских дружинах и клубах интернациональной дружбы в защиту мира? Напишите нам об этом.**

В. АРСИРИЙ

Поиск окончен — поиск продолжается

По четвергам, после занятий они спешат в свою комнату на втором этаже. В пятнадцать ноль-ноль открывается очередное заседание КИДа школы № 10 города Махачкалы.

Как-то на один из «четвергов» пригласили кидовцы Клавдию Александровну Денисову. Ребята уже знали, что была она во время Великой Отечественной войны медицинской сестрой в осажденном Севастополе, была ранена, попала в плен, стала узницей фашистского концлагеря Равенсбрюка. Клавдия Александровна рассказала такую историю.

«...Было это в сорок четвертом году. В один из ненастных, дождливых дней фашисты привезли в Равенсбрюк детей. Позже мы узнали, что эшелон этот прибыл из Освенцима. Полураздетых, больных детей выгоняли палачи каждый день во двор и выстраивали в шеренгу вместе с остальными заключенными. Сердце сжималось от боли, глядя, как пяти-семилетних узников валят с ног не то что удары надзирателей, но даже порывы ветра...

И вот однажды фашисты заявили, что больше они детей кормить не будут, так как те не работают. Гитлеровским варварам было все равно, как их уничтожить: сжечь в газовых камерах или уморить голодом. За жизнь маленьких смертников решили бороться советские женщины. Я помню, как махачкалинка Клавдия Макаровна Поветьева тут же увела к себе Надю Богданову, сироту, на глазах у которой фашисты расстреляли ее бабушку. Клавдия Макаровна стала для девочки второй матерью...»

«Ведь остался же кто-нибудь из них в живых. Давайте будем искать»,— предложил кто-то из ребят. И начался поиск.

Пока кидовцы разыскали тридцать два человека. Среди них М. Гаджиева и Л. Назарова из Баку, Мартин Каспар из Лейпцига, П. Лысенко из Сызрани, Густа Фучикова из Праги, Ирма Тельман из Берлина и другие. Осталась в живых и Надя Богданова, приемная дочь К. М. Поветьевой. Живет она в Ленинграде, но часто гостит в Махачкале, у своей второй матери.

Однажды кидовцы получили письмо из Лейпцига от Мартина Каспара. Два листа убористого текста на русском языке. Мартин писал, что в другом концлагере — Бухенвальде — по постановлению под-

польного комитета была открыта школа. Представляете, подпольная школа! Как же надо было верить в будущее, в победу, чтобы маленьких смертников учить математике и литературе, истории и географии! И делал это учитель из Калуги Борис Митрофанович Филатов. Кидовцы разыскали его. Он и теперь живет в своем родном городе...

Получив письмо Каспара, ребята начали розыск бухенвальдских учеников Филатова. Пока отыскался только один — директор швейной фабрики из Комсомольска-на-Амуре Андрей Романович Шевчук, человек, который пошел в первый класс в подпольную школу в Бухенвальде...

Каждый четверг собираются кидовцы в своей комнате. Каждый четверг их ждут новые письма, имена, открытия...

Фотография автора.

Е. БУЗНИ

Значок Ленина

Я живу и работаю в индийском городе Бокаро, помогаю индийским металлургам осваивать советскую технику.

Однажды, возвращаясь с работы домой, я заметил двух девочек лет четырнадцати-пятнадцати. Девочки сидели на крыльце почты и пристально смотрели на меня.

Пересилив робость, одна из них подошла ко мне.

— Драстуйте! Вы есть значок? — спросила она, тщательно подбирая русские слова.

— Значок? Да, у меня есть значки. Как тебя зовут?

Исчерпав запас русских слов, девочка заговорила по-английски.

— Руби, а мою подругу — Лолита.

— А где вы учитесь?

— Мы закончили школу и собираемся поступать в колледж в Асансоле... А вы принесете нам значки?

Вечером я разыскал возле почты девочек и подарил им несколько значков.

На одном, в красивой золотистой оправе, был изображен Владимир Ильич Ленин. Руби сразу взяла этот значок.

— О, это Ленин! Великий человек! Он сделал революцию, и вы хорошо живете, вы счастливы.

С тех пор я часто встречал возле почты Руби и Лолиту. Иногда с учебниками в руках — они готовились к вступительным экзаменам в колледж. Обе хотели стать врачами.

Вскоре девочки уехали сдавать экзамены, а перед отъездом пришли ко мне в гости.

— Я много читала о вашей стране,— сказала на прощание Руби,— особенно люблю современных писателей, которые рассказывают о вашей сегодняшней жизни. Но книги — только книги. А мне бы хотелось поехать в Советский Союз на учебу. Один наш знакомый был в Москве. Он говорил, что у вас хорошо живут. Я очень хочу поехать в СССР, но это невозможно...

— Почему? — удивился я.— Закончишь колледж, и тебя могут послать к нам учиться.

— Нет-нет,— загрустила Руби.— Мой отец — простой почтовый служащий. Я кончу колледж, и меня выдадут замуж за человека, которого выберет отец. И все мои мечты кончатся...

Прошло около двух лет. Однажды я поехал в Калькутту за новыми кинофильмами для нашего Дома дружбы.

В фойе советского культурного центра, куда я приехал, меня кто-то окликнул.

Оборачиваюсь. Передо мной стоят три девушки. Одна из них, улыбаясь, протягивает руку:

— Драствуйте, мистер Женя! Вы вспомните меня?

Руби! Она совсем не подросла за эти два года, но повзрослела.

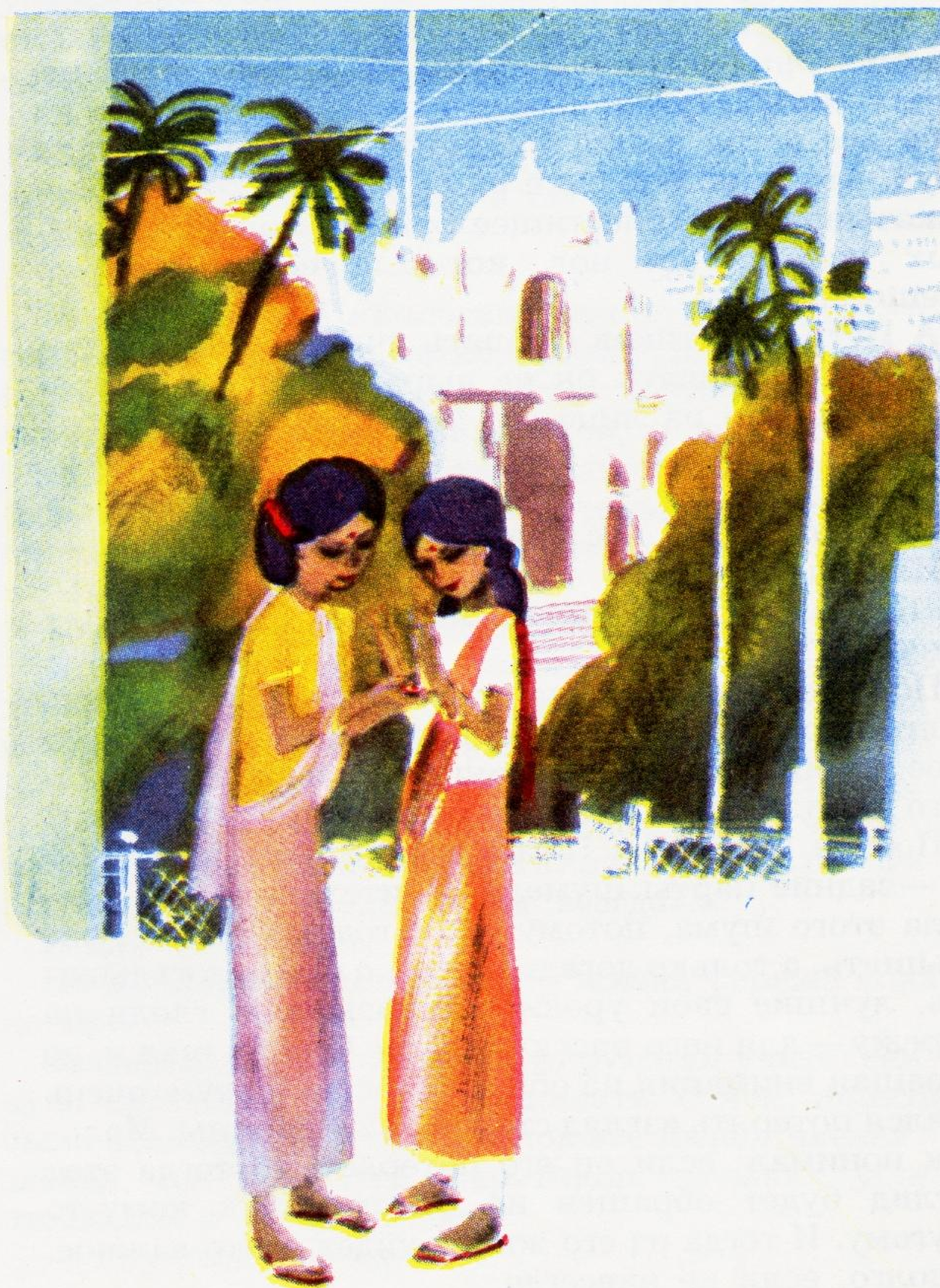
— Здравствуй, Руби! — обрадовался я.— Как хорошо ты говоришь по-русски!

— Мы учим ваш язык здесь, в культурном центре. Тут хорошие учителя...

Руби снова улыбнулась и слегка сдвинула в сторону край сари на плече. На кофточке я увидел значок Ленина, тот самый...

— Я всегда ношу этот значок,— говорит Руби.— Мечтаю увидеть страну Ленина. В нашей жизни сейчас столько хороших перемен, что, может быть, однажды я окажусь в самолете «Дели — Москва»...

Мне очень хочется поверить, что мечта Руби сбудется.



Рисунки В. МОЧАЛОВА.

Станислав **РОМАНОВСКИЙ**

ВЯТСКОЕ КРУЖЕВО

ПОВЕСТЬ

Окончание. Начало в № № 8, 9.

Рисунки И. УРМАНЧЕ.

Школа

Школа размещалась в деревянном здании бывшей земской больницы, и с того давнего, дореволюционного времени в ней пахло лекарствами. И потому, приходя на уроки, Сережа опасался, как бы из той или иной двери не вышел человек в белом халате и не предложил бы сделать укол или прививку, что бывало несколько раз в каждом учебном году.

Тем не менее он храбро сидел на первой парте рядом со своим другом Петром Паратиковым, слушал учительницу Августу Николаевну Белобородову и не пропускал ни единого слова, за исключением тех случаев, когда заглядывался на тополя за окном. Они исстари окружали школу могучим каре — четырехугольным строем — и принимали на себя все ветра в округе. Иногда Сережу отвлекал паук, что жил в косяке окна и время от времени показывал свое блестящее брюхо в ореоле длинных изломистых ног, которые всегда куда-то спешили.

А Петр Паратиков слушать учительницу не любил. Правда, вслух он не выражал своего неудовольствия, но на лице его было написано:

«Ну и что?»

Или:

«Это мы и без вас знали».

Или еще:

«Нельзя ли чего-нибудь поновее? Когда все это кончится?..»

Порой он тоскливо вздыхал и смотрел в окно, как Монте-Кристо, заточенный в мрачный замок Иф, в свое время смотрел на свинцовую зыбь Средиземного моря: не покажется ли белый парус надежды?

Позади Сережи и Петра всегда было неспокойно — задние парты шумели. Учительница не замечала этого шума, потому что с годами стала хуже слышать, а только догадывалась о нем и, догадываясь, лучшие свои уроки рассказывала, глядя на Сережу — для него рассказывала. Он это знал и, не обращая внимания на общий классный шум, очень боялся потерять взгляд старой учительницы. Мальчик понимал: если он его потеряет, то тогда этот взгляд будет обращен не к нему, а к кому-то другому. И тогда из его жизни уйдет нечто важное, надолго, если не навсегда.

Учительница говорила, а он смотрел на нее не заискивающе, не подобострастно, а уважительно, так, как в большой семье дети смотрят на мать, когда она беседует с ними — по делу, по необходимости, от души.

В классе никто не знал, что лучшие свои уроки Августа Николаевна рассказывает для Сережи Рощина, а он никому никогда не признался бы в этом: нельзя.

Да и бывает ли так?

А почему бы и нет? Даже если Августа Николаевна рассказывала только для Сережи и немногих других учеников, которые умели слушать, то за ними тянулись остальные, и худо ли, бедно ли слушал и запоминал весь класс.

Сегодня утром окна в школе были густо-синими, какими они бывают поздней осенью или зимой. Августа Николаевна пришла на занятия в нарядном платье с манжетами и кружевным воротником и, отмечая в журнале, кого нет, сказала:

— Сегодня снег. А месяц назад я видела, как по полю ходили журавли.

Она сказала это для одного Сережи, да так, чтобы слышали все. Мальчик промолчал, промолчали и остальные, и тогда Сережа подал крепенький голос:

— Они в стерне зерна собирали. Кто сколько найдет. Одним словом, кормились!

— Ты сам их видел, Сережа? — спросила учительница.

— Я сам их видел...

— А не видел, как они танцуют?

Сережа солидно кашлянул в кулак и ответил:

— Слыхать — слыхал, а наблюдать не приходилось.

Петр Паратиков, обиженный тем, что разговор идет с одним Сережей, ткнул соседа локтем: хватит, мол, отнимать время у занятых людей. Поскольку сосед не заметил этого, Петр Паратиков поднял руку, встал и решительно сказал:

— Августа Николаевна! Можно я того мизгиря убью?

— Где он? — спросила учительница.

— А вон!

Пальцем Петр Паратиков указал на щель в оконном косяке, где пузырьком блестело брюхо паука, и обвинительно провозгласил:

— Сидит, как феодал.

— Пальцем не показывают,— сделала замечание учительница.— Не принято... Как ктó он сидит?

Петр Паратиков ответил неуверенно:

— Как феодал... А что?

— Петя,— спросила учительница,— а ты знаешь, кто такой феодал?

Мальчуган вознес глаза к потолку, подумал и ответил бойко, как по-писаному:

— Феодал — это человек, который много ест и имеет зáмок!

Какое-то время класс молчал, а потом, уловив на лице учительницы беззвучный смех, грохнул хохотом. Петр Паратиков обиделся, повернулся к классу и замахнулся на хохочущих:

— Чего вы!

Класс засмеялся еще громче.

— Что я такого сказал? — не унимался мальчуган.— У него зáмка, что ли, нет? Вы книг отродясь не читали, что ли?

И плачущим голосом Петр Паратиков обращался к учительнице:

— Скажите им, Августа Николаевна, чтобы не сме́яли-иись!..

Она что-то сказала, но класс все равно смеялся до тех пор, пока Августа Николаевна не принялась вслух разбирать письменные сочинения, что лежали у нее на столе.

Под спокойные слова учительницы Сереже было хорошо сидеть и ни о чем не думать. В правом углу класса белела печка, с вечера протопленная Августой Николаевной, жившей при школе.

Тепло благодатными токами стелилось по полу, отчего никуда не хотелось идти. Слушая и не слушая объяснения учительницы, Сережа глядел на ее лицо в морщинах и думал о том, что она очень красива и даже похожа на Лидию Александровну, только, конечно, много старше. Открытие это мальчик сделал после того, как уехали квартиранты, и с тех пор слушать учительницу для него стало тревожным наслаждением. Он отыскивал в ее облике сходство с обликом той художницы-кружевницы, что недолго прожила в их доме, внезапно уехала, куда — неизвестно, и не прислала ни одного письма. Было время, когда ему хотелось спросить у учительницы:

— Августа Николаевна, а вы не родня Лидии Александровне? Где она сейчас?

Но он не спрашивал: была бы родня — вся бы деревня знала. Родством и свойствóм в деревнях, как нигде, дорожат, и беспамятных тут не бывает.

Между тем Августа Николаевна дошла до сочинения Сережиного соседа и похвалила его:

— Хорошая работа.

— А мы плохих не пишем! — польщенно отозвался Петр Паратиков.

— Бывает, что и вы пишете,— заметила учительница.— А на этот раз я бы сказала: «Приятное сочинение!»

Сочинитель покраснел, и сложное выражение его лица можно было расшифровать примерно так:

«А мы только такие и пишем!»

Учительница прибавила:

— Вот только в самом конце приписано что-то странное.

— Что такое? — насторожился Петр Паратиков, и класс замер от любопытства.

— Сочинение заканчивается так,— поверх очков учительница оглядела класс и зачитала концовку:

«Воспоминания о Лермонтове Петра Ильича Паратикова». Вот...

На этот раз класс засмеялся сам по себе. Уши сочинителя запылали малиновым огнем. Лицо учительницы было совершенно серьезным, и она мягко объяснила:

— ...Воспоминания пишут о тех, кого вы знали лично, с кем встречались, разговаривали. Сейчас не осталось в живых тех людей, что встречались с Лермонтовым и дышали с ним одним воздухом. А отметку я тебе не снизила, Петя. Концовку, правда, подчеркнула и красным карандашом поставила знак вопроса. Возьми сочинение. Что касается других учеников, то...

В классе стало тихо.

Учительница говорила, а Петр Паратиков, шевеля пухлыми губами, про себя читал и перечитывал свое сочинение, словно труд знаменитого писателя. Разобрав работы остальных, учительница раздала их детям, и в классе установился устойчивый рабочий гул — по делу, а не от безделья или шалостей.

Гул нарастал, ослабевал, а Сережа с грустью думал, что скоро пройдет первый урок. А потом и весь школьный день. Тогда надо идти домой, где нет ни души: дедушка с ночевкой уехал на центральную усадьбу колхоза — ладить парниковые рамы.

Скорее бы он приезжал, что ли.

А гул нарастал, и Сережа, чтобы не выглядеть букой, тоже шумел, оборачивался, кому-то что-то говорил, смеялся чьим-то словам, и его словам смеялись тоже. Он опять что-то говорил, однако ни на мгновение не выпуская из виду Августу Николаевну, чтобы тут же притихнуть, как только она оторвется от книги и даст знать:

— Шуму конец! Начали другую работу.

Сережа притихнет, и вместе с ним мало-помалу успокоится весь класс и станет слушать, что скажет Августа Николаевна.

Сегодня она что-то не прерывает шум в классе и очень долго читает книгу. Сережа присмотрелся и увидел, что она только делает вид, что читает. Под стеклами очков прикрыла глаза, и веки у нее нынче тяжелые, а на лице лежат тени.

Темные тени, болезненные.

Сережа перепугался: а вдруг старая учительница умрет? Не прямо сейчас, а скоро. Что тогда?

Школу закроют?..

Пустота.

Но вот Августа Николаевна улыбнулась каким-то своим мыслям еле заметно, брезжущей улыбкой, и Сережа отозвался на нее широкой улыбкой мгновенно, как эхо. А Петр Паратиков, не зная, чему это улыбается товарищ, громко захохотал и тут же ладонями зажал себе рот. Учительница без укора посмотрела на него, и мальчуган пообещал клятвенным шепотом:

— Больше не буду, разрази меня гром!

«Августа Николаевна никогда не умрет,— мысленно успокоил себя Сережа.— Есть такие люди, которые никогда не умирают. Это, наверное, учителя и врачи. Кого только не учила Августа Николаевна в деревне Кукушка! Даже дедушка учился у нее. Сколько людей она пережила! Живет и работает год по году, и эдак будет всегда».

А как же иначе?

По-другому представить эту жизнь Сережа пока не мог.

Зазвенел звонок. Девочки окружили учительницу и принялись ее расспрашивать. О чем, понять было нельзя, потому что звонок все звенел, звенел и звенел, на что Петр Паратиков, затыкая уши, отозвался с неодобрением:

— Глухими нас сделает!

Когда наконец-то звонок замолчал, стали слышны голоса девочек:

— Платье на вас какое красивое, Августа Николаевна!

— А воротничо-оок!

— Манжетички.

— Сами шили?

Оглядывая себя, старая учительница не спеша ответила:

— Платье — не сама. Кружавчики мама плела, а я ей помогала. Я тогда молодая была. На свадьбу готовила...

Девочки заахали-заохали:

— Платье-то! Платье-то!

— С цветочками.

— Ни в одном магазине не купишь.

— В прошлом году Августа Николаевна в этом же платье приходила.

— Да не в этом!..

— Один раз в этом.

Петр Паратиков терпел-терпел и басом, неожиданным для его маленького росточка, рявкнул, перекрывая классный шум:

— Чего раскричались, пигалицы?

И в наступившей тишине произнес тихим, но внушительным голосом:

— Августе Николаевне на переменах тоже отдыхать надо. А вы-ы!

Он сощурил узкие глаза, снизу вверх оглядел этих голенастых девочек, каждая из которых была на голову выше его, и припечатал:

— Вон в каких невест вымахали, а ни одна толковое сочинение написать не может.

Присвистнул, сунул руки в карманы штанов и при всеобщем молчании удалился из класса.

А вслед за ним вышел и Сережа.

— Слыхал, как я их? — победно спросил Петр Паратиков.

— Слыха-аал...

— Это я за смех. За хиханьки да хаханьки. Смеяться над умными людьми меньше будут. Нагнись.

Сережа нагнулся, и мальчуган зашептал ему в самое ухо:

— Ты мне завидуешь, что я маленький?

— Не особенно.

— Маленько-то завидуешь?

— Да и маленько не завидую.

Петр Паратиков вздохнул и признался:

— А я тебе еще как завидую...

— Ты еще вырастешь, — утешил Сережа. — Какие наши годы! Что ты дома-то делаешь?

— Из пластилина греков леплю, — громко ответил Петр Паратиков.

Сережа спросил:

— Древних или нынешних?

— Исключительно древних: очень умные люди были.

— Покажешь? — загорелся Сережа.

— Нынче? Нынче не могу: в Полетаевщину еду.

А сторожиха Вера Ильинична Кислицина уже звонила истово в старинный звонок — колокольчик «Дар Валдая», каких раньше было много в этом раздольном некогда ямщицком краю.

Уроки бежали быстро, как кони среди рассыпчатых снегов, и, уставая, Сережа смирился с тем, что скоро придется идти домой.

Последним уроком было пение. Здесь ученики все делали сами, без учительницы, тем более что штатного музыканта в школе не было — не прислали, и музицировал Петр Паратиков.

Для него девочки поставили стул посредине класса. На этом стуле, кроме Августы Николаевны и музыканта, никто никогда не сиживал.

Ноги мальчугана еле-еле доставали до полу, а на коленях покоился огромный баян, блистающий белыми и черными кнопками и металлическими уголками, на коих были вычеканены травы. Человека из-за инструмента не было видно, и он вытягивал шею, чтобы народ удостоверился, что баянист здесь и скоро будет музыка.

Вот Петр Паратиков надел на правое плечо ремень. Плечико было узкое, и ремень пополз вниз, но музыкант вовремя придержал ремень подбородком, подтянул к шее и сел прямо-пряменько. Его лицо с прозрачными оттопыренными ушами стало бледным. С неожиданной силой Петр Паратиков надломил баян и легко повел его вправо, обнажая алые мехи. Сперва баян шумно вздохнул, набрал воздуха и так заиграл, что Сереже захотелось петь и плакать от этой вольной, переливчатой, бьющей в душу музыки.

Лицо баяниста побледнело еще больше, а потом покраснело, сощуренные щелками монгольские глаза горели карим огнем. Девочки-длинноножки смотрели на Петра Паратикова с восторгом и страхом.

Музыка уводила в такие дали, что выносить ее стало трудно, и на правах дежурного Сережа взял классный журнал и понес сдавать в учительскую.

В коридоре сторожиха Вера Ильинична спросила его:

— Это Петр так хорошо играет?

— Он, — ответил Сережа, понимая, что сторожиха спрашивает, лишь бы поговорить. Разве она не знает, что, кроме Сережиного друга, в школе играть некому?

— Огонь-парень! — обрадовалась разговору сторожиха. — А ты, Сергей, чего на баяне не учишься? Боязно или неохота?

— Способностей нет.

— Тебе дедушка-то верте́ло покупать не собирается? — спросила сторожиха, понимая под верте́лом магнитофон.

— На что мне оно? — пожал плечами Сережа.

А сторожиха поинтересовалась между прочим:

— Лидия-то Александровна ничего не пишет?

— Нету...

— Говорят, ее в Советске видели. Будто бы она в кружевной мастерской работает. Врать не буду, сама я не встречала ее, но слух идет.

Сережа догадывался, что ради разговора сторожиха может невзначай присочинить от себя, но сейчас ему верилось, что она говорит сущую правду.

— Отца и мать не забываешь?

— Нету...

— Ой, беда! Ой, беда-аа!

Дверь в учительскую была приоткрыта, и оттуда доносились сердитые голоса: низкий — учительницы, высокий — доярки Вдовициной, матери самой слабой ученицы в Сережином классе. Отсюда из коридора был слышен весь разговор:

— Валя, — выговаривала учительница. — Ты моя бывшая ученица. Разве я тебя этому когда-нибудь учила?

— Жизнь-то научит, Августа Николаевна. Она и не тому научит.

— Валя, ты не кричи, — увещевала учительница. — Не напрягай голосовые связки.

— Они у меня всю жизнь напряженные!

— Дай им отдохнуть.

— Рада бы, да не выходит.

— А ты постарайся, Валя.

— Старалась уже... Я же к вам с чистой душой... Что я — меновщица какая?

— За всю жизнь я не взяла ни одной лишней копейки!

— А я взяла?!

Голоса становились громче.

Сережа пошел на помощь к учительнице, а сторожиха посоветовала ему вслед:

— Не ходи ты туда, парень, от греха подальше. Ой, не ходи!

Бочком он проскользнул в учительскую через полуоткрытую дверь. Обе женщины увидели его и разом смолкли. На лице учительницы зашевелились морщины, собрались около глаз и на щеках, где когда-то были ямочки, и, вот так улыбаясь, она сказала:

— Подойди сюда, Сережа... Дай-ка мне, пожалуйста, журнал. Та-аак. Сейчас мы продолжим закрепление...

Августа Николаевна говорила как бы не от себя, а от могущественного и справедливого Знания, на которое никому никогда не дозволено повышать голос.

Вдовицина потопталась на месте и пошла к двери. Учительница окликнула ее:

— Узелок-то возьми, Валентина Васильевна.

Ни говоря ни слова, Вдовицина вернулась, взяла со стола бидон с медом, завязанный в белый головной платок, и опять пошла, но учительница спросила:

— А «до свидания» будет, Валентина Васильевна?

— Будет,— пообещала та и сказала тихим голосом, в который прокрадывались слезы:

— До свидания.

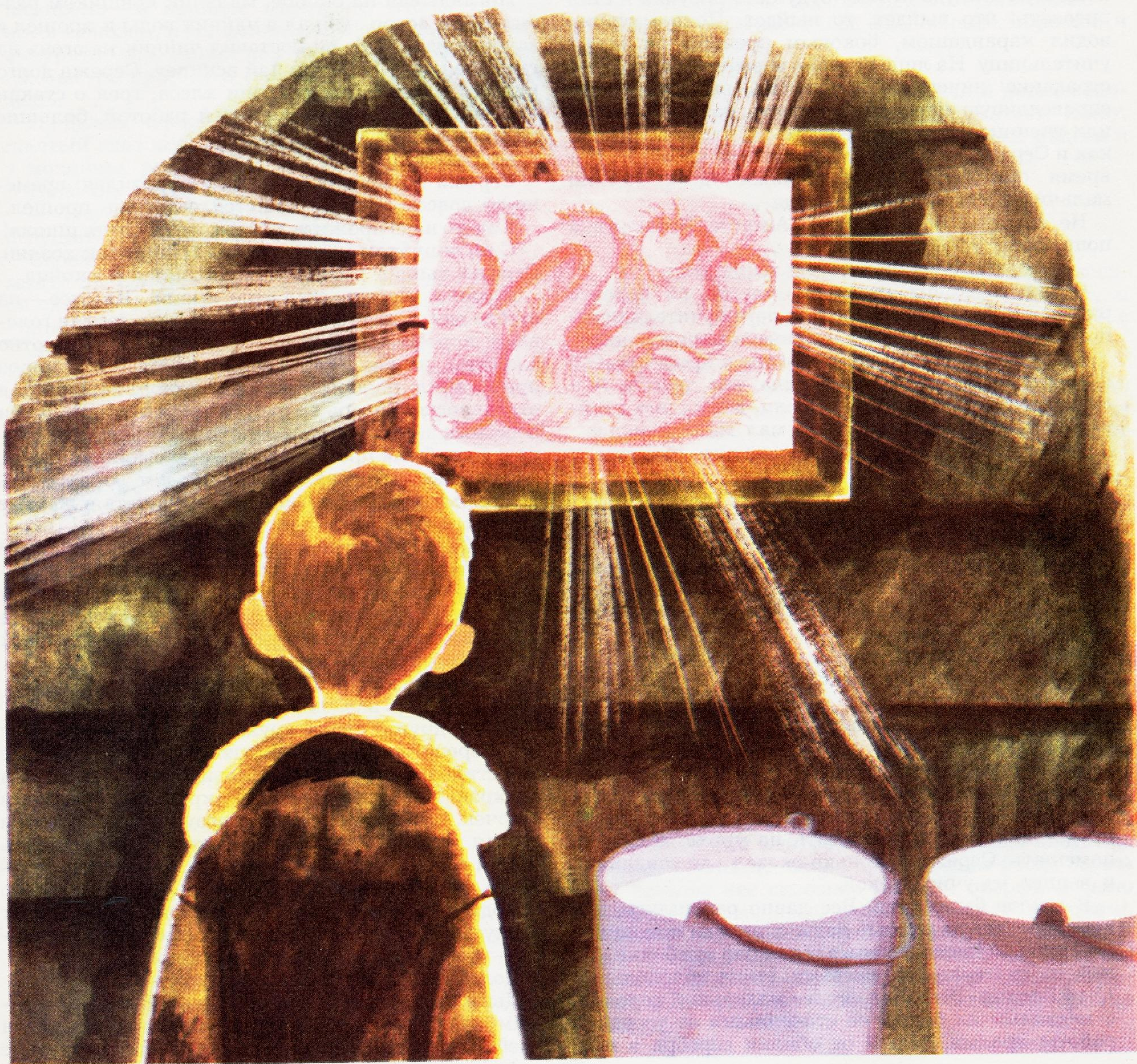
— До свидания, Валя.

— До свидания... Августа Николаевна...

Доярка ушла, притворив за собою дверь.

В деревне ничего не скроешь, и Сережа знал, что Вдовицина и некоторые другие родители ходят к Августе Николаевне с подношениями, чтобы она ставила хорошие оценки их детям-двоечникам. Не

Ледяной Лебедь стал еще краше.
Крылья были плотно сложены,
и мороз прочеканил каждое перышко в отдельности.



было случая, чтобы учительница приняла хоть что-нибудь, но, зная это, горе-родители продолжали ходить с тайной надеждой: а вдруг на этот раз примет?

Августа Николаевна посмотрела на дверь и попросила мальчика:

— Посиди со мной, Сережа. Порисуй.

Она посадила его за торец длинного учительского стола, покрытого зеленым сукном в чернильных пятнах, дала чистый листок бумаги и карандаш. А сама села у другого конца стола проверять тетради.

Сережа стал прикидывать, чего он нарисует. Ничего особенного мальчик придумать не смог, пошептал для удачи тему будущего рисунка и стал рисовать: что выйдет, то выйдет. Пока мальчик водил карандашом, боковым зрением он видел учительницу. На лице ее жило извечное, застарелое страдание: ничего не пропустить, вывести самую справедливую оценку и продумать, какому ученику или ученице что и как передать на словах. Иногда, как и Сережа, она вышептывала свои слова, и в это время они были очень похожи — десятилетний мальчик и старая учительница.

Не отрываясь от работы, Августа Николаевна попросила:

— Сережа, покажи, что ты нарисовал.

С одного конца стола на другой он перенес рисунок и карандаш, положил перед учительницей и вместе с ней стал рассматривать нарисованное.

На бумаге были изображены две широкие рыбы, в толще воды плавающие одна над другой. А у самого дна, где росли водоросли, держались стайкой семь маленьких рыбок — мал мала меньше.

Учительница молча разглядывала рисунок и наконец спросила:

— Что это за рыбы?

— Лещи...

— А около дна?

— Около дна ходят маленькие лещёнки. Тут — лещи, а там — лещёнки...

— Хорошо ты нарисовал, Сережа,— похвалила учительница.— Жизненно.

Она полюбовалась рисунком и попросила:

— Оставь мне его, ладно?

— Оставлю.

— За рисунок тебе спасибо. А сейчас иди домой, Сережа. До свидания!

Учительница стала листать тетради, что-то шепча про себя. Должно быть, Августа Николаевна старалась не потерять важную мысль, которую ей предстояло завтра высказать на уроке. Боясь ей помешать, Сережа тихонько сказал «до свидания» и вышел из учительской.

В школе было тихо. Все давно разошлись, и в коридоре, где на разные лады скрипели половицы, одевшись, Сережа задержался около тумбочки. На ней, на скатерке с кружевами, стоял колокольчик «Дар Валдая». Это был скорее маленький колокол, с медалями на боках, со сточенными от усердной работы краями, белый от обилия серебра в нем. Из-за этого серебра и звон у него чистый, раскатистый да с подголосьями!

Не в первый раз мальчик подавил в себе желание зазвонить в колокол, обернулся, не подсматривает ли кто за ним, и пошел домой.

Ледяной Лебедь

Дома без дедушки все выстыло, даже печка, протопленная недавно, и в нахолодавших комнатах бойко выговаривали часы:

— Тик-так!

На окнах мороз нарисовал ледовые папоротники; в избе было много холоднее, чем в школе, и без горячего чая тут не обойтись.

Накинув полушубок, мальчик с чайником вышел в сени, где стояли ведра с родниковой водой. Здесь было темновато, и свет проникал сюда из маленького окошка, прорубленного в венце, закрытого не рамой, а стеклышком на гвоздях.

На стеклышке мороз нарисовал дивного Лебедя, искрящегося, как алмаз, а рядом с ним белую кувшинку.

Поглядывая на оконце, мальчик ковшиком разбил лед в ведре, набрал в чайник воды и прошел в заднюю избу. Там он поставил чайник на огонь на газовую плиту, и, когда чай вскипел, Сережа долго пил его с толстыми ломтями хлеба, грея о стакан ладони, расплющенные ранней работой, большие не по возрасту.

— Тик-так!

Сережа посмотрел на часы и поразился: времени-то совсем мало, а кажется, что день прошел.

Как-то надо прожить до утра, а там опять школа!

С полушубком на плечах, не спеша, как хозяин, Сережа вышел в сени и остановился у оконца.

Ледяной Лебедь стал еще краше. На шее — на стебле диковинного растения — сидела гордая голова в короне из алмазов. Крылья были плотно сложены, их концы завивались косицами, и мороз прочеканил папоротники и каждое перышко в отдельности. Теперь не одна, а три кувшинки — три небесные звезды — плавали около Лебедя. Вся птица с воли была просвечена красным солнышком и, переливаясь, готова была вот-вот опробовать крыльями воздух близкой зимы, улететь в жаркие страны и больше не вернуться.

«С Дедом Морозом ни одному художнику не сравниться,— говорила когда-то Лидия Александровна.— Откуда он берет эти линии, этот блеск, я не знаю. Кто его учитель... а без учителя нельзя!.. не представляю. Если встретишь интересный рисунок на стекле, покажи мне его».

«Зимой-то как я вам его покажу?»

«Зимой? Ах вон оно что: зимой...»

Эти и другие слова кружевницы и разговоры с ней Сережа любил перебирать в памяти, а сейчас ему стало жарко от них!.. Пальцем мальчик провел по краю лебединого крыла — край был крепок и отточен, как лезвие, и по морозу Лебедю суждена долгая жизнь. Такую-то красоту да не показать Лидии Александровне? Тем более, по словам сторожихи, она живет в городе Советске, совсем недалеко отсюда. Отвезти ей Ледяного Лебедя, заодно и долг вернуть — книгу последних стихотворений Пушкина — и сегодня же обернуться домой.

Долго ли? Дня-то еще вон сколько!..

Движения Сережи стали точными и решительными. Собираясь в дорогу, он вынул из портфеля учебники, вытряс его, положил в одно отделение

хлеб, в другое — томик Пушкина. А деньги? Наличными у Сережи было двадцать пять копеек — для такого пути маловато.

С посудника на него в упор смотрела гипсовая кошка-копилка, куда он складывал деньги три года. Глаза ее с подведенными, как у модницы, ресницами были желтыми и многозначительными. Мальчик встал на стул, взял копилку в руки, и нутро ее отозвалось тяжелым металлическим звоном.

Не раздумывая, мальчик что было сил швырнул ее об пол. Брызнули гипсовые черепки, и монеты долго прыгали, катились и звенели по полу. Всего он собрал два рубля шестьдесят пять копеек и насыпал их в оба кармана пиджака.

В дорогу он надел новые ботинки, полушубок, шапку, варежки и вышел в сени... Ледяной Лебедь сиял еще ярче, и корона его пылала частыми звездами. Стекло держалось на двух кованых гвоздях. Лезвием плотницкого топора, что лежал в сенях, мальчик легко отогнул их, вынул стекло и, стараясь не дышать, вынес на крыльцо. Солнце было в морозном дыму, каким оно бывает, когда холода набирают силу, и при свете его Ледяной Лебедь поседел...

Осторожней осторожного Сережа положил его в портфель — в крайнее отделение, чтобы сильнее жгло морозом, и вспомнил, что в доме горит газ. Он аккуратно прислонил портфель к перилам крыльца, быстро прошел в горницу, погасил газ и огляделся.

Из белых черепков на Сережу с укором смотрел желтый глаз кошки-копилки с подведенными, как у модницы, ресницами.

Надо бы подмести пол, да некогда...

— Тик-так! Тик-так! Тик-так! Тик-так! — оглушительно торопили часы.

Сережа вышел на крыльцо, вместо замка замкнул пробо́й палочкой (хозяина, мол, дома нет, но он скоро будет), взял портфель и, не оглядываясь, пошел к переправе.

Ходкий, привыкший к деревенской быстрой ходьбе мальчик бойко шел по дороге, закаменелой от мороза, и седые корабельные сосны прислушивались к его шагам. Он скоро понял, что по такому морозу ботиночки не та обувь, надо бы валенки, да возвращаться было поздно.

Еще издалека Сережа увидел Вятку — черную воду в белых от инея берегах — и удивился, до чего же черна нынче река Вятка!.. На пароме громоздились огромные, одна больше другой, побеленные инеем машины, и паром этот, колыхаясь, собирался отходить. По деревянным мосткам Сережа еле-еле успел взбежать на железную гулкую палубу. Билетерша — могучая женщина в большой шапке-ушанке и белом несвежем полушубке — шуткой спросила его:

— Билет какой будешь брать: плацкартный или купированный?

— Какой дадите.

— Купированный — о-оочень дорогой.

Сережа сказал не без гордости:

— А у меня деньги есть!

— Много?

— Хва-аатит.

— Смотри-ка ты,— тихо ахнула билетерша.— Давай пятачок, и вся недолга.

Получив билет, Сережа незаметно потрогал карманы пиджака, оттянутые мелочью, и стал смотреть, как надвигается тот берег с белым городом и с граненым белокаменным шатром церкви Покрова на монастырской горе.

Из высокой кабины большегрузного автомобиля его позвал водитель:

— Иди-ка ко мне греться!

— Что-оо?..

— Я говорю, греться иди в кабину! Тепло здесь. Я мотор специально не глушу. Пойдешь?

Мальчик заколебался.

У него стыли ноги, но он боялся, что Ледяной Лебедь растает в моторном тепле.

— Я не больно озяб,— сказал он.

— А чего посинел тогда? — спросил водитель.— Утром было тепло, а сейчас в радиаторах вода замерзает. А ты, парень, не храбрись. Иди в кабину погрейся...

— Приехали уже,— сказал Сережа и отошел к перилам. Паром ткнулся в берег Вятки, сложенный природой из больших заиндевелых камней, и под рычание моторов, под хриплые голоса шоферов мальчик вышел на сушу и поднялся по каменистой гряде. От переправы до города было километра четыре, и туда ходил автобус. Однако Ледяной Лебедь мог растаять и в автобусном тепле, и, пошатываясь от усталости, Сережа пошел пешком.

Его нагнал автобус и остановился. Водитель, странно похожий на того шофера на переправе, спросил:

— Чего пешком идешь? Денег нет на билет?

Сережа разлепил губы, слепленные морозом, и ответил:

— Денег у меня хватает.

— Молодец! — похвалил водитель и пожаловался:— А у меня вот денег сроду не хватает! Живу, можно сказать, от получки до получки... Садись и поехали.

— Сяду.

— Так кого ждешь?

— Никого.

— А чего медлишь?

Сережа поднялся в автобус, где было мало пассажиров, сел у окна, откуда тянуло морозом, и поставил портфель на морозную тягу, чтобы с Ледяным Лебедем ничего худого не случилось.

Мысленно мальчик говорил с ним:

«Я тебя обязательно довезу живым, Ледяной Лебедь! Мы, считай, приехали. Вот обрадуется Лидия-то Александровна, вот обрадуется! А кто не обрадуется такой красоте?»

За окнами автобуса поплыл город — его сердцевина, старая часть, где дома не поднимались выше третьего этажа, но мальчику они виделись великанскими.

— Тебе где выходить-то? — спросил водитель. Мальчик ответил:

— У кружевной мастерской.

— Я тебя высажу здесь, а ты пройди на следующую улицу к кружевницам. Там у тебя мать работает?

— Да не знаю пока...

Сережа слез с автобуса и залюбовался каменными львами, что сидели на кирпичных вереях ворот старинного здания. Львы были мощные, с оскаленными, в инее, физиономиями, а через спины их были перекинуты хвосты с кистями на концах, отчего каждый лев смотрелся большим цветком.

Там, в вышине, около правого льва росла березка. Тень от нее сквозила на царе зверей, и было похоже, что лев, высвеченный зимним солнышком, охраняет ее, чтобы березку никто не сломал. В другое время Сережа долго бы смотрел на чудо-животных, вырезанных из здешнего камня мастерами-вятичами, но сейчас ему было нестерпимо холодно.

Мастерскую по кружевам он нашел в новом здании, пахнущем побелкой, краской и дезинфекцией. Портфель Сережа оставил в холодной прихожей, чтобы Ледяному Лебедю было хорошо, а сам прошел в проходную.

Там у турникета — у металлической двери-вертушки — за столом сидел сторож в военной фуражке времен давней войны, над газетой ел селедку с хлебом и, занятый думами, не обращал на этот мир особого внимания.

Прокрутив турникет, Сережа пошел на песню, которая затевалась наверху — на втором или на третьем этаже:

Вьюн во реке, вьюн во реке
Извивается, извивается!
Ой, гусь на плоте, гусь на плоте
Умывается, умывается!

От деревенской этой песни, слышанной им ранее, ему стало теплее, и он снял шапку. Мальчик поднимался по высоким ступеням, а песня наплывала на него:

Стелется трава, стелется трава
По зеленым лугам, по зеленым лугам.
Толпится толпа, толпится толпа
У Васильевых ворот, у Ивановича.

Без шапки он стал лучше слышать, и обостренный слух его в общем ладе песни, в теплых голосах женщин уловил голос Лидии Александровны. Мальчик остановился, чтобы убедиться, что это ему не чудится, а так оно и есть.

Во этой толпе, во этой толпе
Что Степан-господин убивается, убивается.
Он просит свое, он просит свое,
Свое суженое, свое ряженое:
«Ой, отдайте мое, отдайте мое —
Мое суженое, мое ряженое!»

И, убедившись, что Лидия Александровна действительно поет вместе со всеми, мальчик пошел вверх по крутым ступеням, выделяя ее голос из сплетения многих голосов:

Вывели ему, вывели ему
Что коня ворона, что коня ворона.
«Ох, это не мое, это не мое —
Это конь под её, это конь под её».

Ой, вынесли ему, вынесли ему
Что сундук со бельем, что сундук со бельем.
«Это не мое, это не мое —
Это дары её, это дары её».

Песня без музыки, а из одних голосов, умудренных и высветленных работой, опускалась на него, и близко над ухом зазвучал голос Лидии Александровны. От волнения к горлу подступила тошнота, и боясь, что он сейчас потеряет сознание, Сережа прислонился к стене. В пестром тумане, прихлынувшем к глазам, мальчик слушал, как стелется песня:

Ох, вывели ему, вывели ему
Что Настасью-душу
Свет Васильевну.
«Вот это мое, это мое —
Мое суженое, мое ряженое!»

Песня оборвалась сразу, как ее и не было. Слышался кашель и костяной перестук коклюшек.

Теперь Сережа стоял при дверях просторного, как поле, цеха, где под лампами дневного света рядами сидели кружевницы и плели кружева — одна другой сноровистее.

А какие узоры они плели: ни в сказке сказать, ни пером описать!

Сережа ходил от кружевницы к кружевнице, от бубна к бубну, и чего и кого только он не видел! Он видел соловейку, сплетенного из белых нитей. И такой голосистый был этот соловейка на ветке с листочками, и такой веселый, что ему хотелось сказать: «Эй, соловейко, давай дружить!» «А как?» «А вот так: ты мне — песню, а я тебе — сказку». Он видел черный шарф в белых снежинках; они готовы были вот-вот растаять и не таяли, остановив мгновение... Он видел салфетку, созданную по образу и подобию пушистой головки одуванчика, размером с блюдце, и в ней всегда жило жаркое сенокосное лето.

И сердце Сережи исполнилось тихой любви ко всем этим людям, что творят красоту и за работой поют позабытые песни, чтобы она, красота эта, была необманной и певучей и несла в себе звончатый свет лесов, лугов и ополий и в ней серебром отливал голос Вятки-реки, которую местные жители в столетьях нарекли Нукратом — рекой Серебряной. Ой, закружило Сережу вятское кружево...

...Вятское кружево!.. Капля упала с весла. Лодка выпряла белую пену на реке Серебряной, и скоротечный след этот стал сплетением нитей неслыханной красоты и нежности. Я видел кружева брюссельские, похожие на изделия великого ювелира; брабантские, осыпанные золотом и воспетые поэтом; голландские, украшающие одежды герцогов и королей на холстах великих художников, и они — эти кружева — воссоздавали в воображении моем лица и руки с «колобочками» на пальцах безвестных рукодельниц, что сродни рукодельницам моего народа... Я восхищался царственной строгостью вологодских кружев, запечатлевших в себе свет белых северных ночей, красной нарядностью кружев рязанских и волшбой елецких плетений... Красота наполняла душу мою радостью, и я всегда думал о моей стороне, подарившей миру вятское кружево. Оно не лучше и не хуже прославленного заморского или отечественного — оно роднее мне, и в нем я вижу солнышки, что играют в ведрах с родниковой водой, которые на коромысле от святого ключа несет бабушка моя Анна Никаноровна... В нем резьба по дереву петровских плотников, что одевали избы свои в деревянное узорочье от окладного венца до князька и конька, и окна в наличниках смотрелись озерами ясного света! В нем — выпуклом и хитросплетенном — профессиональная хитрость земляков-камнетесов, что из местного розового камня-опоки вырезали цветы, гроздья винограда, лукавых и мудрых львов и в пригожих местах у воды ставили храмы, подобные мраморным. Не порыв, а долготерпение художника угадывал я в ажурном вятском кружеве, и такой искусительно желанной, такой милой и пленительной представала предо мною жизнь. И я с благодарением думал тогда: «Сколько любви, доброты и красоты на светлой моей русской земле!»

Сережа шел по цеху от ряда к ряду и заглядывал в склоненные лица кружевниц. Не отрываясь от работы, иные здоровались с ним, принимая его за сына или родню какой-либо подруги, другие улыбались ему, а некоторые не замечали его. Женщины были русоволосы, молоды или средних лет, и Лидии Александровны среди них не было. Мальчик не поверил этому, второй раз прошел между рядами и,

Кроме Сережи, в лодке были старичок и старушка, маленькие, росточком едва ли выше его.

удостоверившись, что ее здесь нет, собрался спросить, где же она, чей голос он только что слышал в песне о вьюне. Но мастерицы затеяли новую громкую песню, перебивать ее, кричать под руку было нельзя, и мальчик потихоньку вышел из цеха.

В проходной у турникета тот же самый сторож в стародавней военной фуражке пил чай, а чайник стоял рядом на электроплитке и выпускал пар. Сережа рассказал сторожу про Лидию Александровну и Музу и спросил, где их найти.

— Я тут всех знаю,— говорил сторож и дул на чай в кружке.— И сватьев, и зятьев, и племянников, и племянниц, и двоюродных, и троюродных. И у кого кто в каком городе живет. А таких, как ты рассказываешь, у нас нет. Париться мы, конечно, паримся, бани у нас хорошие, а чтобы бассейн да кожа облезала, упаси бог, такого нет и никогда не было.

Ногой сторож выдвинул из-под стола Сережин портфель и сказал:

— Зачем ты его в прихожей-то оставил? Оставил бы у меня. У меня ему все спокойнее.

Сережа схватил портфель и, не попрощавшись со сторожем, выбежал на улицу. Там из крайнего отделения он извлек на свет стекло. Ледяного Лебедя на нем не было. Где он? Всхлипывая, мальчик вынул хлеб, томик Пушкина и вверх дном перевернул портфель — на снег пролилась грязная водица и скоро замерзла. Рукой мальчик пошарил во всех отделениях портфеля и, убедившись, что Ледяного Лебедя нет и больше не будет никогда, горько заплакал.

Он пришел на автобусную остановку и не увидел каменных львов. Зато на стене старинного здания он обнаружил розу, вырезанную из камня. Она распускалась. Каменные лепестки ее были с краями налиты розовым искрящимся морозным светом и напоминали о лете, когда кусты шиповника бывают усыпаны алыми цветами. Сережу на миг опалило сенокосным полуденным жаром, и он не помнил, как на автобусе доехал до переправы.

На пароме никого не было.

Вятка дымилась паром, и по ней плыло сало — густая снеговая масса, готовая вот-вот застыть и обратиться в лед.

Сереже кричали.

Кто?

Могучая билетерша стояла в лодке у берега и криком и рукой приглашала его: иди, мол, сюда скорее, а не то без тебя уедем!..

Запинаясь, он добежал до лодки и с трудом вскарабкался на корму.

— Зову тебя, парень, зову, а ты как оглох,— слышал он сорванный голос билетерши.— Пассажиров нет. Да и какой сейчас паром? Ледокол надо.

Кроме нее, в лодке были старичок и старушка — маленькие, «карманные», как здесь говорят, росточком едва ли выше Сережи. Они сидели среди корзин, завязанных холстинами, и в одной корзине визжал поросенок.

— Боровок! — садясь за весла, уважительно сказала про него билетерша.— Этот перезимует. С мясом будем. Поехали!

Она гребла сильными рывками, как мужчина, и тучные щеки ее стали сине-красного цвета. По обоим бортам лодки белело и шипело сало. Что есть мочи визжал поросенок, и старичок забеспокоился:

— Ладно ли с ним?

Старушка поставила корзину с поросенком на колени и, качая ее, как люльку, пела-приговаривала:

— Баю, баю, баю, ба-аай! Что ты как раскричался, сердешный? Скоро дома будем. Баю, баю, баю, ба-аай!..

Старичок сетовал:

— Коньяку бы ему столовую ложку. Он бы и затих. Жалко, не захватили с собой. Путевый ли поросенок-то?

— Я так думаю, что путевый,— отвечала старушка.

С трудом проталкивая весла через густое сало, билетерша выдохнула:

— Путе-еевый! Мы непутевых не возим. Живым бы только довезти.

— Баю, баю, баю, ба-аай! — качала корзину старушка, а старичок жаловался:

— Ох, и мороз нынче!

Сережа чувствовал, что мороз добрался до сердца. Перед глазами поплыли видения, и он увидел учительницу свою Августу Николаевну Белобородову в нарядном платье с кружевным воротником и манжетами. Вокруг щебетали девочки-длинноножки. Внезапно Сережа понял, почему учительница пришла на занятия в этом платье: у нее сегодня день рождения!.. Девочки-длинноножки беззвучно шевелили губами... И с болью, сквозь холод опалившей его сознание, мальчик догадался, почему она попросила его — Сергея Рощина, любимого ученика — нарисовать и оставить ей рисунок: Августа Николаевна, раз никто не догадался, сама себе подарок сделала... А бидон с медом от доярки Вдовициной не приняла: это никакой не подарок, а взятка, чтобы дочь ее не осталась в четвертом классе на третий год.

Кому они нужны, взятки-то? Себя только позорить.

Если бы он заранее знал, если бы понял, что у Августы Николаевны день рождения, он бы не такой подарок ей сделал!

«Отчего я такой недогадливый?» — посетовал мальчик и с трудом разлепил веки.

Он увидел заиндевелые спины старичка и старушки, красно-сизую щеку билетерши и наплывающий лес того берега. Билетерша оборачивалась, высматривая, куда удобнее править, а изо рта ее, окольцованного инеем, валил пар вместе со словами:

— Гребу, гребу, а она на месте стоит!..

И, заслоняя ее голос и белые очертания того берега, над Сережей наклонилось прекрасное и странно молодое лицо его учительницы, быть может, единственной женщины, которая нашла силы в сердце своем любить его.

Он обвил руками ее шею, прижался к ней и пообещал:

— Ой, Августа Николаевна, какой я вам подарок сделаю!..

Мальчик говорил еще много добрых слов — и складно, и путано — и сквозь свой голос слышал шорохи и чужие голоса:

— Парнишка-то заговариваться стал! Жар у него — дотронуться нельзя.

— В больницу надо!..

— Кого это он все зовет, не пойму?

— Ой, беда! Ой, беда-аа...

— Садился-то парнишка — хороший был.

— До этого на пароме все говорил, что у него денег много.

«О ком это они? — вяло подумал Сережа.— Кто это хороший-то был?»

И все пропало.

Сережа не слышал, как на лесном берегу Вятки билетерша на могучих руках отнесла его в кабину лесовоза и шофер доставил мальчика в участковую больницу, где врачи определили его в палату.

После долгого забытья Сережа почувствовал сквозь веки, что в мире белым-бело. Еще не зная, где он и кто он, откуда эта белизна, умягчающая душу, мальчик медленно открыл глаза, как сквозь воду, увидел зыбкую, переливающуюся фигуру и не понял, кто это сидит в ногах и смотрит на него.

Мало-помалу очертания фигуры стали успокаиваться, проясняться, замирать, и Сережа увидел дедушку. Дедушка смотрел на него, не вытирая слез. Они стояли в глазах, а по лицу не текли: мало их осталось, все выплакал.

И глаза дедушки спросили:

— Живой?!

Мальчик ответил голосом:

— Я никогда не умру.

От усилий у мальчика шевельнулись губы. А слов ни он, ни дедушка, ни кто другой в палате не расслышали.

Ясный месяц

Все проходит, и не рано, и не поздно, а в свой срок приходит красный месяц июль — макушка лета, и не бывает таких холодов в наших местах, которые бы добрались до нее.

В это время ночи все еще светлы и прозрачны, и не каждый заснет в такую светлынь, но Сережа проваливался в сон, как в хрустальный дворец на дне лесного озера, где тихо-тихо, где бьют ключи и

главный живун, и Сережины сновидения охраняет Щука с серебряными рогами.

Мальчик спал спокойным мужицким сном. По своему желанию он умел видеть хорошие сны, загадывая их заранее, прежде чем заснуть, и никому, кроме дедушки и друга своего Петра Паратикова, не рассказывал про свое это умение. Мальчик спал досыта, сколько душе угодно, а при необходимости он мог проснуться в любой час ночи без понуждения, как он проснулся сегодня, чтобы вместе с дедушкой, по старинному обычаю при свете месяца, идти на сенокос.

Как у него ни ломило все его легонькое тело и ни слипались веки, Сережа встал, умылся и снарядился в дорогу, улыбаясь недосмотренным своим снам слабой улыбкой.

Мальчик и дедушка вышли из дома в два часа ночи и пошли по дороге, белой от месяца.

— Мы тоже на ходу спали,— говорил дедушка.— На войне тоже сон берет свое. Из пушек бьют, земля качается, а на третью ночь ты первый раз забудешься и думаешь: «Никак гром гремит? Гроза? Дождик?»

— ...Так ведь из пушек?! — спросил Сережа.— Из пушек стреляют?

— Из пушек,— подтвердил дедушка.— Да не всякого человека пушкой убьешь.

— Тебя вот не убили из пушки,— сказал Сережа.— А стреляли по тебе.

— Еще как стреляли! Но я молодой был, верткий да везучий,— вспомнил дедушка.— Я в свежую воронку прятался. Разорвется снаряд или бомба, земля осядет — я тут как тут. Земелюшка в воронке еще теплая, а я лежу и загадываю: «Второй раз в одно и то же место снаряды не упадут». Как я загадывал, так и было. Невелика хитрость, а вот живой, с тобой на сенокос иду.

Сережа счастливо вздохнул.

— У меня пулемет осколками покорежило,— говорил дедушка.— Стрелять он не может. Молчит. Я бы его отремонтировал, да земля закачалась: они танки пустили. А у меня против танков бутылки с горючей жидкостью. Над моим окопом танк прошел, и меня землей позасыпало. Я из земли вылез и кинул бутылку в спину танку. Бутылка разбилась, а танк, пропади он пропадом, не горит. Я вторую бутылку, аж стеклышки брызнули. А танк все равно не горит! Что делать-то? Я бы третью бутылку кинул, да нету у меня третьей-то! Ничего у меня нету, только пулемет, который не стреляет. Тут я маму вспомнил и шепчу: «Родная, спаси!» И тут танк загорелся. Да хорошо так горит, весело. Большим костром огонь идет в небо. Люк открылся, германец вылез, за ним другой. А мне и выстрелить-то по ним нечем. Слышу: очередь сбоку. Это пулеметчики из соседнего взвода не оплошали. Один фашист сразу повалился. Второй сгоряча побежал, упал и вытянулся. Не надо им было приходить с огнем и мечом на нашу землю!..

Командир ко мне подбежал, Семибратов Алексей Федорович, и говорит: «Молодец, Рощин! Из-за таких орлов, как ты, танки не прошли. К лесу выходим».

Вышли мы к лесу. Здесь тихо, славно, и никакой войны нету. Дятел стучит. Послушает-послушает, как ребята окопы роют, помолчит и опять стучит. Выглянет из-за ствола, на меня посмотрит, как я на пеньке пулемет ремонтирую, и опять стучит. Ночь пришла. Филин ухает. На мое счастье, луна взошла. Все винтики, вмятины видно, и пулемет я отремонтировал. Свой окоп я палым листом присыпал — в двух шагах пройдешь и не заметишь. Командир Семибратов Алексей Федорович похвалил и отдал приказ:

«Всем бойцам, как Рощин, окопы замаскировать опавшими листьями!»

Только бы задремать, я звон услышал. Командир меня спрашивает:

«Ты чего это, Рощин, встрепенулся?»

Я говорю:

«Звон услыхал. Никак корова-колоколюха от стада отбилась? По поляне бредет, колоколом звенит-ботает».

А это не корова, а немцы. Наискоски от нас идут, автоматы на ремнях, песню по-немецки поют.

«Э,— говорит командир,— распелись! Да они, видать, пьяные. Закусывать надо! Война все-таки. Почему, Рощин, не угощаешь гостей?»

Я говорю:

«Будет гостям хоро-оошее угощение!»

И ударил по ним из пулемета. Они, как снопы, валятся и поначалу не поймут, откуда мы огонь ведем. Потом меня, видать, снайпер засек по пулеметной вспышке, и пули стали близко чиркать. Кто-то меня по лбу щелкнул. Я головой помотал, пилотку снял. Звездочка на ней искорежена, красное стекло выкрошилось. Она пулю на излете на себя приняла. На лбу у меня до сих пор белая отметина. Спасла меня красная звездочка!

Теперь Сережа проснулся окончательно и с уважением поглядывал на спутника, который нес две косы на плече — большую и малую, и по лезвиям их стекал свет месяца.

— Дай-ко я свою литовку понесу,— попросил мальчик и протянул руки к черену малой косы.

Почему-то шепотом дедушка ответил:

— Пришли уже!

Они стояли по колено в росе на краю поляны, и темные шатровые ели обступали ее со всех сторон и ждали, чего будут делать дальше эти два полуночника. Над тем краем поляны, где в низинке наперебой хрипели коростели, висел месяц, и рога его были остры и ярки. Мальчик подумал, что на крутой рог месяца можно повесить ведерко с ключевой водой и не расплескать ни капли — это к хорошей погоде, к ведру. Он хотел об этом сказать дедушке, но тот, наверное, думал о том же самом, и мальчик ничего говорить не стал, а взял свою косу за пенек и, держа ее на весу, щелкнул пальцем по лезвию ближе к носку. Чистый, резкий, недребезжащий звон пронесся над поляной и замер в траве.

А заодно с ним ненадолго замерли и коростели и снова принялись за свою хриплую песню.

Через всю поляну на тупых крыльях медленно перелетела сова, будто по озеру проплыла, и бесшумно опустилась в еловые лапушки.

Пора!

Обеими руками мальчик взялся за черен косы и, толком не утвердившись на ногах, пустил лезвие по травостою. Оно запнулось о землю, выпрыгнуло из травы, как щука из воды, и задребезжало.

Мальчик испуганно посмотрел на дедушку, но тот, кажется, ничего не видел и не слышал.

А если не суетиться?

Сережа упористо расставил ноги, развернул плечи, набрал полную грудь воздуха и с нешироким замахом, расчетливо, с хрустом провел нож по комлям трав.

Шелковым пышным половиком трава, блестя росой, постелилась у ног мальчика. Остро и пряно повеяло теплом открытой земли и травяной сукровицей.

С ровными выдохами мальчик пускал нож еще, и еще, и еще — над самой землей, сырой под травами.

Ее он не видел, но ногами и всем собой чувствовал, где и как она пролегла, и знал, что теперь коса не найдет на нее, а камней здесь нет и не было.

Недалеко косил дедушка, и мальчику, занятому работой, было все недосуг посмотреть, как идут дела у старика, и только по звуку он догадывался, что все хорошо и расхват у дедушкиной косы широкий — не меньше двух метров расхват! Редкий косарь сможет так широко и чисто положить траву, как Сережин дедушка!

Стало жарко, и, стараясь остыть и нагнать дедушку, мальчик подолом рубахи вытирал мокрое лицо, а потом на ходу сбросил ее с плеч, так что рубаха треснула по швам и от нее отлетела пуговица.

«После найду»,— наказал себе мальчик и, не выпуская старика из виду, опять взялся за косу. У него пересохло в горле, и он все собирался сделать передышку, сбегать к лесному ручью, умыться и напиться вдосталь. Но до ручья было далеко: пока бежишь туда и обратно — сойдет роса, и тогда косьба будет не та, трава не та, да и сено совсем не то.

Мальчику казалось, что он вот-вот упадет от жажды и усталости, и Сережа готов был уже упасть, как вдруг у края прокоса он увидел круглые, как блюдца, лунки, наполненные влагой.

В каждой лунке блестело по месяцу.

«Лось прошел,— догадался мальчик.— Вчера перед дождичком. Да и роса набежала...»

Он лег и, упираясь руками в землю, с наслаждением выпил воду из одного следа. Она, дождевая, пахла снегом, глиной и травой. До конца жажду мальчик не утолил, но из второго следа пить не стал, а какое-то время полежал на росистой траве, остывая.

А впереди его, теперь уже в немыслимой дали, ходила дедушкина коса-литовка: «Вжик!.. Вжик!.. Вжик!.. Вжик!..»

Мальчик встал на ноги.

Самого косца не было видно, а там, вдали, шевелилось что-то туманное, куда больше дедушки.

Может, это и не дедушка вовсе?

Да нет, он самый: именно оттуда без устали доносится:

«Вжик!.. Вжик!..»

Все равно уже теперь не догонишь...

«Вжик!..»

Мальчик опять лег на траву — остывать. Роса не казалась ему холодной, но, как только он почувствовал, что ему не очень жарко, Сережа встал и взялся за косу.

«Чаю бы выпить чашки три без сахара,— думал он.— Сколько потов с меня сошло!»

В мире светало.

Четче обозначились шатры елей, седые от росы. Они стояли, не шелохнувшись, как перед солнцем, которого еще не было. Редкие звезды на небе, угасая, были похожи на белые, точечками, уколы на руке, когда не до крови обожжешь ее хвойной лапушкой.

Теперь, чтобы напоследок дело шло лучше, мальчик, занося потяжелевшую косу, приговаривал, пристанывал при расхвате:

— Ох!.. Оох!.. Ооох!..

Вероятно, у него получалось громковато, потому что дедушка, далеко ушедший вперед, приостановил косьбу и что-то крикнул с того края поляны.

Мальчик хотел его спросить, в чем, мол, дело, как под лезвием Сережиной косы что-то заколотилось. В траве, как в силке, запутавшись, билась большая рыжая птица, порывалась улететь и не могла. Сережа выпутал ее из травинок и взял в руки. Лапка птицы выше колена была задета косой, и на перьях высыпала кровь мелкими, как морошка, ягодами.

— Это я нечаянно,— говорил Сережа, перевязывая птице рану лоскутком от носового платка.— Прости... Кость у тебя не задета. Летать будет можно... Потерпи маленько.

Птица молчала, и мальчик не понуждал ее к разговору. Он знал, что ей, как и человеку, наверное, стало бы легче стонать или кричать от боли, но вольные птицы за тысячи лет опасностей научились при ранениях мудрому молчанию, даже если терпеть трудно, а то и совсем невозможно.

У птицы был длинный, веретеном, клюв и круглые глаза, налитые темным светом. В них жило нечто, что неведомо людям, и, жалея птицу, не зная, как утешить ее и как утишить боль, Сережа думал о том, что эти глаза, которые смотрят мимо него, видели жаркие страны, где он не был, озирали мир с самой земли из сплетения трав или с высоты, куда он не поднимался. А рыжие эти крылья знают все воздушные течения и ветры, большие и малые, не хуже, чем он знает тропы здешнего леса... А если умрет эта птица, нечаянно задетая его косой?..

Может, в больницу ее отнести?

Сквозь перышки он слышал пальцами стукоток птичьего сердца — сплошной стукоток, не сосчитать по счету, и радовался:

«Бойко сердце стучит — будет жить птица! Отнесу ее домой, вылечу, выхожу. Она все поймет, и мы подружимся. Я пойду в гости, а она будет сидеть у меня на плече. Вот удивятся девчонки в классе! Я пойду по ягоды, а она полетит за мной от дерева к дереву и будет смотреть, много ли я набрал земляники или нет еще...»

Чтобы птице было теплее, не выпуская из ладоней, он прислонил ее к груди. Она шелохнулась и замерла, задремывая, и он подумал: «Поспи маленько, а я посижу».

Так он сидел в прокосе на ворохе травы, а кругом было светлым-светло. Туман уходил в землю, а солнце не сразу, а исподволь затопило поляну розовым, ненадолго студеным воздухом, так что он обжигал горло. В нем с замиранием пели невидимые птицы, словно растворенные в этом росном воздухе и пока еще не обретшие очертаний своих. Сквозь ветви, играя, разгоралось солнце Петрова дня, и просыхали ели. Запахи смолы пополам с грибными запахами пробивались на покос, и верилось, что сейчас из леса выйдут на поляну грибницы с тяжелыми корзинами, поздороваются и спросят Сережу и дедушку:

«Мужики, вы нынче грибовницу-то хоть пробовали?»

«Нет еще. А вы?»

«Мы-то отведали, да не один раз! Роса долой — и мы домой. Пойдемте-ка к нам — грибовницей угостим. А то, поди, забыли, какая она?..»

«Что верно, то верно».

А пение птиц все нарастало и становилось ярким, почти доступным глазу, и когда оно набрало силу, рыжая птица легко высвободилась из рук мальчика и, опахнув его лицо ветром крыльев, неожиданно хлестким, полетела к елям и скрылась в лесу.

Мальчик вскрикнул, выбросил руки ей вслед с надеждой поймать.

Да разве поймаешь?

Он увидел на груди своей кровь — птица оставила,— пожалел ее и мысленно пожелал ей счастливого пути.

Тут Сережа вспомнил про рубашку: где она?

Мальчик пошел обратно по своему прокосу, но, пройдя его весь, рубашки не обнаружил, на всякий случай заплакал и собрался с повинной пойти к дедушке, который, надо думать, за потерю по головке не погладит, а скажет в сердцах: «Разорение ты мое!»

Забирая воздух открытым ртом, приберегая самый рев для встречи с дедушкой, мальчик побрел обратно по прокосу и скоро увидел рубаху. Она белела в сторонке, в некошеной траве, куда, не глядя, он сбросил ее в разгар работы.

Слезы у Сережи разом высохли.

Он осмотрел рубаху. Она треснула у плеча по шву, и на ней не хватало пуговицы. Мальчик поползал на коленях, нашел пуговицу, спрятал в карман штанов, надел рубаху, еще влажную от росы, и несколько раз длинно-предлинно зевнул.

Ему хотелось спать, пить и есть одновременно, и он не мог понять, чего ему все-таки хочется больше. Какое-то время мальчик полежал в траве, сонно разглядывая кузнечика, что затаился перед носом Сережи. Мальчик попытался представить, как живет этот кузнечик, кого он любит, а кого нет и для чего он сотворен на земле. Осмыслить все это в наплывающей жаре было трудно, и человек нехотя поднялся и пошел на звонкие, как в кузнице, удары.

Дедушка отбивал косу. Лицо его было как после бани, красным и без морщин.

— Косу отбивать надо умельно,— поучал дедушка.— А то пучины получаются, волны...

«Неужели опять косить будем? — с тоской подумал мальчик.— Работе конца-краю нет...»

Сощурясь от солнца, Сережа стал отыскивать жаворонка в белесом небе, где пел сам струящийся воздух, а птицы небесной не было видно.

— Сынок, у тебя никак кровь? — забеспокоился дедушка.— Не порезался ли?

— Где?

— А вот.

Дедушка дотронулся до загорелой груди мальчи-

Редкий косарь сможет так широко и чисто положить траву, как Сережин дедушка.

ка, где запеклась кровь таинственной рыжей птицы...

— Не моя это кровь,— сказал мальчик, пучком травы стер кровяную отметину с груди и опять стал высматривать жаворонка.

Где же он?

Между тем дедушка закончил работу, положил на плечо обе косы — большую и малую, и на их лезвиях, белых от работы, горячо заиграло солнышко.

Дед и внук шли домой по утренней вятской земле, и оба они покачивались от усталости.

Дедушка говорил:

— Раньше в сенокос все луга в бабьих платках да в рубахах мужиков да ребятишек. Что ты! Сейчас на большой праздник столько народу выходит, сколько раньше на сенокос. Косить выходили, как мы с тобой: часа в два ночи, при ясном месяце. А иначе сено пустое будет. Что ты, парень!.. Помню, я брал в жены девушку из дальней деревни. Сватался. По старинности при сватовстве я ее должен спросить: «У вас чем косят — литовкой или горбушей?»[1]. А я знал, что у них горбушей только и косили. Да думаю: «Зачем я об этом невесту буду спрашивать? Зачем такую красивую девушку в краску вгонять?» Горбушей-то косить непочетно: ползком да внаклонку. И придумал я такой вопрос, что и сам удивился...

Что было дальше, дедушка не досказал.

Поперек пути лежала полая береза, та самая, которую когда-то поцеловала девочка Муза. Повидимому, она упала недавно, от старости, не задев ни одну из малых березок, правнучков своих, и древесина ее, сыпучая, как пепел, в каркасе лопнувшей черной коры пахла нестрашным древесным тленом.

Однако листья ее вовсю зеленели, еще не зная, что жить им совсем недолго, и расточали юный банный березовый запах!.. В этом было какое-то грустное, горькое достоинство старости, у которой вина-то одна, что она пережила всех и вся.

Да и какая это вина?

— Не знаешь, когда упадешь,— сказал дедушка.— Сюда мы шли, она еще стояла...

Сережа признался:

— Я не помню.

— Где тебе помнить, батюшкооо,— протянул дедушка.— Ты всю дорогу спа-аал...

— Да не всю-юю!

— Спорить не будем. На войне я много верст поспал на ходу. В ледяном болоте спал! Насилу меня, сонного, товарищи ото льда отодрали. А сейчас в теплой постели сон не идет: года́!

— Да какие твои года́, дедушка? — привычно утешил Сережа.— Ты нынче вон сколько травы накосил!

— Это-то есть! А от своих годов никуда не убежишь.

— Зачем бежать-то? Я вот молодой, а с твое ни за что не накошу!

— Тебе еще расти да расти, сынок!

— Буду.

— Будь, батюшко...

Они пошли дальше, оглядываясь на упавшую березу, что по земле разметала ветви свои, и одна ветвь, отломленная, лежала далеко в стороне и зеленела, прядая листьями. Невеселое предчувствие окололо душу Сережи, и мальчик старался забыть о нем, да не мог, пока они не вышли к ржаному полю.

Над рожью Сережа увидел солнце. Смотреть на него прямо было нельзя (жжется!), а краешком глаза можно. Солнышко играло, будто кто перекатывал его с ладони на ладонь, и отливало горячим светом — алым, золотым, иссиня-светлым, и игра его была веселая. Солнышко набиралось света для долгого-предолгого дня, и в нем переливалась, посверкивая, добрая силушка, сильнее которой нет да и не может быть никакой иной силы на свете.

— Ярится солнце. Играет! — похвалил его дедушка.— У него свой табель есть.

— Что? — не понял Сережа.

— Я говорю: у солнышка свой табель есть — оно всегда об эту пору играет.

— Ааа...

— А рожь-то как радуется!

По полю катился теплый ветер, и сквозное тело его поблескивало сизо-серебряным светом и звало в неизведанные края, где ветер живет и отдыхает.

Дорога изгибалась во ржи, и на повороте далеко отсюда из деревни Кукушки быстро шла женщина. Как ни зорок был мальчик, он не мог разглядеть ее лицо. По виду она была молодая, приезжая, издалека узнала их и, сорвав с головы косынку, замахала приветливо и несмело: я, мол, к вам и ни к кому больше!

— Никак к нам,— крякнул дедушка.— А кто, не разберу. Может, кто из города — на квартиру проситься? Если понравится — пущу.

Дедушка выпрямился, подобрался, а вместе с ним выпрямился и Сережа, хотя он не был сутулым. Придерживая на груди рубаху без пуговицы, мальчик старался рассмотреть и узнать женщину, что с косынкой в руке спешила к ним навстречу.

Кто она? Лидия Александровна?.. Или мама?..

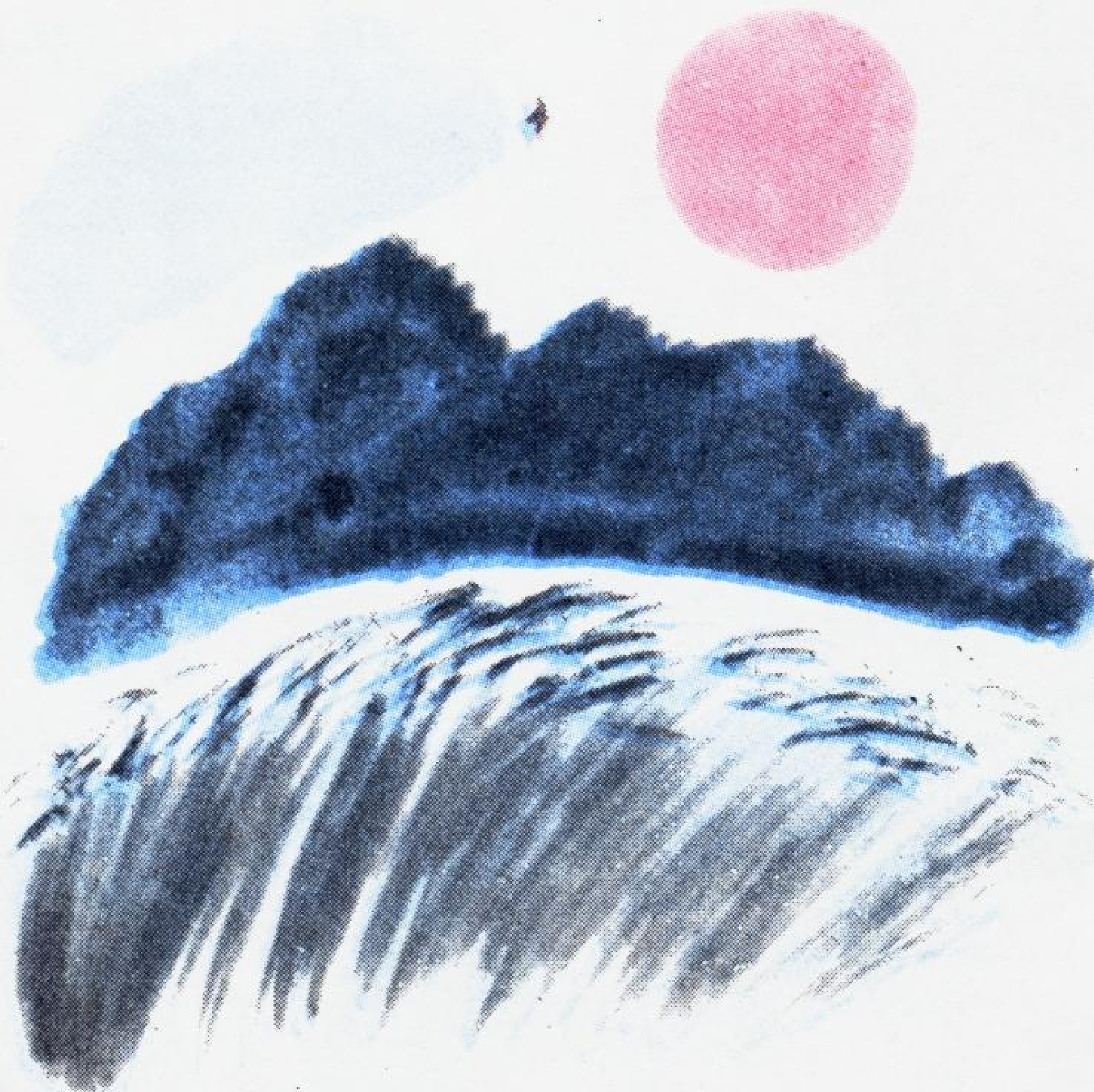
Нет, не мама... Или будущая квартирантка, пока еще незнакомая?.. Или кто-то из местных — вестница радости или горя?

— Не узнал, сынок, кто? — спрашивал дедушка.— Не различил?

— Различу,— обещал Сережа.— Погоди маленько.

И всматривался в женщину с косынкой. Ветер мешал смотреть, высекал слезы, путал волосы, остужал под рубахой и не мог остудить крепенькое тело мальчика, покрытое вечным деревенским загаром.

КОНЕЦ.



[1] Горбуша — коса с короткой рукояткой, напоминающая большой серп. В некоторых деревнях применяется для обкашивания оврагов, кочкарников, кустов.

За власть Советов

Наш город Теребовля расположен в Западной Украине, советской она стала в 1939 году. И я хочу рассказать, как помогали бороться за Советскую власть мои прадедушка Василий Никитович и дедушка Михаил Васильевич. После воссоединения западных областей с УССР они сразу вступили в колхоз. Этим своим поступком и хорошей работой поддержали коллективное хозяйствование. Когда началась война с фашистами, оба ушли на фронт. Прадедушка с войны вернулся без ноги, но пошел работать на животноводческую ферму и работал там, пока не стал старееньким. Но и тогда выполнял заказы колхоза дома. Дедушка тоже после войны вернулся в колхоз, в 1950 году его назначили бригадиром. В это время в западных областях Украины зверствовали украинские буржуазные националисты. Они убивали тех, кто стоял за Советскую власть на селе. Дедушку не раз предупреждали, чтобы он ушел из колхоза. Он не соглашался. Ему угрожали.

И вот 24 сентября 1951 года поздно вечером, когда было уже темно, в окно дома, где жили дедушка с бабушкой, кто-то резко стукнул. Стекло разбилось. В комнату через оконную раму впрыгнули несколько человек. Приказали бабушке увести маму, которой было 4 года, в другую комнату и закрыли их там.

Когда бандиты скрылись, бабушка бросилась к деду, но он лежал на полу в луже крови и был уже мертв. Бабушка еле пережила это горе, но из колхоза не ушла и работала там до 68 лет. И все годы старалась выполнить желание моего деда, чтобы мама выучилась и стала образованным и хорошим человеком. Так все и вышло. Мама окончила университет во Львове, и сейчас работает учительницей немецкого языка в школе, а бабушка теперь на пенсии.

Прошло тридцать лет, как погиб мой дед, но в селе его помнят, потому что был трудолюбивым, боролся за то, чтобы всем людям жилось хорошо. Мне бы тоже хотелось прожить так свою жизнь.

Тарас БУДЗ,
ученик 7 класса «А», средней школы № 1
г. Теребовля, Тернопольской области.

Чтобы жизнь становилась лучше

Из поселка Тикша пришла к нам поздравительная открытка — бабушка поздравила нас с праздником Октября. И мне сразу захотелось в Тикшу, в ее дом на берегу озера.

В судьбе моей бабушки Клавдии Ефимовны Кириковой как в зеркале отражается вся жизнь нашей страны.

До революции была она нянькой — приглядывала за детьми богатых людей, учиться только мечтала. А при Советской власти ее мечта осуществилась: послали бабушку учиться в Ленинград, в школу национальных меньшинств. Хорошо училась. Однажды, правда, один учитель не поверил в нее. Был он моряк и подумал, что худенькая, слабенькая девчонка не справится с веслами, безнадежно учить ее грести. А бабушка на соревнованиях пришла второй. Задорно улыбнулась она моряку и сказала: «Я карелка, на берегу озера выросла».

Очень любит бабушка свою Карелию: мохнатые ковры болот, изумруд лесов. И людей, с которыми живет. Когда закончила бабушка свое учение, то сама стала учить грамоте неграмотных, и среди ее учеников были и умудренные жизнью бородатые мужики.

Замуж бабушка вышла за коммуниста — Ивана Матвеевича Кантаса, и сама скоро вступила в партию. Два раза провожала деда на войну — на финскую и Великую Отечественную. С финской он вернулся, а в борьбе с фашистскими захватчиками погиб. Случилось это в 1942 году, в партизанском отряде «Вперед». Бабушка в военные годы возглавляла полеводческую бригаду, растила троих ребятишек. Трудно ей пришлось. Разруха ведь была и голод. Но всех своих детей бабушка вырастила, всех воспитала хорошими, трудолюбивыми людьми. Мой отец, Иван Иванович Кантас, работает водителем лесовоза, ударник пятилетки, победитель соревнования. Младший сын, Виталий, учился в Суворовском училище, стал офицером Красной Армии. Тетя Лида бухгалтер. Все они похожи на дедушку и бабушку и, как они, трудятся, чтоб жизнь день ото дня становилась лучше в нашей стране.

Смотрю я на свою бабушку и вижу: невзгоды посеребрили виски, доброе лицо избороздили морщины, но осталась она и в старости жизнерадостной. Так печь рыбники, как моя бабушка, не умеет никто. И всё могут, всё умеют ее проворные руки. И до сих пор всё ее интересует, и за газетными сообщениями она следит, и книги читает, и хочет хоть чем-нибудь приносить пользу людям.

Я так хочу быть похожей на тебя, моя любимая бабушка, и от всей души желаю тебе здоровья и радости.

Вика КАНТАС,
пос. Ледмозеро, Муезерский район,
Карельская АССР.

Стихи Ирины ПАРАМОНОВОЙ, семиклассницы из города Горького.

Артековский парк

Солнце надело тучку лохматую,
Словно шапочку, набекрень.
Светит солнышко, дождик капает —
Так меняется целый день.

Миндаля цветы фарфоровые
Очень нежными оказались.
Травка каждая — незнакомая,
Уникальная, всем на зависть.

В этом парке легко заблудиться
Средь магнолий и старых кедров.
Под ногами вода струится,
Промокают тихонько кеды.

Мимо — лавры, кустарники темные...
Ноги сами к полянке выносят.
Там стоят три березки ровные,
Только три их тут прижилось.

Кипарисы уже позабыты.
Что за радость в сердце такая?
Здесь стоят, всем ветрам открыты,
Три березки из Волжского края.

После дождя

По луже на тротуаре
Плывет березовый листик,
И сразу ушли печали,
И стали добрыми мысли.
Смотри! Как в зеркале: ветка,
Портфе́ли и мы с тобо́ю,
Осколочек хмурого неба
Высоко над головою.
Глаза, голубые и карие,
А все же такие похожие.
Украдкою взявшись за руки,
Стоим, наглядеться не можем.

На уроке

На доске скучных чисел ряд,
Снова формулы и теоремы...
В класс тихонько деревья глядят —
За окошком свои проблемы.

Мне ладошками машет клен,
Каждый лист, как перо жар-птицы.
Рядом с школой — огромный дом,
Сотни окон, а в окнах — лица.

Вот сейчас бы сбежать от формул
К этим людям, чужим и близким,
Хорошо бы в лесу знакомом
Пробежать по шуршащим листьям.

На перемене

На перемене откроем окна.
Нам интересно смотреть с тобой,
Как воробьишка, взъерошенный, мокрый,
Вылез из рытвины с грязной водой.

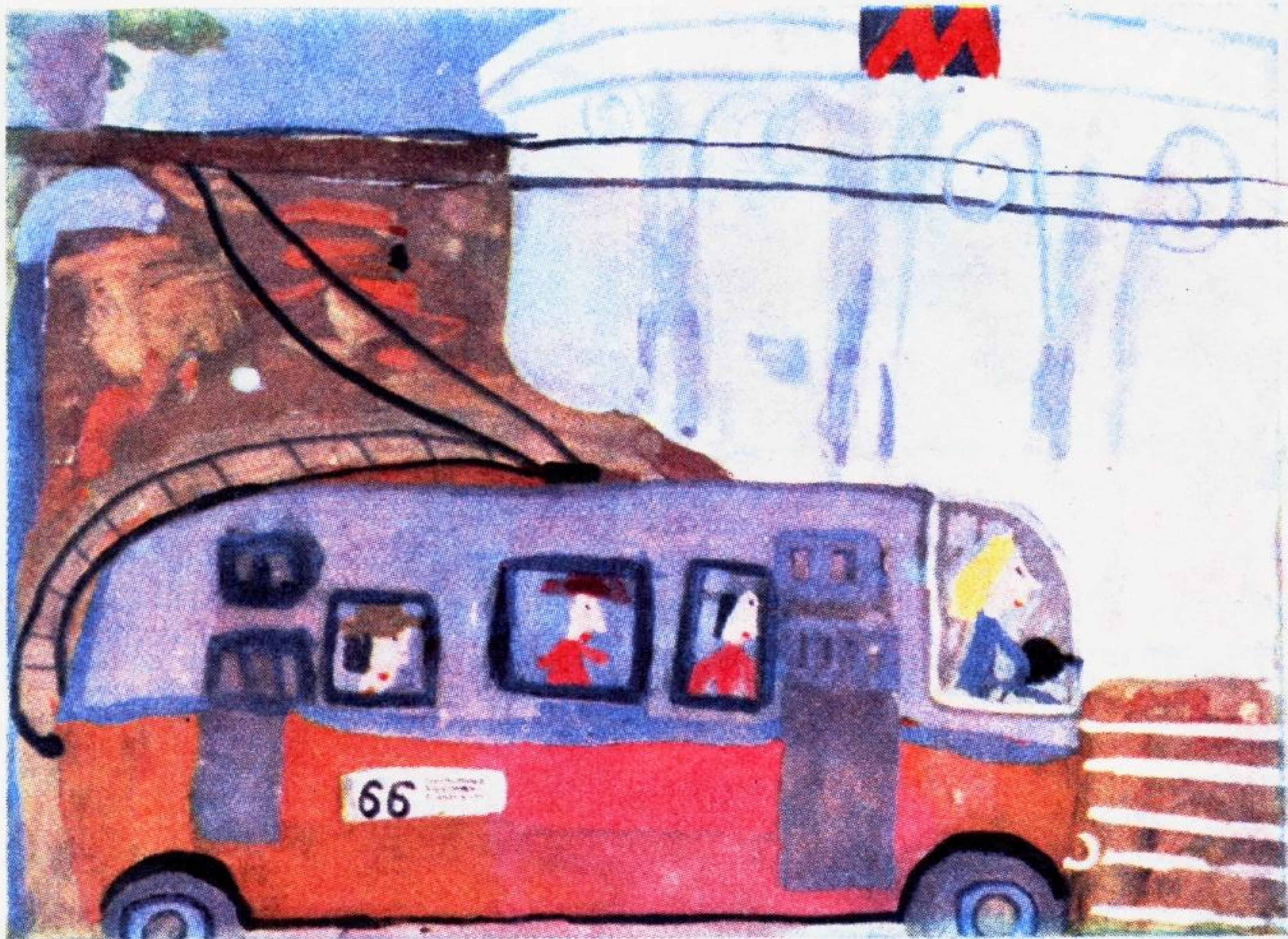
Смотри: карапуз пускает кораблик,
Плывет бригантина его еле-еле.
У школы на первом сухом асфальте
Первые «классики» запестрели.

Сейчас этой радости будет конец —
Совсем до звонка осталось немножко.
Словно большой голубой леденец,
Хрустит на зубах сосулька с окошка.

ХОР. *Лена ИВАННИКОВА, 11 лет.*

* * *

Открой глаза пошире!
Забудь про глупые сплетни,
Оставь заграничные тряпки,
Пойдем бродить по лугам!
Весна наступила в мире,
Сегодня солнце приветливо
Рисует кисточкой мягкой
Веснушки по нашим носам.
Айда бродить по болоту,
Тритоны нам сказки поведают,
Вода голубая мерцает
Лучше любых зеркал.
Плюнем сегодня на моду —
В стареньких куртках и кедах
Пойдем в дорогу по краю,
Который нам счастье дал!



ВЕСЕЛЫЙ ТРОЛЛЕЙБУС. *Яна ПЛОСКОВИТОВА, 7 лет.*

Слава ГОЛУБЧИК живет в Саранске, учится в 8-м классе школы № 5.

Весна пришла

СКАЗКА

Медвежонок крепко спал и видел свои зимние медвежьи сны. Вдруг прямо на нос ему упала большая холодная капля. Прервала сладкий сон на самом вкусном месте — только увидел Медвежонок усеянную красными капельками земляники солнечную поляну... Спросонья Мишка ничего не понял и широко открыл глаза. Может, землянику искал. Но только охнул от удивления. Заколдованный на долгую, полную вьюг и метелей зиму лес начал оживать, пробуждаться от спячки.

Никогда, никогда еще Медвежонок не видел настоящей весны. Все для него было вокруг ново и неизвестно.

Сорока-белобока, подобрав крыльями все последние лесные вести, подлетела к Медвежонку и затараторила:

— Непонятно, невероятно, Медвежонок проснулся. Мудрый Еж сказал, что самое прекрасное в природе — это весна, потому что потом будет лето...

— Что, что хорошо? — только и успел спросить Медвежонок вслед улетающей Сороке-балаболке. Он вылез из берлоги и побрел по лесу. Лес оживал от незнакомых прежде звуков. Дятел радостно долбил дерево, его красная шапочка издалека заметна всякому, кто знакомится с лесом. Первый робкий ручеек прожурчал первую свою песенку. Согрелись на солнышке и запели птицы. Последний снег потемнел, съежился, медленно таял, превращаясь в ручеёк.

Мудрый Еж попался на дороге. Медвежонок тут же спросил его:

— Что случилось с природой? Со всеми живыми существами? Какой праздник у лесных обитателей?

Но Еж ничего не сказал, то ли не расслышал, то ли спешил по своим неотложным делам. Удивительное продолжалось. Лисица сидела на осиновом пеньке и наводила красоту: расчесывала свой огненно-рыжий хвост. Заметила удивленного Медвежонка, обиделась:

— Привести себя в порядок нельзя, начинают рассматривать!

Барсук возился около норы, ремонтировал жилище, обновлял подстилку, выгребал прошлогодний мусор и чистил ходы. И никак не решился Медвежонок прервать работу своим вопросом. А у Ежихи потомство — пять маленьких ежат! Забот хватает. Так вот куда спешил мудрый Еж!

— Где же мне узнать? — рассуждал Медвежонок.— Сорока улетела, каждый в лесу своим делом занят...

Ворон и Ворона из соседней рощи гнездо строят. Грачи стаей налетели, над ближним полем кружатся, кричат, галдят...

На полянку перед самым медвежьим носом выскочил шустрый серый Заяц.

— Какой-то новый заяц, я его раньше не видел,— испуганно произнес Медвежонок.

— Не новый я, старый,— весело засмеялся «незнакомец».— Вспомни-ка, Миша. Я только шубку сменил.

— Объясни же, дружок, что случилось с природой,— обрадовался Медвежонок нежданной встрече.— Никогда не видел я столько радости, такого ласкового солнышка и хорошего лесного настроения!

— Чудак! Это же весна красна пришла, зиму холодную сменила, природе тепло принесла, лес украсила. Побежали к реке смотреть, как просыпается она...

Друзья побежали смотреть, как по-весеннему бурливая речная вода уносит серые льдины, на глазах очищается, просыпается. А лес наполнялся радостным звоном весны.

КЛУБ «ВРАТАРЬ»

Заседание клуба ведет заслуженный мастер спорта Анзор КАВАЗАШВИЛИ

У КАЖДОГО СВОЙ ЭВЕРЕСТ

По-аджарски «чаоба» — это «болото». Так же — Чаоба — называлась окраина города Батуми, где я родился и вырос. Располагалась она действительно на болоте, а через дорогу — только улицу Пушкина перейти — начинались центральные городские районы. Мы называли их между собой «город».

В то время не существовало еще клуба «Кожаный мяч», и мы придумали его сами, правда, в районном масштабе. Сами проводили соревнования между дворовыми командами. Но самой заветной мечтой считалась победа над командой «города».

До сих пор я помню, как радовались мальчишки нашей улицы, когда выиграли матч со счетом 6:1. А потом было поражение, которое тоже запомнилось, потому что с него начался для меня настоящий футбол.

В парке «Пионерский» повесили афишу: детская спортивная школа объявляла набор в футбольную секцию. Вся Чаоба пошла записываться. Я, конечно, тоже пошел, хотя на успех не очень надеялся: здоровье у меня было слабое, и детский врач без конца твердил маме, чтобы она не разрешала мне много бегать. «Разве тренеры обратят внимание на такого?» — думал я. Так поначалу и вышло, в группу меня не взяли. А тех, кому повезло, решили сразу же проверить в игре с мальчиками из спортивной школы. У моих друзей коленки тряслись от страха. Еще бы: их соперники уже знали азы футбольной тактики и даже внешне выглядели солидно — в форме, в настоящих бутсах с шипами... Пора было начинать игру, а в ворота, оказывается, поставить некого — все нападающие. Тут я и отважился: «Можно мне?»

Началась игра. Уже через полчаса я понял, что стоять в воротах ничуть не легче, чем бегать по всему футбольному полю.

Я еле успевал дух перевести, мои ворота все время атаковали. И, конечно, мы проиграли. Со счетом 6:0. Но тренер после матча лукаво посмотрел в мою сторону и совсем неожиданно сказал: «Беру в команду за смелость».

Начались настоящие тренировки. Я мечтал покорить футбольный мяч, как любой альпинист мечтает покорить Эверест — труднодоступную горную вершину.

Сначала было невероятно трудно. Все-таки во дворе мы играли в свое удовольствие и, если уставали, в любую минуту могли прекратить игру и отдохнуть. Тренировки — дело другое, здесь свой строгий порядок, свои законы, которым надо подчиняться. Хочешь стать мастером — трудись, даже через «не могу». Заставить себя делать что-то через силу может только тот, кто очень любит свое дело. Мы не боялись каждодневных упорных тренировок.

Вскоре я уже не был таким хилым и слабым, как раньше, побеждал в школьных соревнованиях по легкой атлетике,

акробатике и стал капитаном сборной команды школы по баскетболу и волейболу. И на городской пионерский слет меня послали делегатом не только за отличную учебу, но и за спортивные успехи тоже: я уже сыграл несколько матчей в составе юношеской сборной страны.

Мой день начинался с зарядки.

Тренер Гиви Киканашвили составил для нас, вратарей, учебную программу со специальными упражнениями для кистей рук, пальцев, со всевозможными прыжками, кувырками вперед и назад, с предметом в руках... Вечером после школы и домашних занятий — снова тренировка. Начиналась она с обязательной разминки, а остальное время тренировки посвящалось ударам по воротам из самых разнообразных положений. Кончалась общая тренировка, и все были свободны — все, кроме вратарей. Наставал час работы с нами.

Мяч занимал свое место на одиннадцатиметровой отметке, и кто-нибудь из игроков посылал его в ворота. Надо было угадать направление удара и обязательно выполнить прыжок в предполагаемый угол приземления мяча. Если опаздывал, прыжок все равно надо было выполнить, потому что научиться правильно падать для вратаря так же важно, как и умение ловить мяч. Я до сих пор помню советы нашего тренера: «Идешь на мяч или бросаешься в ноги нападающему, никогда не закрывай глаза. Вырабатывай смелость!».

Наверное, еще раньше, чем в школе, на занятиях Григория Афанасьевича Гагуа, известного игрока тбилисского «Динамо», познакомился я с... геометрией, впервые услышал слово «парабола», узнал закон физики: угол падения равен углу отражения.

Представьте себе, как важно вратарю уметь рассчитать траекторию полета мяча, верно определить наивысшую точку его полета и уловить то мгновение, когда нужно прыгнуть навстречу мячу. Как же без знания законов геометрии, физики обойтись? А значит, и учиться надо на совесть. Когда я получил первую в своей жизни двойку, тренер освободил меня от важной игры. Сначала я очень обиделся и посчитал, что меня наказали слишком строго, но потом понял, что спортсмен — спортсмен во всем, не только на футбольном поле, но и за партой.

Та двойка стала последней в моей жизни.

Первые шаги в спорте у всех одинаковы. Это игры во дворе, первая дворовая команда, соревнования между командами соседних улиц, уроки физкультуры в школе. С этого начинается путь к вершине. И только от тебя зависит, покорится ли она.

С этой тренировкой для вратарей Анзор Кавазашвили познакомился, когда постигал вратарское искусство в школе тбилисского «Динамо». На тренировках известный вратарь по многу раз повторял эти упражнения, и они помогали ему надежно защищать ворота «Торпедо», «Спартака», ленинградского «Зенита» и сборной команды СССР. Думаем, поможет она и вам, юным вратарям дворовых команд и клубов.

1. Тренер или любой полевой игрок команды устанавливает мяч на одиннадцатиметровой отметке. Вратарь занимает место в воротах и делает два-три кувырка на месте. После этого вратарь должен отразить удар, но мяч при этом надо отбить не прямо перед собой, а влево или вправо.

2. Тренер от боковой линии справа, а потом слева подает верхом мяч в район одиннадцатиметровой отметки. Кто-нибудь из игроков старается в прыжке поймать мяч руками, а вратарь должен его опередить и отбить мяч в воздухе. Затем упражнение усложняется: мяч нужно не просто отбить, а поймать.

3. Вратарь находится в положении лежа или сидя на линии ворот. Тренер с расстояния восемь — десять метров скрытно бросает мяч рукой так, чтобы он пролетел в метре от вратаря. Нужно успеть отбить мяч или поймать его.

4. Вратарь становится в трех-четырех метрах от вертикальной стенки, лицом к ней. (Для этого упражнения вполне подойдет глухая, без окон, стена дома.) Тренер находится за спиной вратаря и посылает мяч в стенку под различными углами. Вратарь должен правильно среагировать на отскок мяча и поймать его.

5. Это упражнение можно выполнять в лесу, а мяч заменить веткой. Заключается оно в

том, что вратарь должен допрыгнуть до ветки, отталкиваясь сначала правой, потом левой, затем двумя ногами. Задание можно усложнить. Для этого надо подвесить к дереву мяч на веревке и раскачать его. Вратарь старается дотянуться до мяча в наивысшей точке его взлета.

6. Тренер издали посылает мяч в район одиннадцатиметровой отметки. Один или два полевых игрока опережают мяч и пытаются пресечь вратарю путь. Вратарь должен избежать столкновения с полевыми игроками и овладеть мячом.

7. Тренер берет пять-шесть мячей и с небольшого расстояния почти без пауз один за другим посылает их в ворота. Вратарь должен отразить все удары. Чтобы усложнить это упражнение для вратаря, сокращают постепенно расстояние до ворот или увеличивают силу удара.

Л. И. Яшин.

РАССКАЖИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА...

«Второй год подряд футболиста Карла-Хайнца Руммениге награждают призом «Золотой мяч». Что это за награда? Кто из советских футболистов сумел завоевать этот приз? Многие ребята, наверное, хотели бы знать об этом.

Володя КНЯЗЕВ,
г. Старый Оскол».

О. Блохин.

«Золотые бутсы» и «Золотой мяч»

В футбольных играх — самых, наверное, популярных на Земле — легко определить лучшую команду. Для этого проводятся чемпионаты и кубковые турниры. Но кому не хочется знать: кто самый лучший футболист? В легкой атлетике просто вычислить, кто самый быстрый бегун,— достаточно вооружиться секундомером. Или взять в руки рулетку и выяснить, кто дальше всех прыгает или метает копье. А в футболе в каждой команде, не считая запасных, одиннадцать игроков. Лучшего бомбардира назвать нетрудно — подсчитал число забитых мячей, и имя самого удачливого нападающего известно. Среди вратарей, конечно, лучше всех тот, в чьи ворота реже, чем у других, попадал мяч противника.

Но кто же все-таки лучший футболист? Самый-самый?

Лучшего определяют... голосованием.

Много лет в Париже издается футбольный журнал «Франс футбол», который рассказывает читателям о футболе во всем мире.

Журналисты этого журнала и придумали ежегодные призы для лучшего футболиста Европы и лучшего бомбардира. Чтобы узнать, кому будет принадлежать «Золотой мяч», самым известным обозревателям европейских стран рассылают анкету. И каждый называет три фамилии. Потом подсчитывают голоса: названный первым получает три очка, вторым — два, третьим — одно. Того, кто наберет больше очков, журнал называет лучшим футболистом Европы и вручает ему приз «Золотой мяч». Этот приз может получить и любой игрок команды: и вратарь, и защитник, и полузащитник...

Первый такой конкурс проходил в 1956 году, а победителем его стал знаменитый английский нападающий Стэнли Метьюз. Футболистов, которым исполнилось тридцать лет, ласково называют «старичками». Так вот, Стэнли Метьюз играл до пятидесяти лет, и играл очень хорошо.

Очень скоро «Золотой мяч» стали считать самой почетной для футболиста наградой. Пять раз добивались этого приза немецкие футболисты, четыре — английские, по три раза — испанцы и голландцы. Кстати, в Голландию все три раза заветную награду привозил один из самых популярных в мире футболистов, Йохан Круифф.

Дважды «Золотой мяч» побывал у советских футболистов. Им награждали прославленного вратаря Льва Ивановича Яшина и лучшего нападающего киевского «Динамо» Олега Блохина.

Лев Яшин завоевал «Золотой мяч» в 1963 году. У этой награды есть своя история.

Сборная СССР выступала на чемпионате мира в Южной Америке. Ворота нашей сборной защищал Лев Яшин. Ему было тридцать три года. Незадолго до этих соревнований он тяжело болел и еще не совсем успел войти в спортивную форму. И надо же такому случиться — в игре с довольно слабой командой Колумбии Льву Яшину пришлось четыре раза вынимать мяч из своих ворот. А один, самый обидный мяч для вратаря как-то незаметно проскочил между ног. Мальчишки называют такой гол «позорным».

Когда Яшин после чемпионата мира появился на московском стадионе, его встретили оглушительным свистом. Трудно, наверное, болельщикам было простить своему кумиру такую неудачу. Известный всему миру вратарь решил, что пора, как говорят футболисты, повесить бутсы на гвоздик. Взял он отпуск и уехал в деревню рыбачить. Надо еще поискать такого страстного рыболова, как Лев Яшин. Только недолго пришлось ему наслаждаться рыбалкой. Его разыскал тренер Александр Семенович Пономарев. Разыскал и отругал по первое число: «Как тебе не стыдно — в тебя верят товарищи, а ты их подводишь. И ученика ты еще не воспитал...» Многое тогда сказал футболисту тренер.

Лев Яшин вернулся в динамовские ворота.

Он тренировался так, что даже футболисты, которые были намного его моложе, не выдерживали. Столько тренировался, что приходилось вечерами на тренировочном поле зажигать свет...

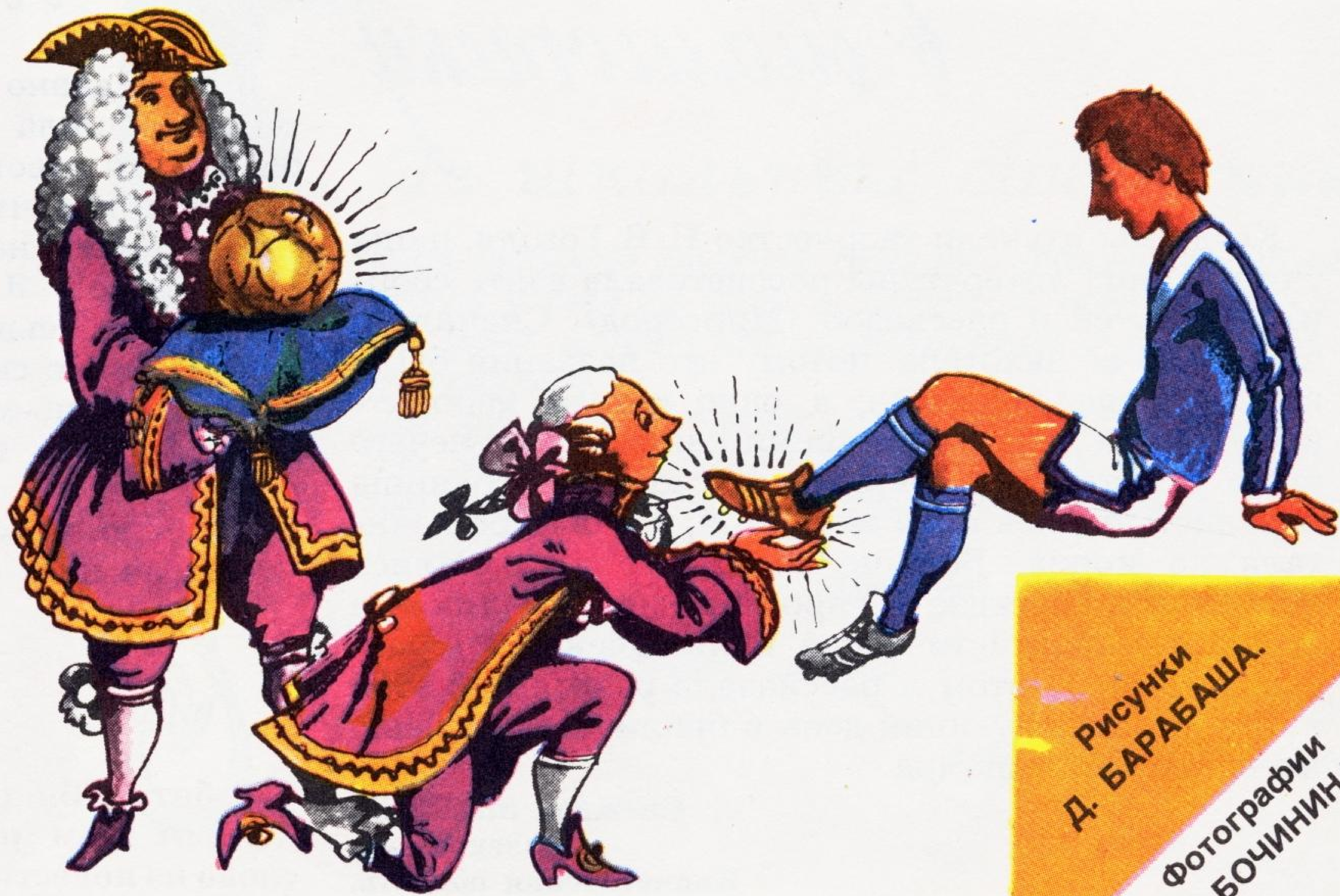
В следующем сезоне отходчивые болельщики встречали и провожали любимого вратаря овациями: его команда уверенно стала чемпионом страны, а Лев Яшин в двадцати семи матчах пропустил всего шесть голов. Осенью его пригласили сыграть за сборную мира против англичан в матче в честь столетия мирового футбола. Журнал «Франс футбол» присудил нашему вратарю «Золотой мяч».

В последний раз Лев Иванович Яшин встал в ворота московского «Динамо», когда ему было больше сорока лет. В Москву на его прощальный матч приехали лучшие футболисты мира.

Яшин отыграл весь первый тайм и передал свои вратарские перчатки ученику — Владимиру Пильгую.

Будете когда-нибудь в Москве, обязательно приходите в Лужники — там, на Большой спортивной арене, в Музее спорта, вы увидите бесценный приз — «Золотой мяч», которым почти двадцать лет назад был награжден впервые советский футболист.

В. БЕРЕЗОВСКИЙ



Рисунки Д. БАРАБАША.

Фотографии А. БОЧИНИНА.

Что нам читать?

МЕЧТАЙТЕ О ПОДВИГЕ

...Мальчишки носились по двору. Они строчили из деревянных пулеметов — та! та! та! Они стреляли из картонных пистолетов — бух! бух! бух! Разведчики в разноцветных майках крались в тыл к противнику. Трещали кусты.

Я подошла к мальчишкам и спросила: «Ребята, а что вы делаете?»

Им не хотелось отрываться от событий, им было не до меня. Но кто-то из них, взлохмаченный, с быстрыми глазами, бросил через плечо: «Не видите, что ли?! Играем! В подвиг!»...

О подвиге можно мечтать. Можно готовить себя к нему. И все-таки, когда человек совершает подвиг — это продолжение обычной жизни человека. Он — звено в жизненной цепочке. Можно было сделать только так и никак иначе. И лишь другие люди, со стороны и, может быть, из другого времени, могут оценить поступок и сказать: «Он совершил подвиг. К этому он шел всю жизнь». Передо мной лежит книга **«Подвигу жить!»** (составители Е. Волк и М. Филиппова). Она выпущена в 1981 году издательством «Молодая гвардия». Сколько очерков в этой книге, столько и героев. Пионеров-героев. Все они были обычными ребятами, у всех у них была обыкновенная жизнь, все они любили свою Родину, и все они совершили подвиг, когда это потребовалось стране. И сейчас мы гордимся ими, юными патриотами. А многие пионерские отряды борются за их имена. Советуем почитать и другие книги о юных героях: **«О подвигах, о доблести, о славе...»** (издательство «Детская литература»), Я. Давидзон **«Орлята партизанских лесов»** (украинское издательство «Веселка»).

Возьми эти книги, сядь, почитай, подумай. Хорошие мысли придут тебе в голову. О том, как надо любить свою Родину. О том, как прекрасно жить на земле, когда нет войны. О том, что ты тоже в ответе за судьбу нашей страны, потому что на груди у тебя пионерский галстук.

...Мальчишки промчались мимо.

Стояло лето. Мирный солнечный день. Но мальчишки придумали себе трудности, играли в войну и хотели совершить подвиг. И честное слово, мне захотелось побежать с ними в атаку.

Во все времена они были такими. Отважными и неугомонными. О них тоже напишут книжки.

И. АНДРИАНОВА

ЗОЛОТАЯ ПОЛКА

Спешите в библиотеку

Когда мы изучали творчество Н. В. Гоголя, наша учительница литературы посоветовала взять сборник повестей и рассказов «Миргород». Сначала я читать ее не захотела, потому что названия были какие-то неинтересные, а одно совсем непонятное — «Вий». Как-то во время каникул мне нечего было делать, и я открыла эту книгу. Страницы перелистывались одна за другой, и я быстро дочитала до конца. Больше всего мне понравились описания в рассказе «Старосветские помещики» и страшные фантастические приключения из рассказа «Вий». Потом я рассказала ребятам об этой книге, и на следующий день в библиотеке не было ни одного экземпляра.

Снежана МИЛЛЕР,
с. Алексеевка,
Кокчетавская область.

Жду ответа

Я уже давно выписываю журнал «Пионер». А теперь решила вам написать. Мне очень хотелось бы узнать ответ на один вопрос.

Дело в том, что я прочитала повесть Л. А. Кассиля, которая называется «Будьте готовы, Ваше высочество!». Я обратила внимание на такие слова: «И помни, сын: за бессмертие обычно платят жизнью!» Не скажу, что я совсем не поняла этой фразы, но, по-моему, тут есть над чем подумать. Я думала, но в целом смысл фразы остался мне непонятен.

Не знаю, может быть, мой вопрос слишком глуп, чтобы на него отвечали...

Маша М.,
Московская область.

Ребята! Вопрос Маши М. не показался нам глупым. Нам интересно узнать, как вы понимаете слова из повести Л. А. Кассиля. Ждем ваших писем!

Рисунок П. ПРОРОКОВА.

ПЕРЕМЕНКА

Невыдуманные диалоги

НА УРОКЕ ФИЗИКИ

Учитель. Назовите простые механизмы.
Ученица. Ведро.

Люба Зыкина,
д. Варнаки, Кировская область.

НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРЫ

Учительница. Расскажи нам о персонажах сказок Салтыкова-Щедрина.
Ученик. Персонажами сказок Салтыкова-Щедрина чаще всего являются звери: лисица, заяц, помещик Собакевич...

Юля Касалинская,
Аня Симонова,
г. Магнитогорск.

* * *

Учительница. Что называется олицетворением?
Ученик. Это когда неживые существа шевелятся и разговаривают...

Лена Березкина,
Восточно-Казахстанская область.

НА УРОКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Учительница. Составь предложение со словом «осветила».
Ученик. Темная ночь осветила длинный коридор.

Ира Сидорова,
г. Горький.

НА УРОКЕ МАТЕМАТИКИ

Учитель. Какие ты знаешь треугольники?
Ученица. Прямоугольник, тупоугольник, косоугольник...

Азиза Бабаханова,
г. Душанбе.

НА УРОКЕ ГЕОГРАФИИ

Учительница. Какие сегодня облака?
Ученица. Слоистые.
Учительница. Значит, какая сегодня погода?
Ученица. Слоистая.

Ольга Черненкова,
г. Севастополь.

НА УРОКЕ ПРИРОДОВЕДЕНИЯ

Учительница. Что вы знаете о змеях?
Ученик. У них шея вытягивается...

Сергей Гусев,
г. Евпатория.

Из школьных сочинений

«Моя любимая книжная героиня — Иванушка-дурачок».
«Когда я был на море, я любил по нему бегать».
«На меня глядело что-то невероятное с ушами и лохматыми глазами».
«Его руки и ноги цепко лезли вверх по столбу».
«На деревьях сидели рябчики, бегали зайцы».
«Вратарь был одет в черный свитер, синие шорты и забинтованную ногу».
«У моего кота Васьки красивые лапы и шея, чем-то напоминающая бантик».
«Он стоял и лязгал глазами».

Ведет Н. РОСТОВЦЕВА.
Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА.

Они сдружились в Шеки

Здравствуйте, меня зовут Джыртдан. Мы, возможно, встречались с вами раньше. Я — герой азербайджанских народных сказок. Со мной всегда происходят невероятные истории. Но такой, о которой я хочу вам сейчас рассказать, поверьте, еще не было.

Я стал шахматистом. Да-да! И так полюбил эту игру, что теперь ни на минуту не расстаюсь с шахматной доской. Раньше я думал, что шахматисты — скучный народ. Сидят часами за шахматными досками, не улыбнутся даже. А я человек веселый, люблю, когда улыбаются.

За мой неунывающий характер меня нарисовали на эмблеме XIV Всесоюзного финального турнира клуба «Белая ладья», который посвятили 60-летию СССР и 60-летию пионерской организации. Как оказалось, шахматисты тоже никогда не унывают. Даже если они потерпели неудачу.

Теперь меня, Джыртдана, узнают повсюду в нашей стране, потому что в древнем азербайджанском городе Шеки, где проводился турнир, летом собрались ребята из всех союзных республик. Они обещали рассказать своим друзьям о том, что здесь происходило. Ну, а пока послушайте меня, Джыртдана.

Первая победа

В шахматы Игоря Барсукова научил играть папа. Игорю было тогда пять лет, и он всему удивлялся. Например, фигур на доске у него больше, чем у папы, а выиграть никак не удается. Конечно, он расстраивался, но играть было так интересно, что Игорь каждый раз заново расставлял фигуры и упрашивал сыграть с ним еще разочек.

Шахматные фигуры казались ему живыми. Он даже разговаривал с ними, и маленькие деревянные фигурки ему отвечали. «Ну зачем, зачем ты поставил меня на эту клетку, мне здесь страшно. Смотри: слон вот-вот съест меня»,— говорил ему конь, которого юный шахматист легкомысленно поставил под удар вражеского слона. И тогда Игорь спешил спасти своего коня от опасности.

Постепенно мальчик понял, что волшебная сила, которой, казалось ему, наделены шахматы,— в умном и умелом полководце. Значит, все зависит от него... И здесь, в Шеки, он в этом убедился.

...Так уж получилось, что Лариса Сергеевна, тренер ташкентской команды, на соревнования приехать не смогла. Сначала ребята, конечно, приуныли: в других командах тренеры и партию с ребятами анализируют, разобрать ошибки помогают, советуют, а им как быть? На кого надеяться? Остается на самих себя. И они договорились: время зря не терять, заниматься самостоятельно, даже больше, чем с тренером. И не раскисать. Когда в Москве проходил турнир на кубок А. П. Гайдара, тоже нелегко пришлось. Самыми младшими оказались, но за победу наравне с другими боролись и заняли седьмое место. Значит, и здесь должны выстоять.

С таким настроением Игорь Барсуков сел в первый день турнира за шахматный столик. Он очень хотел победить, потому что знал, как это поднимет настроение всей команды. И победил. Я ему даже позавидовал: все-таки здорово стать первым победителем турнира.

Когда время летит незаметно

После обеда из лагеря куда-то исчезали то одна, то другая команда. Я все думал-гадал: куда? А вечерами, когда все снова собирались вместе, рассказам не было конца. Дело в том, что у каждой команды — шефы. Они и «разбирали» своих «детей», чтобы показать им все самое интересное в Шеки и его окрестностях, или просто для того, чтобы дать ребятам возможность отдохнуть как следует после шахматных баталий. Особенно нравились экскурсии на предприятия.

Ну, скажите, когда еще такой случай представится — пекарем побыть? Ребятам из украинской команды повезло. Когда они были в гостях у шефов на хлебозаводе, не только увидели, как выпекают хлеб, но и сами из печи его доставали! А шефы московской команды — работники шелкового комбината пригласили ребят в один из своих детских садов. Малыши долго готовились к этой встрече. Настоящий шахматный праздник устроили, каждому преподнесли в подарок самоделки, которые смастерили на своих «уроках» труда. После праздника ребят угостили азербайджанским пловом. Главный сластена в команде Володя Чучелов даже изменил своему любимому блюду — торту, торжественно стоявшему на столе. И, кажется, впервые в жизни поверил, что от еды действительно можно лопнуть — до того вкусным оказался плов.

Так в сражениях и встречах незаметно пролетела неделя. Я даже за это время играть в

Капитаны команд.

шахматы научился, теперь комбинации разные как орешки щелкаю.

После дождичка в четверг

Оставалось еще шесть дней соревнований. Шесть дней, поделенных на половинки. В первой — состязания, во второй — отдых. Очень правильный распорядок. И все-таки ребята, тренеры, даже судьи, и те устали. Решили отдохнуть! Четверг превратили в воскресенье и объявили... трудовой десант.

Я сначала не понял, что это такое, но раз все едут, значит, и я.

Место высадки десанта было известно — садоводческое предприятие «Память Ильича». Надо помочь окопать яблони. Но с утра вдруг заморосил дождь. Думали переждать, да не тут-то было: мелкий дождь, он всегда надолго. Решили ехать.

Нас уже ждали. Как только автобусы остановились и мы вышли на шоссе, подбежали ребята из местной школы и каждому вручили по букету роз. Заиграл оркестр. Сначала мы его не заметили. Чтобы уберечь инструменты от воды, музыканты спрятались под большущим деревом. А рядом с ними — целая гора лопат, чтобы каждому хватило. И никакой дождик нам не помешал. С ним было даже веселее. Игорь Барсуков и здесь первым оказался — четыре яблони успел окопать и все жалел, что этот день так быстро кончился.

Когда мы уезжали, с яблонь капала вода. Я поднял голову и поймал губами одну капельку. Она показалась мне сладкой...

С яблонь, которые окопали в Аллее дружбы участники турнира на трудовом пионерском десанте, осенью сняли ароматные плоды. Только то, над которым трудился дольше всех Армен Исаян из армянской команды, плодов не принесло. Армен так увлекся, что... окопал телеграфный столб! Как видите, и с шахматистами иногда происходят невероятные истории.

Что такое гостеприимство

Аршак Рамазян, например, считает: «Гостеприимство — это когда гости довольны твоим домом». Аршак приехал из Армении. Для него Кавказские горы, у подножия которых расположился лагерь шахматистов, родные. А вот Жанна и Таня Корневы — гости дальние, «настоящие», они приехали из Белоруссии. Девочки говорят так: «Гостеприимство — это когда гости и хозяева сразу становятся друзьями». Женя Пахомов из Киргизии добавил: «Приеду домой, обязательно расскажу, какие замечательные ребята живут в Шеки». Каждый из участников турнира внес что-то свое в понимание этого слова.

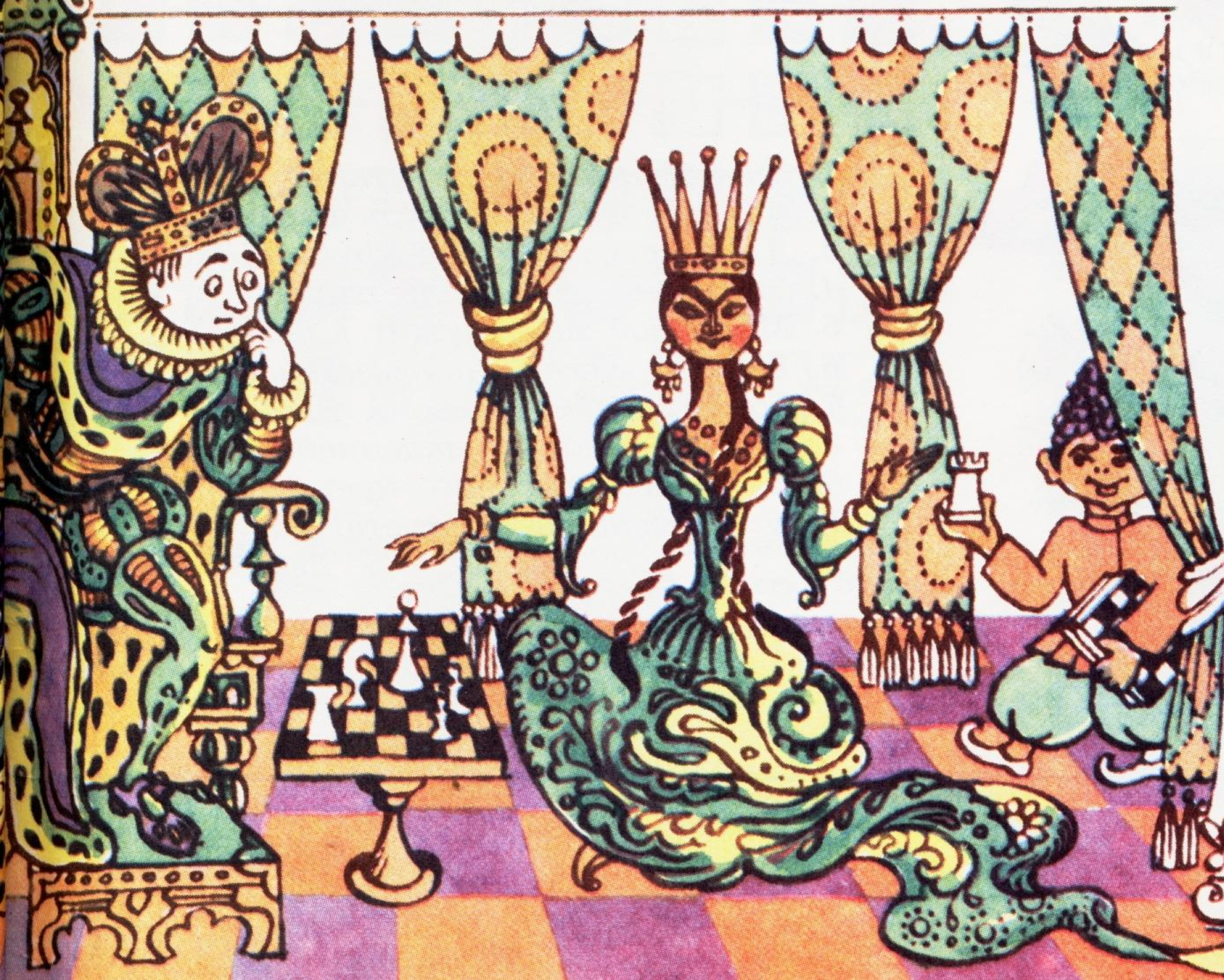
Над дверьми средней школы № 8 г. Шеки висит старый-престарый колокол. Таким раньше созывали учеников на урок. Теперь в колокол звонят раз в году, когда для старшеклассников звенит последний школьный звонок. Об этом я услышал от ребят из восьмой школы, которые пригласили к себе в гости всех участников турнира.

Не только шахматы.

...И с шахматистами происходят невероятные истории.

Школьный коридор — длинный-длинный, и ряд столов со всякими восточными сладостями, фруктами и чаем — тоже длинный-длинный, другого конца даже и не видно. Сначала над столом висела тишина, никто не решался первым протянуть руку за угощением, заговорить с хозяевами этого дома. Но вот мелькнула одна рука — кто-то из шекинцев угощал сладкой черешней соседа, потом другая, потом целый лес рук. Не только за сластями тянулись ребята, они передавали друг другу свои адреса. То и дело слышалось: «Ты из какой команды?», «А в футбол любишь играть?», «Хорошо тебе у нас?»

Конечно, всем было хорошо. Потому что было весело, как бывает весело в гостях у хороших друзей.



* * *

Не знаю, понравились ли вам, ребята, истории, которые я рассказал, но лично мне шахматный турнир в Шеки запомнился. На нем я научился играть в шахматы, узнал, каким веселым и сладким бывает дождь в саду, в котором поработал, как соперники становятся друзьями, как шли горячие батали за главные призы журнала «Пионер».

Т. ПЕТРОВА

УМА ПАЛАТА

Ответственный дежурный Никита Разговоров. Рисунки А. Вовиковой.

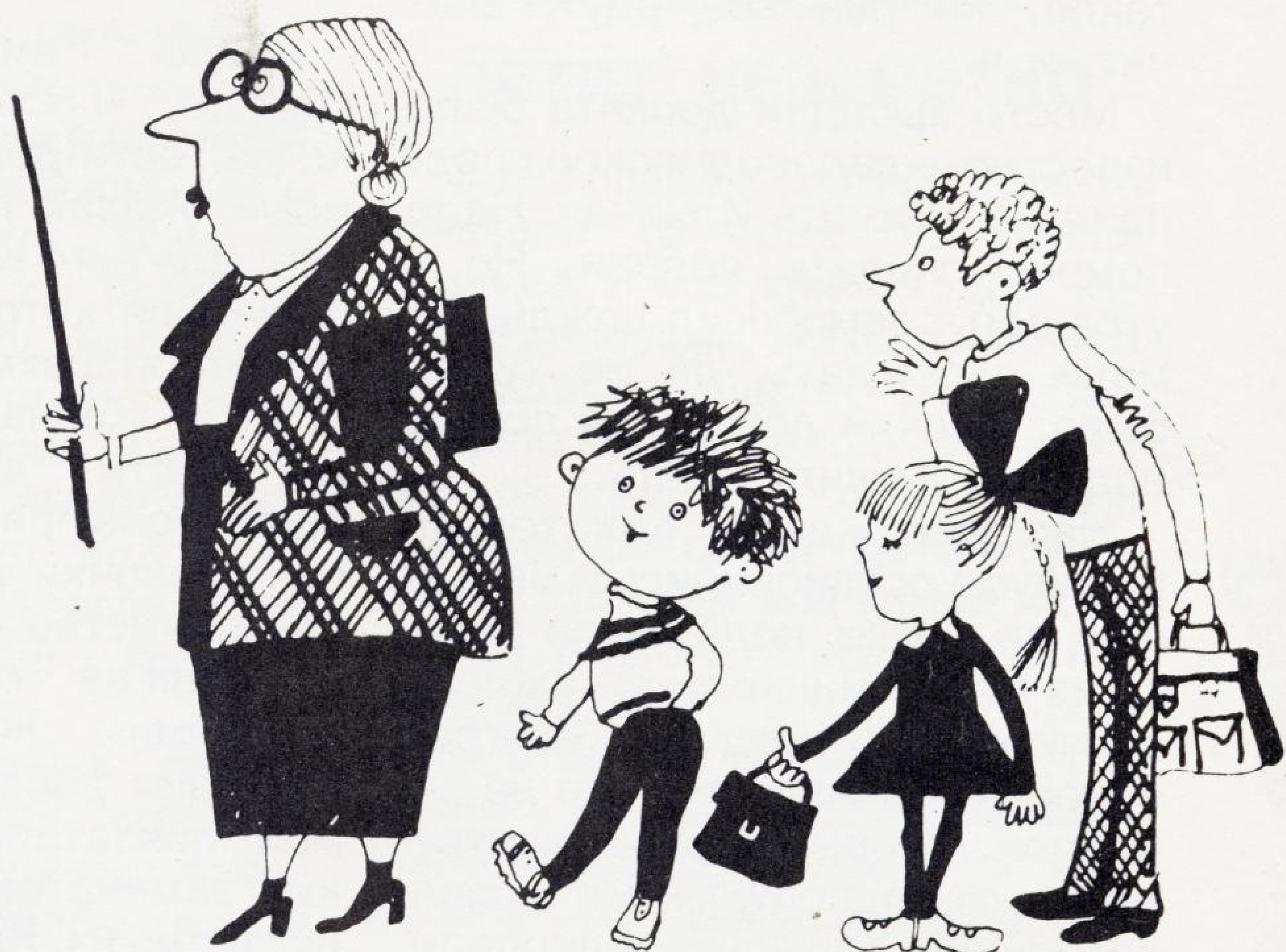
Где ошибка?

Живживка спрашивает

Картина «Колумб открывает Америку»,
Плывут каравеллы к заветному берегу.
Но все ли здесь верно? Пожалуй, что нет!
Найдите ошибку. Пришлите ответ.

Живживка.

Примечание: я тоже не мог догадаться сначала. Спасибо, что лошадь ответ подсказала!



Лабибук

Игры деда Буквоеда

1. Я — самая большая птица!
2. А мне б во что-нибудь вонзиться!
3. Я — в тесной трубке круглый год!
4. Во мне — автомобиль живет!
5. Мне — зоб мой служит кладовой!
6. Я — суп. Легко узнать какой!
7. Горжусь длиной своих ушей!
8. А я — в руках у малышей!
9. Я — масса огненного цвета!

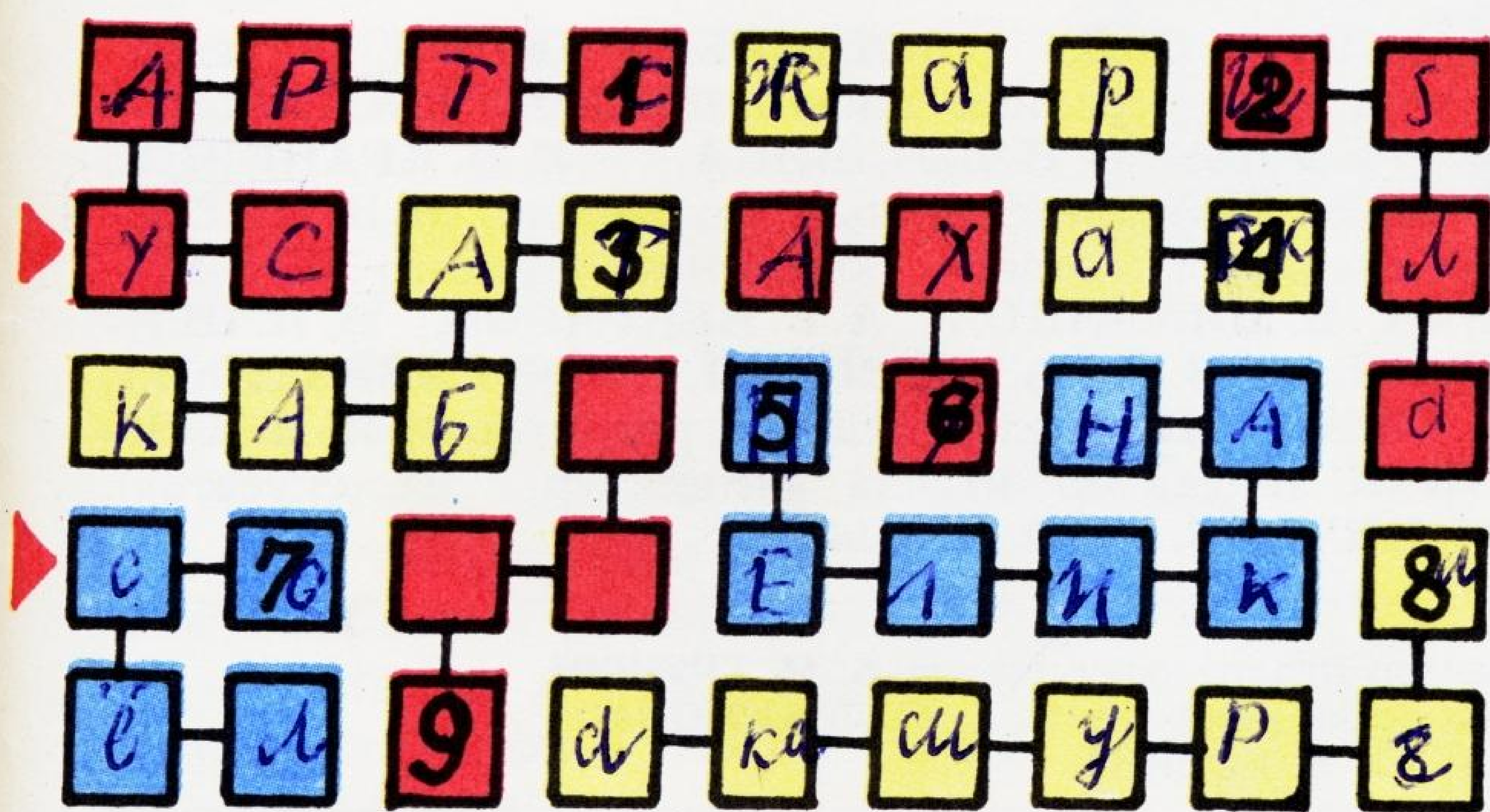
Жду с нетерпением ответа!

Дед Буквоед.

Шесть различий

Игры Лупы и Пинцета

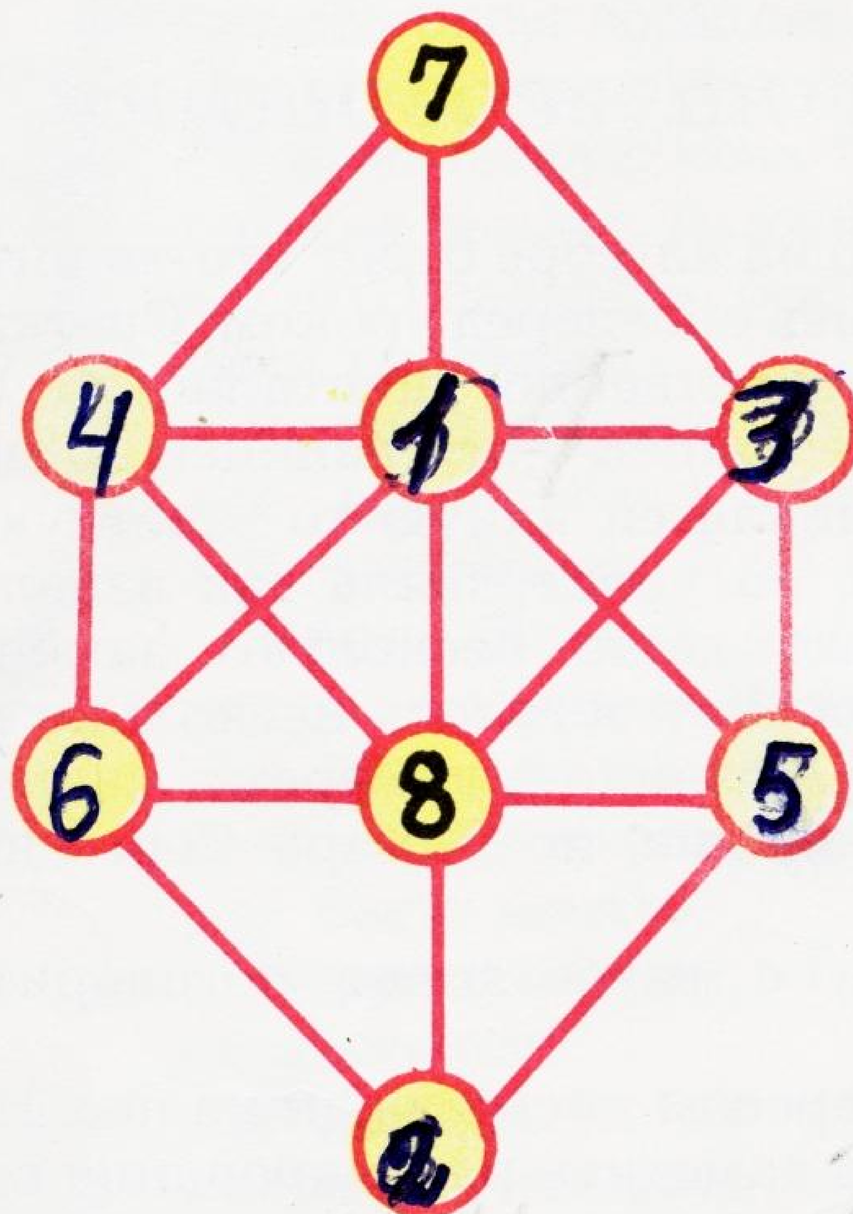
На большой, гигантской марке
Свет луны не очень яркий,
А на малой — в лунном свете
Лепестки, трава и ветви.
Вы хотите, может быть,
Марки тщательно сравнить?
Отправляйтесь за добычей,
На рисунках шесть различий!
Тот, кто ищет, тот найдет!
(Цифры, надписи не в счет.)



Правила: впишите отгадки в соединенные клеточки, начиная от цифры. Когда все клетки будут заполнены, в строчках, обозначенных стрелками, вы сможете прочесть пословицу.

Цифры поссорились

Капитан Перо ищет помощника



Случай странный!
Случай редкий!
Цифры в ссоре! Вот-те на!
Со своей стоять соседкой
Не желает ни одна!
Труд нелегкий! Труд немалый!
Сделай так, чтоб на листке
Цифра каждая стояла
От соседок вдалеке!

Примечание: в игре участвуют цифры 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8. Разместите их в кружочках так, чтобы ни одну из цифр нельзя было соединить прямой линией — от кружка до кружка — с ее соседками в порядковом ряду. Две цифры я уже поставил на места.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 9

Игры Деда Буквоеда

На огонек. Третий огонек.

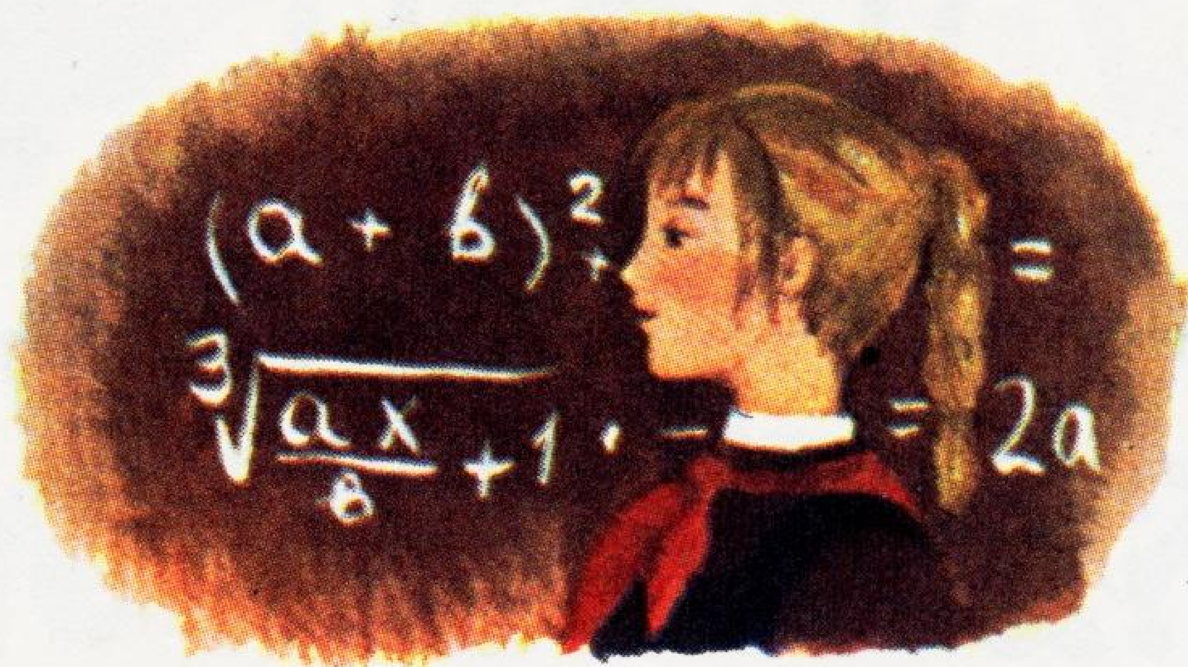
Капитан Перо ищет помощника

Кто виноват? Правду говорит Пач. Стекло разбил Пит.

Игры Лупы и Пинцета

Олень, Бизон, Сова, Енот. Возможны четыре таких числовых ряда: 1, 2, 3, 4; 3, 4, 1, 2; 4, 3, 2, 1; 2, 1, 3, 4.

СИТГПУОИ
САКЖНАЛА



А на географии?

О том, что на алгебре будет что-то интересное, мы догадались еще перед уроком. Светка Лунина о чем-то таинственно шепталась с Тамарой Сергеевной — нашей учительницей по математике,— показывала ей какую-то заветную тетрадку, а потом, на уроке, была так взволнованна, что получила даже несколько замечаний от учительницы. Вот осталось несколько минут до конца урока. Обычно в это время мы разбираем домашнее задание, но Тамара Сергеевна вдруг сказала:

— Ребята, с вами хочет поговорить Света Лунина.

Мы с интересом посмотрели на нее. Не скрою, можно было заметить разочарование в глазах у многих, когда на доске стали появляться задачи и примеры. Ну вот, только собрались отдохнуть...

Задачи, правда, были не простые — занимательные. В одной нужно было пройти по арифметическому лабиринту, чтобы прочитать пословицу, в другой — так разрезать прямоугольник, чтобы получилась трапеция. В общем, над каждой приходилось поломать голову.

Когда задача попадалась потруднее и класс молчал, Светка начинала объяснять сама. «Ну как вы не понимаете?» И нам оставалось только удивленно качать головами.

Прозвенел звонок. В класс уже начали заглядывать нетерпеливые четвероклашки, а мы все не уходили: хотелось узнать, как из такого огромного примера может получиться совсем простой ответ. Времени все-таки не хватило, и самые любопытные продолжали расспрашивать Светку в коридоре. А она вся светилась от радости. Еще бы! Ее затея понравилась классу.

Следующий урок — география. Может быть, и там что-нибудь придумает Светка Лунина?

Таня БОРИСОВА,
г. Омск.

ВНИМАНИЕ!
ВСЕМ СОВЕТАМ ОТРЯДОВ,
ВСЕМ СОВЕТАМ ДРУЖИН!

На 1983 год подписка на журнал «Пионер» проводится во всех отделениях «Союзпечати» БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ.

На журнал «Пионер» можно подписаться и у общественных распространителей в школах и по месту жительства. Подписная цена на год 3 рубля 60 коп.

СОДЕРЖАНИЕ

Главный редактор С. А. ФУРИН.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

А. Л. АМПЕЛОНОВ, В. А. БЛИЗНЕНКОВА (редактор отдела внутренней жизни страны), **Т. А. ГАЙДАР, О. И. ГРЕКОВА, Н. В. ИЛЬИНА, В. П. КРАПИВИН, С. Л. МАКЕЕВ** (ответственный секретарь), **М. В. МАТВЕЕВА** (редактор отдела коммунистического воспитания), **С. В. МИХАЛКОВ, А. С. НЕКРАСОВ, М. П. ПРИЛЕЖАЕВА, В. Л. РАЗУМНЕВИЧ, О. М. САВВАТЕЕВА, Л. С. СИМОНОВА** (зам. главного редактора), **И. Н. ХРИСТОВАЯ** (редактор отдела литературы и искусства), **Ю. М. ЧИЧКОВ, Ю. Ф ЯРМЫШ.**

Редактор отдела оформления **А. М. ГРИШИН.**
Технический редактор **Е. Г. ЕВДОКИМОВА.**
Макет **Ю. Л. РОДИНА.**

© Издательство «Правда», «Пионер», 1982.

Адрес для писем: **101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.

Сдано в набор 02.08.82.
Подписано к печати 17.08.82. А 05161. Формат $84 \times 60^1/_8$.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,46. Учетно-изд. л. 9,00.
Усл. кр.-отт. 31,25. Тираж 1 650 000 экз. Изд. № 2084. Заказ № 2954.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
125865, Москва, А-137. ГСП, ул. «Правды», 24.

ПЕРЕМЕНКА

В кино сниматься непросто — это знают все. А если к тому же ты играешь в фильме мальчика, который жил сто лет назад, да еще и такого мальчика, которого знает весь мир?..

«Мне очень понравилось, как сыграл Тома Сойера Федя Стуков. Расскажите о нем!»; «Хочу дружить с Томом Сойером из фильма!»; «Вот если бы у нас в классе учился такой мальчик, как Том Сойер, мне было бы интереснее ходить в школу!» — такие письма мы получили после демонстрации нового телефильма «Приключения Тома Сойера и Гекльберри Финна». Недавно в гостях у «Переменки» побывал исполнитель роли Тома Сойера ученик четвертого класса **Федя СТУКОВ** *и ответил на вопросы нашего корреспондента* **Марины ПОТОЦКОЙ.**

Корреспондент. Федя, скажи, «Том Сойер» — это твой первый фильм?

Федя. Что вы! Уже шестой! А первый фильм был «Несколько дней из жизни Обломова». Я тогда был пятилетним и очень глупым! Не хотел рано утром просыпаться на съемки и канючил, говорил режиссеру Никите Сергеевичу Михалкову: «Вот наберите мне целую коробку божьих коровок — тогда буду сниматься...» Теперь даже как-то стыдно про это вспоминать. Еще в этом фильме у меня был смешной случай: я должен был в одном эпизоде бежать по огромному полю. Режиссер сказал: «Ты беги, а я тебе крикну в мегафон «Стоп!», только тогда остановишься!»

Я и побежал. Бегу, бегу, а никто мне не кричит! Я уже еле-еле бегу, но знаю, что останавливаться нельзя. Потом меня с трудом догнали ассистенты режиссера. Оказалось, что он мне давно уже кричал «Стоп!», охрип даже, но я так далеко убежал, что ничего не слышал!

Корреспондент. Давай вернемся к Тому Сойеру. Как ты думаешь, почему именно тебя режиссер выбрал на эту роль?

Федя. Может быть, потому, что у меня волосы подходящие — рыжие? На репетициях я очень старался, потому что «Приключения Тома Сойера» — моя любимая книжка.

Корреспондент. Федя, ты ведь никогда не убегал на необитаемый остров, не встречался один на один с жестоким индейцем Джо, не плутал в подземной пещере... Трудно тебе было играть Тома Сойера?

Федя. Не-а! Было очень интересно. Особенно во время съемок в пещере — в Новом Афоне, на Кавказе. Мы с Машей Мироновой — она играла Бекки Течер — лазили там по скалам, над обрывами... Я там прыгал, как горный козел. Мне все кричали: «Федя, Федя, ты куда?!» А однажды во время съемок в пещере вдруг погас свет. Знаете, как стало темно! На улице даже в самую темную ночь такой темноты не бывает. Даже было жалко, что операторы быстро фонарики включили...

Корреспондент. Федя, а какие еще ребята снимались в «Приключениях Тома Сойера»?

Федя. Владик Сукачев — он играл Гекльберри Финна, потом вот Маша Миронова, Дима Рощин... И еще много ребят в эпизодах было занято.

Корреспондент. Ты с ними подружился?

Федя. Да. Но вот с Владиком мы почему-то часто ссорились на съемках. Сейчас-то мы в мире, но он живет в другом городе... А с Машей я дружу. Она очень хорошая девочка, не трусиха!

Корреспондент. Федя, а что ты больше всего любишь делать?

Федя. Очень люблю читать и петь — я уже пятый год пою в Большом детском хоре Центрального телевидения и Всесоюзного радио.

Корреспондент. А как же ты все успеваешь: сниматься, читать, петь да еще в школе учиться на пятерки?

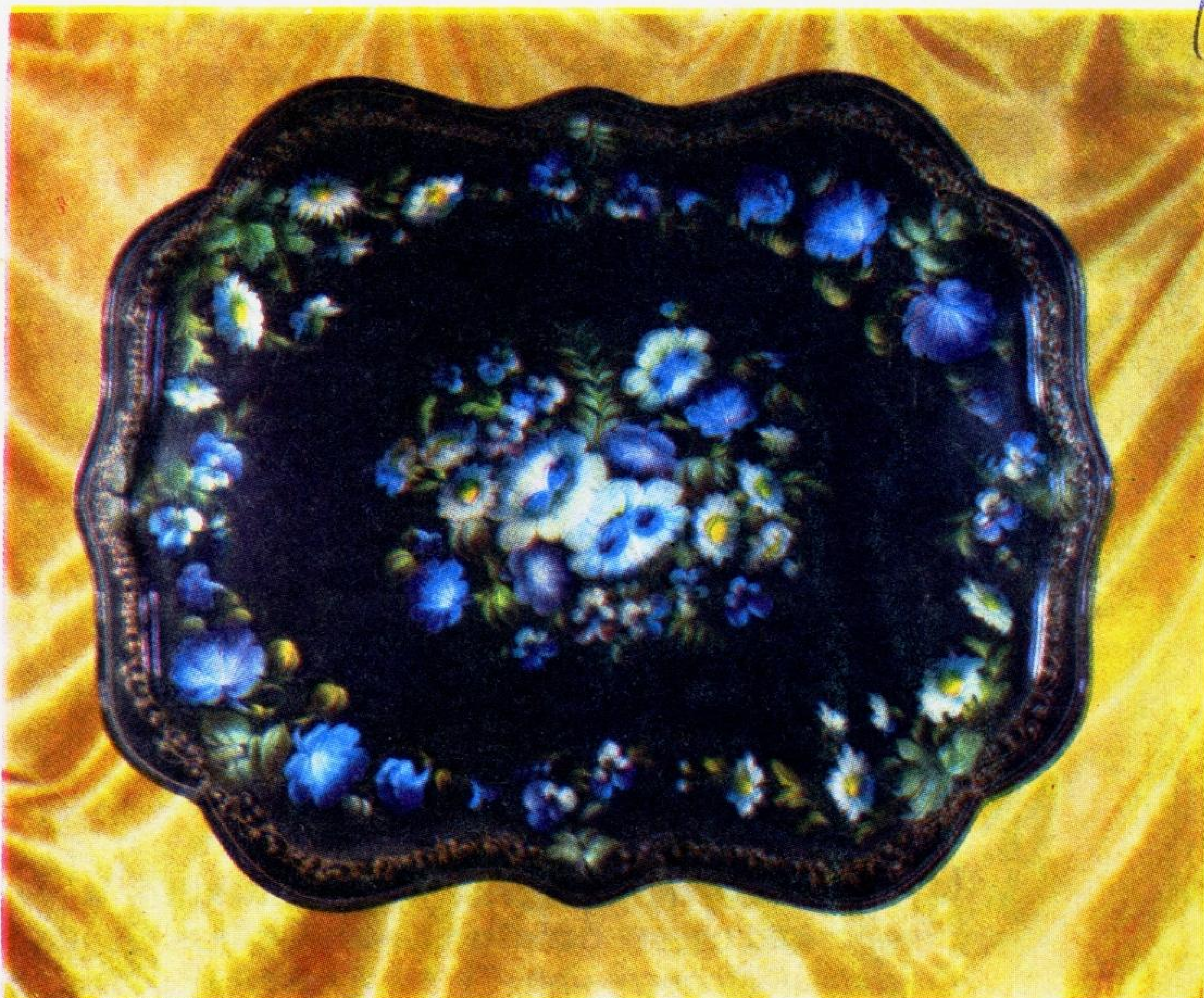
Федя. Это совершенно не трудно! Я ведь это все люблю!..

Корреспондент. Скажи, Федя, а кроме премьеры «Тома Сойера», что еще интересного за последнее время было в твоей жизни?

Федя. Я начал сниматься в фильме «Остров сокровищ» по роману Стивенсона. Знаете такую пиратскую песенку: «Двенадцать человек на сундук мертвеца»? Ее в нашем фильме тоже поют! А я там играю юнгу, который помогает победить пиратов и разгадать тайну Острова сокровищ.

А что еще интересного?.. Вот, знаете, я недавно научился жарить яичницу-глазунью, а это не очень-то легко!..

Рисунок Е. ШАБЕЛЬНИКА.

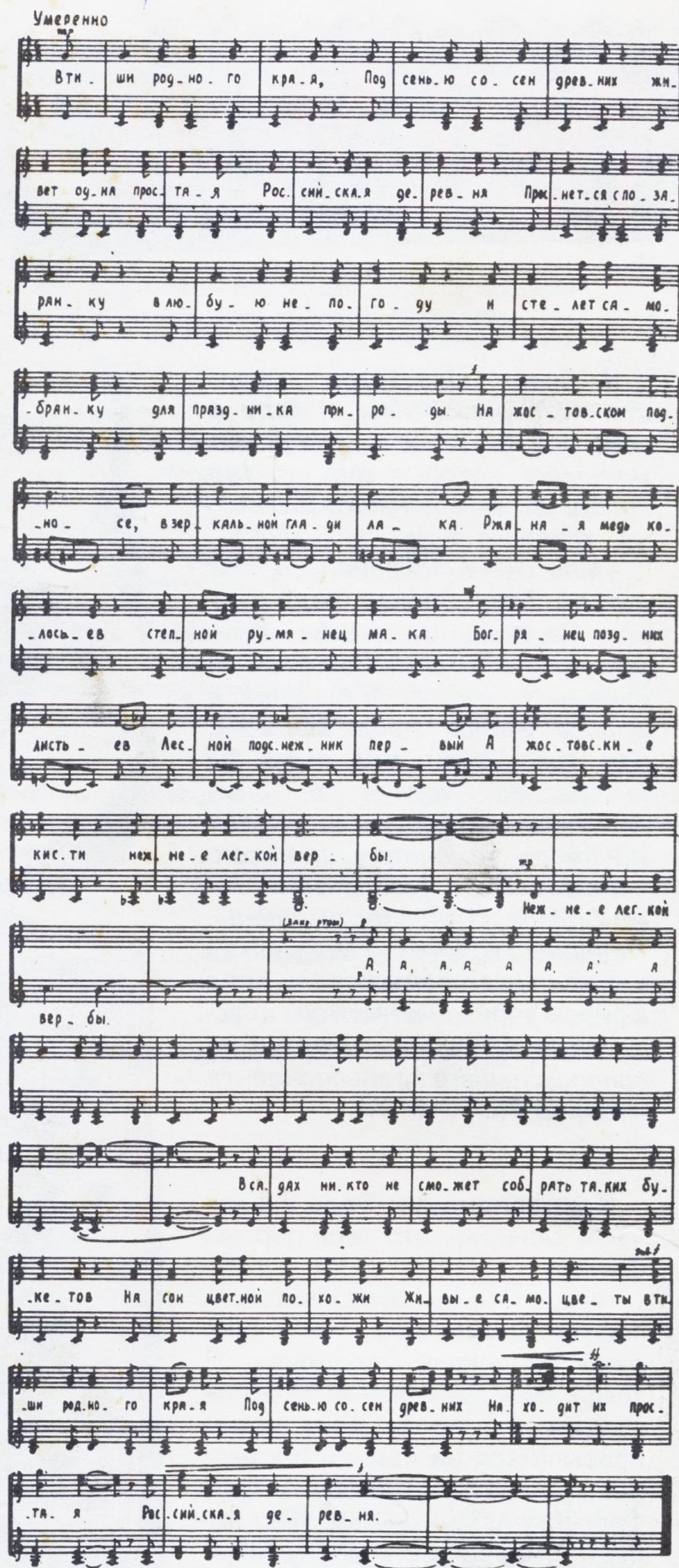


Жостовские кисти

Из сюиты «Музыка русских узоров».

Музыка Юрия ЧИЧКОВА,
лауреата премии
Ленинского комсомола.

Стихи П. СИНЯВСКОГО.



В тиши родного края,
Под сенью сосен древних
Живет одна простая
Российская деревня.
Проснется спозаранку
В любую непогоду
И стелет самобранку
Для праздника природы.

На жостовском подносе
В зеркальной глади лака
Ржаная медь колосьев,
Степной румянец мака,
Багрянец поздних листьев,
Лесной подснежник первый...
А жостовские кисти
Нежнее легкой вербы.

В садах никто не сможет
Собрать таких букетов.
На сон цветной похожи
Живые самоцветы.
В тиши родного края,
Под сенью сосен древних
Находит их простая
Российская деревня.

ISSN 0130—8009

Цена 30 коп. Индекс 70694.